

Сергей Кара-Мурза

Между идеологией и наукой

Москва – 2013

<http://kara-murza.ru>

Содержание

Раздел I. Общественное сознание и гуманитарная интеллигенция (обществоведы).....	3
1. Советское обществоведение и шестидесятники.....	3
2. Великий поход против СССР.....	24
3. Культурные особенности дискурса идеологов антисоветской революции.....	48
Раздел II. Объекты идеологических атак.....	66
4. Демократия.....	67
5. Операция в антропологии: пропаганда социал-дарвинизма	73
6. Поход против равенства.....	82
7. Стреляли в коммунизм, а попали в Россию.....	91
8. Подрыв советского хозяйства.....	100
9. Операция «загрузка мусора». Case study: понятие «отчуждение».....	127
10. Ликвидация системы ирригации и мелиорации	146
10. Почему антисоветская революция перерастает в перманентную?.....	149
Заключение.....	156
Литература.....	159

Раздел I. Общественное сознание и гуманитарная интеллигенция (обществоведы)

1. Советское обществоведение и шестидесятники

Как сказал Плеханов, «нет ни одного исторического факта, которому не предшествовало бы, которого не сопровождало бы и за которым не следовало бы известное состояние сознания».

Политическое действие, которое приводит к какому-то сдвигу в общественных отношениях – это «исторический факт». Это действие невозможно, если ему не предшествует соответствующее изменение в сознании группы людей. Вся история показала, что это условие является *абсолютным*. Многие философы утверждают это в разных выражениях. Как подчеркивал один из ведущих социологов современности П. Бурдьё, «политический бунт предполагает бунт когнитивный, переворот в видении мира».

Когнитивный бунт – это перестройка мышления, языка, «повестки дня» и логики объяснения социальной действительности. Само по себе недовольство этой действительностью к «политическому бунту» не ведет. Например, в настоящий момент большинство населения России не просто недовольны реальностью, но испытывают страдания. В 2011 году Институт социологии РАН опубликовал большой доклад, подводящий итоги исследований восприятия реформы в массовом сознании – с начала реформ до настоящего момента. Большой раздел посвящен «социальному самочувствию» граждан, то есть, состоянию их духовной сферы.

В докладе сказано: «Рассмотрим ситуацию с негативно окрашенными чувствами и начнём с самого распространённого по частоте его переживания чувства несправедливости всего происходящего вокруг. Это чувство, свидетельствующее о нелегитимности в глазах россиян самого миропорядка, сложившегося в России, испытывало в апреле 2011 г. хотя бы иногда подавляющее большинство всех россиян (свыше 90%), при этом 46% испытывали его часто. ... На фоне остальных негативно окрашенных эмоций чувство несправедливости происходящего выделяется достаточно заметно, и не только своей относительно большей распространённостью, но и очень маленькой и весьма

устойчивой долей тех, кто не испытывал соответствующего чувства никогда – весь период наблюдений этот показатель находится в диапазоне 7–10%. Это свидетельствует не просто о сохраняющейся нелегитимности сложившейся в России системы общественных отношений в глазах её граждан, но даже делегитимизации власти в глазах значительной части наших сограждан, идущей в последние годы» [1].

Почему же у массы страдающих людей не возникает попытки организовать, чтобы совместно разобраться в причинах своей беды и вариантах действий для того, чтобы воздействовать на социальную действительность с целью ликвидации или хотя бы ослабления этих причин? Потому, что их когнитивная структура, то есть, весь инструментарий их мышления и «видения мира», сформированный в 1990-е годы, не изменился. После 2000 г. он совершенствовался всеми средствами, которыми располагали власть имущие, и сегодня охраняется средствами воздействия на массовое сознание. Пока что для этого достаточны экономические и культурные средства, сила применяется в небольших порциях. Признаков когнитивного бунта пока нет, процесс обновления инструментов мышления требует времени и усилий всех социокультурных групп и, прежде всего, интеллигенции.

Одно из необходимых усилий – изучение уроков истории, и прежде всего истории близкой, лучше всего отечественной, которая творилась на нашей культурной почве. Здесь нам очень повезло – мы пережили катастрофу крушения советского строя (те, кому за 35). «Чем эпоха интересней для историка, тем для современников печальней». Как же был подготовлен тот когнитивный бунт, который обернулся тяжелейшим ударом по жизни большинства нашего населения? Кто и как подготовил то «известное состояние сознания», в котором люди равнодушно, или даже аплодируя, отдали свое национальное достояние ничтожному меньшинству, которое ничем его не заслужило?

Как известно, во время перестройки верхушка КПСС с помощью ее идеологической машины и используя «недоброжелательное инакомыслие» большей части интеллигенции, сумела разрушить ту «мировоззренческую матрицу», которая служила основой легитимности советского общественного строя и его политической системы (СССР). Для этого не требовалось, чтобы большинство населения заняло антисоветскую позицию, было достаточно, чтобы в массовом сознании иссякло *активное* благожелательное согласие на

существование СССР. Если население поддерживает политическую систему пассивно, то организованные заинтересованные силы способны сменить социальный строй и политическую систему. А такие силы имелись и в стране, и за рубежами.

Сдвиг интеллигенции к идее перестройки народного хозяйства и перехода к частному предпринимательству происходил быстро и вопреки установкам основной массы населения. Это отражено в большом докладе ВЦИОМ под ред. Ю. Левады «Есть мнение» (1990) [110]. В общем, вывод авторов книги таков: «Носителями радикально-перестроечных идей, ведущих к установлению рыночных отношений, являются по преимуществу представители молодой технической и инженерно-экономической интеллигенции, студенчество, молодые работники аппарата и работники науки и культуры» [110, с. 83].

Мы не можем сказать, какая доля интеллигенции была «носителями радикально-перестроечных идей», но можем утверждать, что эта часть была достаточно, чтобы подготовить и осуществить «когнитивный бунт, переворот в видении мира», необходимый для «политического бунта» 1991 года. Критическая масса интеллигенции обладала разнообразием, квалификацией и влиянием, чтобы выполнить свою миссию по подрыву легитимности СССР. Остальное было делом техники для партийно-государственной верхушки и ее внешних союзников.

Здесь мы не будем рассматривать структуру элиты советской интеллигенции, которая стала авангардом перестройки, это большая тема, и ее сначала надо «переварить» по частям. Отмечу только, что все части этого авангарда выполняли важные функции, как разные рода войск в большой операции. Некоторые авторы выделяют ту или иную функцию как решающую¹. Но, скорее, победа была достигнута именно благодаря системности воздействия на сознание населения.

---

¹ Например, очевидно важную роль в подтачивании легитимности СССР сыграли юмористы, начиная с конца 1950-х годов, с А. Райкина. Видный социолог Г.С. Батыгин (1951-2003) писал: «Риторика обновления в значительной степени основана на парадоксе и оксюмороне, легко преодолевавших бинарные оппозиции советской языковой системы, смехе, пародировании прецедентных текстов и рецитаций. ... Смех и парадокс, внедренные в социальный дискурс, разрушили легитимационные устои советского государственного устройства» [3, с. 41]. Это так, но разрушили, действуя как элемент системы.

В принципе, более чем за полвека до перестройки Антонио Грамши весьма точно предсказал, какими средствами воздействия на сознание интеллигенция укрепляет или разрушает легитимность общественного строя (он использовал понятие культурной гегемонии). Но в наше время примерно о том же пишут современные культурологи и социологи, очевидцы и участники разрушения СССР. Отвлечемся от того, ликовали они при этом или страдали. Они оставили важные наблюдения.

Г.С. Батыгин дает такое общее определение: «Интеллектуалы и публицисты артикулируют и обеспечивают трансмиссию “социального мифа”: идеологий, норм морали и права, картин прошлого и будущего. Они устанавливают критерии селекции справедливого и несправедливого, достойного и недостойного, определяют представления о жизненном успехе и благосостоянии, сакральном и профанном. Любая тирания уверенно смотрит в будущее, если пользуется поддержкой интеллектуалов, использующих для этого образование, массовую информацию, религию и науку. Но если альянс власти и интеллектуалов нарушен, происходит кризис легитимности и реформирование системы...»

Причины социальных трансформаций обычно усматриваются в противостоянии власти и народа. Принято ассоциировать “тоталитарную власть” с силами зла и репрессии, а “народ”, по определению, воплощает начала добродетели и справедливости. Вероятно, эта точка зрения основана на мистификации “власти” и “народа” и не объясняет кризисы легитимности, которые возникают внутри институтов власти и лишь затем мобилизуют “народные” социальные движения. Не исключено, что кризис легитимности коммунистического и посткоммунистического режимов в России связан преимущественно с позиционным конфликтом в дискурсивном сообществе, “новом классе”, который был классом пришедших к власти людей “литературного сословия” (*ordo literatorum*), идеократии, и участвовал в конституировании социальных порядков до конца 1980-х годов, когда альянс власти и интеллектуалов был разру-

шен» [3, с. 45]².

Примерно так же видит главную суть столкновения перестройки и «бархатных» революций П. Бурдьё. Он пишет: «Все заставляет предположить, что в действительности в основе изменений, случившихся недавно в России и других социалистических странах, лежит противостояние между держателями политического капитала в первом, а особенно во втором поколении, и держателями образовательного капитала, технократами и, главным образом, научными работниками или интеллектуалами, которые отчасти сами вышли из семей политической номенклатуры» (см. [4]).

Здесь, помимо того, что указывается на роль интеллектуалов в выполнении основного объема работы по делегитимации советского строя, предлагается гипотеза о критическом значении элиты гуманитарной интеллигенции – той части «литературного сословия», которая стала уже сама частью власти. Речь идет не о чиновниках, а о руководителях СМИ, учреждений культуры и общественных наук, влиятельных советниках высшего эшелона партийной и государственной власти.

Один из ведущих советских марксистов и социологов Б.А. Грушин, в 1960-е годы работавший в Праге в редакции журнала «Проблемы мира и социализма»³, писал в воспоминаниях: «Когда я вернулся из Праги, то обнаружил, что многие мои приятели по журналу (Амбарцумов, Арбатов, Жилин, Загладин, Фролов) пошли в большую политику. Из нашего круга, по-видимому, лишь мы с Мерабом (а потом и Араб-Оглы) не сделали этого. И просто потому, что, как сказал однажды Мераб, мы никогда не были “шестидесятниками”,

---

² Здесь приводится много выдержек из работ Г.С. Батыгина (1951-2003). Это был умный человек с научным типом мышления. Он один из немногих социологов занимался изучением когнитивной платформы советского и постсоветского обществоведения. Кроме того, он был вхож в элиту этого сообщества, более того, во время перестройки занял антисоветскую позицию, и его суждения об этой элите нельзя назвать пристрастными. Он сказал в интервью: «Мне исключительно повезло, что я уже не живу при советском режиме, всю отвратительность которого понимаю только сейчас. В биологических терминах его можно назвать рецессивным, то есть вырождающимся, тупиковым. Если бы советская власть продолжалась до сих пор, моя судьба была бы катастрофической. Я бы никогда не увидел тех возможностей, которые есть сейчас. Я не могу себе представить без ужаса, что творилось. А сейчас есть огромные возможности — это величайшее благо» [30].

“родились немного раньше” и “никогда не участвовали в чужих войнах, ведя свои”» [10].

Упомянутый здесь Мераб Константинович Мамардашвили, который в кругах либеральной интеллигенции считается крупнейшим советским философом и который работал в Праге в редакции этого журнала в 1961-1966 гг., говорит в интервью в 1988 г.: «Вскоре после 1956 года можно было наблюдать сразу на многих идеологических постах появление совершенно новой, так сказать, плеяды людей, в то время сравнительно молодых, которые отличались прогрессивным умонастроением и определенными интеллигентными качествами. Ну, скажем, там были такие люди, как Вадим Загладин, Георгий Арбатов — это мои бывшие коллеги по Праге начала 60-х годов. Борис Грушин, Юрий Карякин, Геннадий Герасимов... Иван Фролов, Георгий Шахназаров, Евгений Амбарцумов. И всю эту плеяду людей собрал в свое время Румянцев Алексей Матвеевич. В последующем редактор “Правды”, а потом вице-президент Академии наук.

Многие из них — после Праги — пошли на важные идеологические посты. Возвращаясь, они практически все ... пополняли и расширяли так называемую интеллектуальную команду в политике и идеологии... Очевидно, все они участвуют сегодня в написании политических и других текстов в аппарате ЦК... Большинство из них ко времени Горбачева оставалось на своих постах. Они служили» [11]⁴.

Таким образом, в процессе перестройки, приведшей к краху СССР, нет и следа «народной революции» или тяжелого экономического кризиса, который бы толкнул трудящиеся массы на баррикады. Кризис был создан самой властью «новой формации», начавшей демонтаж советской хозяйственной системы в 1988 г., а годом позже – и политической системы.

Г.С. Батыгин указывает на этот важный факт: «Ни “крестьянские войны”

---

³ О группе работавших там гуманитариев в сентябре 2010 г. был показан по телевидению на канале «Культура» восьмисерийный фильм «Отдел (шестидесятники)», как сказано, «удивительным образом реконструирующий возрождение свободной философской мысли в советской России конца XX века». Пресса писала о фильме: «Люди, чьи имена делают честь нашей философской культуре – Александр Зиновьев, Мераб Мамардашвили, Георгий Щедровицкий, Александр Пятигорский, Эвальд Ильенков, Эрих Соловьев, Карл Кантор, Юрий Левада, Борис Грушин – предстанут в нем неожиданно крупным планом и в неожиданной полноте образа времени».

и голод в деревне, ни массовые репрессии, ни низкий уровень жизни не поставили под вопрос существование коммунистического режима. Его крах стал следствием разрушения “социальной теории” и конфликта в дискурсивном обществе в относительно стабильных политических и экономических обстоятельствах. Он был предуготовлен движением “шестидесятников” и вступил в критическую фазу в период “плюрализма мнений”, обозначенного атакой “докторальной публицистики”, которая стала играть роль альтернативного мозгового центра страны. Атака исходила от идеологических изданий, в числе которых был и теоретический орган ЦК КПСС журнал “Коммунист”. Реформирование “социальной теории” осуществлялось публицистами перестройки путем форсирования моральных требований правды, справедливости, подлинной демократии и свободы» [3, с. 58].

Здесь – важная и четкая формулировка того факта, на который в разных формах указывали многие авторы: крах СССР «предуготовлен движением “шестидесятников”». Но «шестидесятники» – это особая общность элитарных советских интеллигентов, принадлежащая к конкретному поколению. Оно сформировалось во второй половине 1950-х годов, во время «оттепели» Хрущева. Г. Павловский писал так: «Небольшая прослойка оппозиционно настроенной интеллигенции, условно именуемая “шестидесятниками”».

Элитарность этой прослойки определялась не социальным происхождением, а уровнем образования. Советские интеллигенты к 1950-м годам осознали себя «благородным сословием», ответственным за судьбы России. Один из высших авторитетов советской философии, М.К. Мамардашвили, так описал типичный портрет шестидесятника в его развитии: «Нормальный опыт людей моего поколения, связанного с идеологией ... такой жизненный путь, точкой отсчета которого были марксизм или социализм и вера в идеалы марксизма и социализма... И все они проходили этот путь, следуя той системе представле-

---

⁴ Интеллектуалы, которых приближали к власти, были людьми в некоторых отношениях отборными. Они были «идеологическим спецназом», а не учеными, ищущими истину. Г.С. Батыгин писал: «Советская интеллигенция в большинстве случаев стремилась в партию, но партия имела основания сторониться экстатического дионисийского начала в интеллигентском дискурсе, вполне резонно предполагая в нем разрушительные тенденции. Оставшаяся от сталинского партийного аппарата дисциплина “ордена”, проводила жесткую границу между властью и интеллектуалами, и данной обстоятельство стало одним из механизмов разрушения режима» [3, с. 43].

ний и образов, что были завещаны революцией...

Значит, тот, кто проходил этот путь, осознавал себя, в отличие от консерваторов и догматиков, в терминах ... порядочности и интеллигентской совести. И когда наступила хрущевская “оттепель”, то это было, конечно, их время. Для них это была эпоха интенсивной внутренней работы, размышлений над основами социализма, попыткой изобретения новых концепций, которые исправили бы его искажения и т.д. Например, они активно включились в разработку известной хрущевской программы о приближении коммунизма. Были буквально вдохновлены ею... Многие этим занимались. Появились такого рода люди в ЦК, в виде советников и референтов, в издательствах, газетах и т.д. Причем часто на ключевых позициях» [11]⁵.

А.Н. Яковлев писал в 2001 г.: «После XX съезда в сверхузком кругу своих ближайших друзей и единомышленников мы часто обсуждали проблемы демократизации страны и общества. Избрали простой, как кувалда, метод пропаганды “идей” позднего Ленина. Надо было ясно, четко и внятно вычленить феномен большевизма, отделив его от марксизма прошлого века. А потому без устали говорили о “гениальности” позднего Ленина, о необходимости возврата к ленинскому “плану строительства социализма” через кооперацию, через государственный капитализм и т. д.

Группа истинных, а не мнимых реформаторов разработала (разумеется, устно) следующий план: авторитетом Ленина ударить по Сталину, по сталинизму. А затем, в случае успеха, Плехановым и социал-демократией бить по Ленину, либерализмом и “нравственным социализмом” – по революционаризму вообще» [44, с. 14].

Часть шестидесятников почти сразу сдвинулась к открытому инакомыслию, критическому по отношению к политической системе СССР – они стали *диссидентами*. Каковы масштабы этой прослойки, можно судить по оценкам самих участников протестов, которые вели исторические изыскания: «С 1965 года в петициях, заявлениях, протестах приняло участие, по грубой оценке,

---

⁵ Уже в 1970-е годы интеллектуальная бригада Брежнева была укомплектована шестидесятниками. А.Н. Яковлев вспоминает: «Какая-то часть Политбюро (Тихонов, Гришин, Сулов и др.) вела атаку на рабочее окружение Брежнева, авторов его речей (Иноземцева, Арбатова, Бовина, Загладина, Шишлина, Александрова-Агентова, Цуканова и др.), обвиняя их в том, что они “сбивают с толку” Брежнева, протаскивают ревизионистские мысли» [39, с. 377].

около 1500 человек, в основном научная и творческая интеллигенция» (оценки Богораз Л. и др., 1991).

Тем не менее, директор Центра независимых социологических исследований (ЦНСИ) В.М. Воронков (сам поучаствовавший в «мягком» диссидентстве) пишет о шестидесятниках: «Это поколение, ставшее поставщиком ресурсов для движения протеста, сыграло решающую роль в подготовке революционных изменений в обществе, которые произошли три десятилетия спустя» [5]. Численность – не главный фактор. Шестидесятники были «дрожжами», и в период мировоззренческого кризиса советского общества (1960-1990) снабжали дезориентированных этим кризисом людей идеями, языком, песнями и анекдотами.

Люди старшего поколения помнят еще «самиздат» — издание идеологической продукции диссидентов. Но его влияние нельзя верно оценить, если не учесть, что почти все его материалы к тому же зачитывались по радио, а «голоса» слушала значительная часть интеллигенции. В СССР индустрия «самиздата» расцвела в 60-е годы, и к 1975 г. ЦРУ разными способами участвовало в издании на русском языке более чем 1500 книг русских и советских авторов. В «точке бифуркации», в ситуации неустойчивого равновесия, диссиденты очень помогли антисоветским силам толкнуть процесс к гибели СССР (подробнее см. [6]).

В 1960-е годы общность шестидесятников разделилась – одна ее часть, количественно небольшая, стала «диссидентами», начав открытую борьбу (в сфере сознания) с политической системой СССР, другая часть стала делать карьеру внутри политической системы, сраживаясь с властью. Ведущие институты Секции общественных наук АН СССР в лице их ведущих сотрудников были напрямую связаны с ЦК КПСС. А.Н. Яковлев вспоминает о своей работе директором Института мировой экономики и международных отношений АН СССР (ИМЭМО): «Практически институт считался как бы научно-исследовательской базой ЦК, выполнял разные поручения, готовил десятки справок (например, работники международного отдела ЦК очень любили перекладывать собственную работу на институты). Институтские ученые часто привлекались к подготовке выступлений и докладов для высшего начальства, что считалось “большим доверием”. А те, кому “доверяли”, были людьми, как правило, с юмором. Когда начальство произносило “свой” текст, его авторы сяди-

лись у телевизора и комментировали это театральное представление: “А вот этот кусок мой”, “А вот эту чушь ты придумал”, “А теперь меня читает”. Смеялись. А на самом-то деле на глазах творился постыдный спектакль абсурда» [39, с. 380].

Я бы сказал, тут проявилось не чувство юмора, а *ressentiment*.

В 1970-е годы произошло размежевание шестидесятников с «почвенниками». В некоторой мере эти части воссоединились в ходе перестройки и образовали «интеллектуальную элиту» антисоветского режима, который установился в России.

Строго говоря, эта социокультурная группа уже в преддверии перестройки оторвалась от той общности, которую обозначали термином «русская интеллигенция». Перестройка и реформа (а точнее, мировоззренческий кризис с 1960-х годов) изменили ценностную платформу этой «элиты», устранив из нее те нравственные ценности, которые и были отличительным признаком интеллигенции.

Вспомним историю самого понятия «интеллигенция». О.К. Степанова пишет об этом: «Интеллигенция... В нашей стране названное понятие было “запущено” еще в 70-е годы XIX века популярным в то время писателем П. Боборыкиным... Понятие интеллигенции тогда и некоторое время спустя в России имело совершенно четкую духовно-политическую атрибутику – *просоциалистические взгляды*. Этот ее признак в начале XX века для многих был еще достаточно очевиден. ... В межреволюционный период вопрос о судьбе интеллигенции ставился в зависимости от ее *отношения к капитализму*: критическое – сохраняло ее как общественный феномен, а лояльно-апологетическое – уничтожало. А вот сегодня отношение к социальной проблематике практически не упоминается среди возможных критериев принадлежности к интеллигенции» [7].

Пока неясно, может ли сохраниться при таком повороте сам феномен русской интеллигенции. Бердяев считал критерием отнесения к интеллигенции «увлеченность идеями и готовность во имя своих идей на тюрьму, на каторгу, на казнь», при этом речь шла о таких идеях, где «правда-истина будет соединена с правдой-справедливостью». Если так, то статус интеллигенции сразу теряет та часть образованного слоя, которая в конце 80-х годов отвергла ценность справедливости и заняла лояльно-апологетическую позицию в отношении

капитализма (причем даже не «окультуренного» европейского, а «реального» российского). Эту позицию заняла очень существенная часть, особенно в элитарных группах гуманитарной интеллигенции.

О.К. Степанова продолжает, уже конкретно относясь к интеллигенции периода после 1990 г.: «Антитезой “интеллигенции” в контексте оценки взаимоотношения личности и мира идей, в том числе – идей о лучшем социальном устройстве, являлось понятие “мещанство”. Об этом прямо писал П. Милуков [в “Вехах”]: “Интеллигенция безусловно отрицает мещанство; мещанство безусловно исключает интеллигенцию”...

Интеллигенция в России появилась как итог социально-религиозных исканий, как протест против ослабления связи видимой реальности с идеальным миром, который для части людей ощущался как ничуть не меньшая реальность. Она стремилась во что бы то ни стало избежать полного втягивания страны в зону абсолютного господства “золотого тельца”, ведущего к отказу от духовных приоритетов. Под лозунгами социализма, став на сторону большевиков, она создала, в конечном итоге, парадоксальную концепцию противостояния неокрестьянского традиционализма в форме “пролетарского государства” – капиталистическому модернизму» [7].

Посвятив себя «втягиванию страны в зону абсолютного господства золотого тельца», элитарная часть той общности, которую обозначали словом интеллигенция, совершила радикальный разрыв с этой общностью, что привело к ее дезинтеграции – «трудовая интеллигенция» пока что в новую общность собраться не может. Более того, «либеральная интеллигенция» в большинстве своем встроилась в новые общности «победителей» – как идеологи, предприниматели, эксперты и управленцы. Они были интеллектуальным авангардом антисоветских сил и имеют право на свою долю трофеев.

Сейчас многие идеологи антисоветских движений отрешиваются от своего участия в том мародерстве, который учинили в стране победители «демократической революции». Например, В.М. Воронков пишет: «В период перестройки на сцену выходят новые поколения. По мере радикализации движения роль “шестидесятников” постепенно уменьшается. И, во всяком случае, уже не они воспользовались плодами революции...» [5].

Что роль шестидесятников во время перестройки уменьшилась – не отвечает действительности. Практически вся интеллектуальная команда Горбачева

и половина Ельцина – из этой общности. Что шестидесятники и диссиденты не воспользовались плодами революции – мало кого волнует в России на фоне катастрофы. Да ведь это и неправда – большинство их очень даже воспользовались!

Зачем далеко ходить – сам В.М. Воронков всего-то занимался самиздатом и был осужден на 2 года условно, работал рядовым научным сотрудником в АН СССР, но как изменился его статус с победой революционеров! Он рассказывает в интервью: «В 1988 году мы с единомышленниками организовали секцию исследований общественного движения при социологической ассоциации. А спустя два года я создал собственный институт. С тех пор я чувствую, что реализовал свою мечту о свободе» [8].

Создал собственный институт! Это, мол, при демократии каждому доступно, а не только бывшему диссиденту. На сайте этого института (ЦНСИ), расположенного в Петербурге, читаем, на какие деньги создаются такие институты: «[В 1993 г.] благодаря кредитной помощи зарубежных коллег, Центр стал собственником переоборудованной в офис четырехкомнатной жилой квартиры... В течение ряда лет ЦНСИ энергично развивался, получал все больше грантов от зарубежных фондов... С 2000 года начинается третий этап развития Центра, что связано, прежде всего, с выделением Фондом Форда гранта на покупку нового помещения для ЦНСИ.

В 2001 году от Фонда Дж. и К. Макартуров был получен первый в истории ЦНСИ грант на институциональное развитие института (с этого времени Центр получает существенную поддержку со стороны этого фонда). Институциональные гранты позволили Центру существенно обновить необходимую для работы инфраструктуру и сделать ее доступной для еще большего числа людей, дали ЦНСИ возможность расширить географию своей деятельности и внедрить новые формы работы с молодыми учеными, в первую очередь – образовательные.

Новые условия предоставляют возможности для дальнейшего развития Центра, проведения социологических исследований и подготовки нового поколения социологов. В настоящее время в Центре работает около 40 человек» [9].

Можно также понять, мечту о какой свободе смог реализовать ученый при таком финансировании. Как сообщает Интернет, он развивает новое

направление социальной науки – «качественную социологию». Что это такое, он поясняет корреспонденту газеты: «Сейчас, к примеру, власть стремится сохранить безусловный идеологический конструкт – победу в Великой Отечественной войне. И там огромное количество фальсификаций. Мы делали интервью в разных деревнях Смоленской и Новгородской областей, которые были оккупированы немцами. Оказывается, к гитлеровцам крестьяне относились лучше, чем к советским воинам. Опрошенные вспоминали, что самыми вредоносными были красные партизаны, которые реквизируют все запасы и требовали, чтоб им помогали» [8]. Да, для получения щедрых грантов от зарубежных фондов важно качество респондентов, а не их численность в населении.

Поражение СССР и последующие изменения всего жизнеустройства страны это результат действия разных заинтересованных сил и групп, шестидесятники и диссиденты – очень важный, но небольшой элемент этой системы. Нельзя поэтому воспринимать, как это по инерции делают многие, результат перестройки как буржуазную контрреволюцию. Более того, на тропу войны против СССР шестидесятники вышли как восторженные романтики, пылающие коммунистическим энтузиазмом – они хотели исправить наш «казарменный социализм». Потому-то к ним и потянулась молодежь, особенно студенты.

Надо отметить, прежде всего, поэтичность их протеста. Никакая разумная идея не «овладеет массами», если ее не будут сопровождать поэт и певец (а сейчас еще и клоун). «Семантика убеждает, эстетика соблазняет» (А. Моль). Эту синергическую систему советская власть расщепить не сумела – не имела она общественной науки в строгом смысле слова.

Г.С. Батыгин писал: «Формирование сословия советских интеллектуалов в 1960-е годы было сопряжено с изменением стилистики публичного дискурса: люди “болели” стихами. В списках распространялись стихи А. Ахматовой, О. Мандельштама, Н. Гумилева, М. Цветаевой, И. Бродского. Знание стихов стало своеобразным паролем для доступа в интеллигентский круг. Страсть к стихам породила и первые выступления против власти. 29 июля 1958 года в Москве был открыт памятник Маяковскому. Поэты читали стихи. Затем возникла спонтанные выступления, и чтения стихов стали происходить регулярно. Участниками встреч были преимущественно студенты. Когда власти попы-

тались воспрепятствовать поэтическим сходкам, возникло сопротивление» [3, с. 56].

Сложнее понять ту революционную коммунистическую страсть, которая сплотила шестидесятников. Окуджава пел: «Я все равно паду на той, на той единственной Гражданской, и комиссары в пыльных шлемах склонятся молча надо мной», – и элитарная публика приходила в экстаз. Как из этой точки двигалось сознание советской интеллигенции и самого поэта к идеалам криминального капитализма? Этот феномен мы не скоро поймем, его хотя бы описать получше, пока живы многие свидетели.

Г.С. Батыгин фиксирует факт: «Нельзя не учитывать, что “оттепель”, обозначившая конфронтацию (пишущей) интеллигенции и бюрократизированной власти, сопровождалась взрывом коммунистической экзальтации. Троцкистская идея перманентной коммунистической революции стала основой антисталинского движения» [3, с. 81].

В другом месте он расширяет описание этого факта: «Основной мотив критической атаки на власть заключался в демонстрации ее несоответствия коммунистическим идеалам, утраты “ленинских” принципов и бюрократического перерождения. Искренней одухотворенностью и яркостью публицистической риторики интеллектуальная атака 1960-х годов напоминала ликвидированную из исторической памяти атаку троцкистской оппозиции. Как и в 1920-е годы, акцентировалось соответствие институциональных порядков принципам революционной морали – честности, бескорыстию, идейности. Предполагалось, что само слово правды преодолевает идейный и нравственный коллапс советского режима» [3, с. 55].

Это был сложный и мощный порыв – его удалось подавить, но он оборотился в нечто еще более разрушительное и к тому же мерзкое. Ведь большинство тех, кто причисляет себя к «шестидесятникам», постепенно, шаг за шагом сдвинулись к антисоветской позиции. Более того, в конце 1970-х годов у них стали проявляться прозападные установки, причем именно в контексте холодной войны Запада против СССР. Они все больше и больше становились в этой войне «союзниками Запада». К концу перестройки это стало обязательным для «прогрессивного интеллигента». Г.С. Батыгин пишет: «Одним из маркеров альтернативной интеллектуально-культурной “элитности” в 1990-е годы являлась “признанность на Западе”, и сама позиция репрезентанта

«западных» ценностей позволяла создать новое измерение социального статуса в российском интеллектуальном сообществе» [3, с. 13].

Повторю: какое несчастье, что в СССР и сейчас не созрели условия для научного обществоведения, которое могло бы исследовать это явление, видимо, неизбежно сопровождающее любой проект создания общества уравнительной справедливости. Ведь через 15 лет таким же разрушительным оказался коммунистический фундаментализм польской «Солидарности». Рабочие и интеллигенция, требовавшие «большей уравнительности», своими руками превали мягкую социалистическую модернизацию и вручили Польшу примитивному местечковому капитализму.

Отметим еще одно свойство наших гуманитариев-шестидесятников (впрочем, не только наших, но и многих ренегатов из европейских коммунистов) – их заверения в том, что в молодости они были искренними и даже пылкими сторонниками идеи равенства и справедливости. И это говорят пожилые люди с нежностью и уважением к самим себе. К чему это обнажение души? Что за излияния и признания в любви к идее, которой они изменили и которую убивают, иногда с садизмом? Они хотят, чтобы их пожалели люди, на которых они обрушили бедствие?

Вот Булат Окуджава: «Мои родители, которых я так любил и люблю, – они были фанатичными большевиками... Я ведь сам был “сталинистом”, несмотря на то, что у меня репрессировали родителей... Такое было время. В том-то и драма». Ах, какая драма – перешел на сторону врага. Ну, перешел – так молчи или хотя бы скажи: мол, с возрастом я понял, как индоктринировали меня, ребенка, проклятые большевики.

Тут же и Е. Евтушенко, другой кумир шестидесятников: «Я ходил вместе с мамой и отцом на демонстрации и просил отца приподнять меня повыше. Я хотел увидеть Сталина. И я страшно завидовал тем моим ровесникам, которым

выпала честь подносить букеты цветов Сталину» (см. [5, с. 175])⁶.

Может быть, этими своими нормальными детскими представлениями они оправдывают свой выбор в зрелом возрасте – ненавидеть советский строй и в то же время пристроиться в идеологическую элиту советской власти? Но это слишком наивно. Лучше бы они сказали, когда и какой голос свыше им был, чтобы порвать духовную нить со своими любимыми родителями? Какое озарение к ним пришло, из какого источника? Объяснения если и бывают, то нелепые.

В.М. Воронков, из «молодых» диссидентов, описывает свою перверсию («переворачивание») так: «Я был “правверный” советский комсомолец, хотя и слушал западное радио. В июле 1968 года поехал в Чехословакию. Я мало что понимал, но в Чехословакии стал читать их газеты. Мне импонировал социализм с человеческим лицом... Мне казалось, вот-вот СССР станет перенимать чешский опыт. За день до ввода войск я выехал из Чехословакии, остановился во Львове... Включил приёмник, помню, нашёл волну BBC и услышал, что “советские войска вошли в Чехословакию”. Я был настолько потрясён, что рыдал... Вернулся в Ригу. Написал статью в университетскую газету, которая называлась “Чехословакия. Август 1968”, где обрисовал, как хорошо и замечательно было в Чехословакии и жаль, что советский народ этого не знает... Больше всего тогда впечатлило, что все мои друзья, критически относящиеся к власти, поддержали ввод войск в Чехословакию» [8].

И это – в 22 года, причем даже все его друзья-диссиденты поддержали ввод войск в Чехословакию. Даже сами чехи в массе своей быстро успокоились и еще 20 лет нормально жили и развивались, а он – навсегда возненавидел СССР. Как он разглядел в Дубчеке «социализм с человеческим лицом»? Ведь тогда мало кто не понимал, что вся эта ахинея о социализме и о челове-

---

⁶ Разумеется, есть и исключения: А.А. Зиновьев рассказывает, как в юности готовил покушение на Сталина, а теперь, после гибели СССР, считает советский строй высшим достижением человечества. Он, как философ, все время старался «изменить мир». М.К. Мамардашвили, напротив, представляет себя снобом и аристократом, который и не собирается что-то «улучшать». Он якобы всегда считал СССР «черной дырой» и явился на землю как «шпион» – наблюдать, как копошатся человечки в Евразии, и думать о вечном. Как философ, он вступил в КПСС и не удосужился из нее выйти в 1989 г., потому что это – суэта, на которую не следует тратить мысли и дела («Партийность была чем-то вроде социального страхования. Поэтому я и вступил в партию»).

ском лице – для наивных дамочек, суть в том, что пытались вырвать ЧССР из Варшавского договора и разрушить центр системы ПВО, что для СССР было неприемлемо. Но даже если в 22 года советский комсомолец еще не мог этого понять, то уж сегодня-то повторять эти байки – каково? Ведь после 1989 г., когда деятели «пражской весны» выявили свою суть, никто из их почитателей не признал, что тогда, в 1968 г., он ошибался. Дубчек вовсе не был «коммунистом-романтиком». После 1989 г. он сидел во главе парламента и штамповал все антисоциалистические законы.

Вторжение в ЧССР сплотило «шестидесятников» как антисоветскую силу. Недаром в перестройке так активны были обществоведы, исключенные из КПСС в 1968 г. за то, что писали письма с протестами. Кстати, эти исключенные из КПСС интеллектуалы составляли вроде бы опальную, но привилегированную касту; интеллектуальная бригада власти как бы говорила им: «Ребята, мы с вами, но это пока секрет, погодите чуток». Конечно, вторжение было не причиной их поворота к измене в холодной войне, а лишь удобным поводом, моральным прикрытием. В мемуарах западных лидеров еврокоммунизма это говорится открыто: к 1968 г. «развод» с СССР уже назрел, а вторжение лишь сделало этот развод более скандальным – возникла возможность построить истерику.

Как же формировалось сознание советских людей на последнем этапе существования СССР? После войны обществоведы (включая гуманитариев) получили доступ к огромной аудитории. Причем доступ непосредственный, с воздействием через личное устное общение – очень важный канал убеждения и внушения, помимо печатного слова, кино, радио и телевидения. Помимо вузов, техникумов и школ, где преподавались предметы, насыщенные идеологией, была развернута широкая сеть политического просвещения. В 1947 г. в СССР действовало 60 тыс. политшкол, где обучалось 800 тыс. человек, в 1948 г. уже 122 тыс. политшкол с 1,5 млн. слушателей [3].

Огромная армия преподавателей общественных наук и журналистов представляла собой профессиональное сообщество, которое было воспитано и «наполнено» идеологическими штампами и стереотипами, выработанными *элитой* этого сообщества – авторитетными философами, экономистами, социологами и пр. Поддержку им оказывали «деятели культуры», воспитанные и

отобранные чиновниками из числа той же элиты⁷.

Но каковы были установки этой элиты, имея в виду ту ее часть, которая не была открыто диссидентской или даже «приемлемо вольнодумной»? Ведь эти установки, даже если они прямо не проговариваются, передаются слушателям и студентам. Долго сопротивляться тому, что слышишь с кафедры или с амвона, человек не может – сил не хватит (кучка бунтарей – не в счет, их мягко отсеивали, отодвигая от возможности «когнитивного бунта»).

Вот, например, воспоминание видного и уважаемого философа академика Л.Н. Митрохина: «К тому времени (1958) нам была ясна идеологически-корыстная фальшь официальной социальной науки (прежде всего “научного коммунизма”) уверявшей, что советский человек “проходит как хозяин по просторам Родины своей”. ... Да, Федор Васильевич Константинов ... был одной из самых мрачных фигур того времени. Под его началом я работал несколько лет, был заведующим сектором, секретарем партбюро Института, переводил его во время командировки в Вену» [12].

Кажется, это – редкая в истории культуры деформация сознания, произведенная перестройкой. Воспоминания Л.Н. Митрохина полны уважения к самому себе. Но если ему «была ясна идеологически-корыстная фальшь официальной социальной науки», из каких побуждений он пробивался вверх по иерархии этой самой науки? Зачем он «был заведующим сектором, секретарем партбюро Института», работал под началом «одной из самых мрачных фигур того времени»? Ведь чтобы после этого на своем примере учить жизни молодежь, должно же было быть какое-то объяснение, какая-то уважительная причина! Можно и шире поставить вопрос: а при других политических режимах разве служение интеллектуала власти не «сопровождается мучительными переживаниями»? Да это одна из сложнейших проблем политической философии. Ведь интеллектуалу при осмыслении вариантов политических решений приходится постоянно находить баланс между *несоизмеримыми ценностями*. Эта ситуация не была обдуманна. В результате большая часть гуманитарной интеллигенции стала осознавать себя как *двуличную*, а затем и приняла двуличие и обман как норму. Очень многие *впали и в цинизм*.

⁷ То, что некоторым писателям и бардам пришлось работать в системе «самиздата» или разезжать с концертами по вузам и НИИ, ничего не меняло, у них были высокие покровители, без одобрения которых не было бы ни песен Высоцкого с Окуджавой, ни шуток Жванецкого.

Самый сложный и большой вопрос, который мы затронем здесь лишь частично, – объяснить, почему в 1970-1980-е годы большая часть советских граждан оказалась так восприимчива к идеям, которые были «упакованы» в знакомые лозунги социализма и справедливости, но по сути отвергали главные принципы советского жизнеустройства (подробнее этот вопрос обсуждается в [6]). На мой взгляд, психологические защиты против таких идей утратили силу в результате мировоззренческого кризиса, вызванного сменой образа жизни большинства населения в ходе форсированной индустриализации и урбанизации. Этот кризис модернизации требовал преобразования идеократической системы легитимации советского строя, сложившейся в 1920-1940-е годы, которая апеллировала к традиционным общинным ценностям. По выражению М. Вебера, мировоззренческой основой русской революции был общинный крестьянский коммунизм, покрытый, как выразился Ортега и Гассет, «тонкой пленкой европейских идей» – марксизмом.

Часто говорят, что в период сталинизма марксизм был «вульгаризирован» – интегрирован с крестьянским коммунизмом и сильно упрощен. В нем еще сильнее проявилась его «крипторелигиозная» компонента, на первый план вышли моральные ценности и пророчества. Кризис модернизации, напротив, требовал рационализации дискурса власти и кардинального усиления научного начала в идеологии. Для этого требовался «когнитивный бунт», о котором говорил П. Бурдьё, но этот бунт приобрел антисоветский характер. Элита сообщества обществоведов СССР в своих учебниках и установочных книгах и докладах лишь усиливала идеократическую компоненту, в своем кругу оттачивая антисоветские аргументы.

Это с очевидностью проявилось именно когда пал СССР. Л.Д. Гудков и Б.В. Дубин пишут: «Российская культурная и интеллектуальная элита (в отличие от элит в странах Восточной и Центральной Европы 1990-х годов) оказывается в абсолютном большинстве случаев не способной ни рационализировать проблемы собственной истории (включая их моральное, антропологическое или социологическое осмысление), ни усвоить опыт развития и трансформации других обществ. Причины этой импотенции следует искать в функциях, которые выполняли “образованные” (люди с высшим образованием, “интеллигенция”) в поддержании советской системы, а значит — и в особенностях структуры российского образованного сословия. В отличие от “элиты” в соци-

ологическом смысле слова (то есть группы, чей авторитет связан с наивысшими достижениями в своей профессиональной области и которая задает образцы действия, от носителей культуры и духа рационализации), “интеллигенция” функционировала лишь как обслуживающая тоталитарный режим бюрократия... Ничего другого она, как оказалось, делать не в состоянии» [13].

Но почему же синкретизм общинного коммунизма с марксизмом подавил в большом сообществе дух научной методологии? Никакой тиранией этого объяснить нельзя, наука сохранилась бы и в катакомбах.

Здесь еще требуются исследования, и в них надо учесть важные мысли, которые высказал Г.С. Батыгин. Вот большая выдержка из его статьи: «Бытование идеи в различных текстовых средах обнаруживает в ней содержания, не явленные в чистом виде. В этом отношении справедливо суждение об искажении идеи при ее рецепции в инородной текстовой среде. Проблема, однако, заключается не в осуждении искажения, а как раз наоборот: в понимании искажения идеи как мутации — единственно возможной формы ее существования в данной идейной среде...

Некоторые текстовые “организмы” задыхаются и гибнут при рецепции в инородную среду, другие мутируют, третьи получают все возможности для своего развития. Если так, то аутентичный марксизм создан не столько его великим автором и интеллектуалами-интерпретаторами, сколько неискушенной аудиторией... Парадоксальность ситуации заключается в том, что изощренный, гегелевской пробы, марксистский интеллектуализм предрасположен к профанному бытованию и превращению в бездумную революционную “силу”, то есть “олитературное” насилие. Для этого текст аутентичного марксизма уже должен содержать в себе элементы релевантной концептосферы — заготовки революционной эмфатической речи...

В таких условиях и народная речь, и политическая демагогия, и официальный язык становятся проводником элитарных идей. В этом отношении элита является свободной от внешнего потребителя, и “социальный дискурс” можно считать элитарным независимо от должностного или материального положения писателя...

Обнаруживая глубокое сродство с социальными учениями Просвещения, марксизм обладает огромным объяснительным потенциалом. Ясность и логическая стройность его категориальных схем удивительным образом совмеща-

ются со способностью к версификации. Этим, вероятно, объясняется и многообразие “авторских” исследовательских программ и концепций, разработывавшихся в рамках доктрины. Поэтому советский марксизм — не столько доктрина, сколько эзотерический словарь воспитания, который может успешно использоваться и в качестве средства для воспроизводства альтернативных марксизму идей... Социальные трансформации режима были в значительной степени связаны с “дискурсивной катастрофой” в системе священнокинижнических легитимаций социальных порядков...

Текст советского марксизма предназначался для того, чтобы заучивать его наизусть. “Овладение марксистско-ленинской теорией — дело наживное” — эта общеизвестная формула трактовалась как установка на преодоление заумных философских рассуждений... Философия, таким образом, совмещалась с общенародной склонностью к философствованию и политической грамотностью, и профессиональное сообщество, занимая достаточно высокие этажи социальной иерархии, непосредственно соприкасалось с “профанным низом”. Лексикон философии и политической теории сводился к прецедентным текстам, аллюзиям и иносказаниям, обозначавших определенные фрагменты из корпуса первоисточников марксизма» [3, с. 40-41, 54, 57].

Сказать, как Г.С. Батыгин, что категориальные схемы марксизма «удивительным образом совмещаются со способностью к версификации», в контексте нашей темы – не сказать почти ничего⁸. На деле те философы, которые в 1950-е годы «обратились к истинному Марксу», не то чтобы получили возможность выработать на основе текстов Маркса антисоветскую версию среди нескольких. Приняв его категориальные схемы, они неизбежно должны были отвергнуть советский строй как *реакционный* («хуже капитализма»). Именно по этой причине Плеханов и меньшевики отвергли Октябрьскую революцию и даже призывали социалистов Европы к походу против советской России. По этой же причине основные коммунистические партии Западной Европы – Франции, Италии и Испании – заняли антисоветскую позицию и приветствовали ликвидацию СССР (совершив политическое самоубийство, т.к. эту позицию не поддержала база этих партий). Надо прямо сказать, что главным идейным оружи-

⁸ В другом месте он пишет: «Советский марксизм — не столько доктрина, сколько эзотерический словарь воспитания, который может успешно использоваться и в качестве средства для воспроизводства альтернативных марксизму идей» [3, с. 54]. Точнее было бы сказать «альтернативных советским принципам идей».

ем антисоветской элиты во время перестройки был *антисоветский марксизм* [14]. Он парализовал советских людей, которые с колыбели росли под портретом Маркса.

Рассмотрим сначала главное направление той пропаганды, которую вела элита советских обществоведов и гуманитариев. Затем обсудим и другие блоки смыслов, против которых вела и ведет сегодня пропаганду та же, но уже постсоветская элита. Будем приводить выдержки из текстов авторитетных в научной среде и известных в среде интеллигенции авторов.

2. Великий поход против СССР

Смена правящей верхушки в ЦК КПСС в 1985 г. позволила антисоветской элите сбросить маску. «Шестидесятники при власти» оказались более агрессивными по отношению к СССР, чем открытые диссиденты. Наверное, настрадались, держа фигу в кармане, будучи обязанными на публике выкрикивать ненавистные слова о равенстве и солидарности.

Совокупность выступлений в научной и массовой печати и публичные выступления ведущих представителей гуманитарной и обществоведческой элиты после 1985 г. показала, что эти люди были объединены довольно четко очерченной общей платформой и ощущали себя именно сообществом. Это идеологически сплоченная группа. Что же служит для них столь эффективной объединяющей силой? Очень коротко я бы сказал так: их соединяет общее прошлое, в ходе которого у них выкристаллизовался фанатичный *антисоветизм* – ядро идейной основы этой группы. Необычным в этой группе было мессианское представление о своей роли как разрушителей «империи зла».

Вот статья-манифест А. Ципко⁹ с красноречивым названием «Магия и мания катастрофы. Как мы боролись с советским наследием» (2000 г.). Об обществоведческой элите в нем говорится так: «Мы, интеллектуалы особого рода, начали духовно развиваться во времена сталинских страхов, пережили

---

⁹ А.С. Ципко – политолог, д-р философских наук. В 1967—1970 гг. работал в ЦК ВЛКСМ, с 1972 г. работает в Институте экономики мировой социалистической системы АН СССР (позже Институт международных экономических и политических исследований РАН). В 1986–1990 гг. консультант отдела социалистических стран ЦК КПСС. В 1988—1990 гг. – помощник секретаря ЦК КПСС А.Н. Яковлева.

разочарование в хрущевской оттепели, мучительно долго ждали окончания брежневского застоя, делали перестройку. И наконец, при своей жизни, своими глазами можем увидеть, во что вылились на практике и наши идеи, и наши надежды...

Не надо обманывать себя. Мы не были и до сих пор не являемся экспертами в точном смысле этого слова. Мы были и до сих пор являемся идеологами антитоталитарной – и тем самым антикоммунистической – революции... Наше мышление по преимуществу идеологично, ибо оно рассматривало старую коммунистическую систему как врага, как то, что должно умереть, распасться, обратиться в руины, как Вавилонская башня. Хотя у каждого из нас были разные враги: марксизм, военно-промышленный комплекс, имперское наследство, сталинистское извращение ленинизма и т.д. И чем больше каждого из нас прежняя система давила и притесняла, тем сильнее было желание дождаться ее гибели и распада, тем сильнее было желание расшатать, опрокинуть ее устои... Отсюда и исходная, подсознательная разрушительность нашего мышления, наших трудов, которые перевернули советский мир» [15].

Здесь замечательно четко выражено важное и не вполне осознанное в обществе свойство: идейной основой их дискурса была страсть *разрушения*. Именно она соединила интеллектуалов, которые считали себя притесненными советской системой. Но у этого союза и не могло быть никакого позитивного проекта, желания строить, улучшать жизнь людей – ибо у каждого в этом союзе был «свой» враг. Чистый «ленинист» вступал в союз с заклятым врагом марксизма – ради сокрушения советского строя. Были даже такие, для кого главным врагом был военно-промышленный комплекс его собственной страны! Понятно, что когда движущей силой интеллектуального сообщества становится страсть к разрушению, судьба миллионов «маленьких людей» не может приниматься во внимание. Эти интеллектуалы – Наполеоны, а не тварь дрожащая.

А. Ципко продолжает: «Нашими мыслями прежде всего двигала магия революции... Но магия катастрофизма, ожидание чуда политических перемен и чуда свободы мешали мыслить конструктивно, находить технологические решения изменения системы... Магичность и катастрофичность нашего мышления обеспечивали нам читательский успех, но в то же время мешали нам увидеть то, что мы должны были увидеть как ученые, как граждане своей

страны... Мы не знали Запада, мы страдали романтическим либерализмом и страстным желанием уже при этой жизни дожидаться разрушительных перемен» [15].

Строго говоря, претензии этих идеологов считаются *учеными и гражданами своей страны* необоснованны. Научный тип мышления несовместим с магией, ожиданием чуда и тем фанатизмом, о котором пишет Ципко. С другой стороны, делать все, чтобы разрушить военно-промышленный комплекс и государственные структуры страны в момент, когда она ведет тяжелую глобальную войну (пусть и холодную), никак не могут ее лояльные граждане. Это - функция «пятой колонны» противника.

А.С. Ципко так оценивает результаты: «Борьба с советской системой, с советским наследством – по крайней мере в той форме, в какой она у нас велась – привела к разрушению первичных условий жизни миллионов людей, к моральной и физической деградации значительной части нашего переходного общества» [15].

Физическая деградация части общества – это, надо понимать, гибель людей. За 1990-2012 гг. в России среднегодовая “избыточная” смертность по сравнению со средней смертностью в 1979-1989 гг., составила 3,52 на 1 тыс. населения или 503,4 тыс. «лишних» смертей в год. За 23 года реформы эта «избыточная» смерть унесла жизни примерно 11,6 миллионов человек.

Означает ли эта декларация признание в том, что в целом установки анти-советского сообщества были ошибочными? Нет, А.С. Ципко так не считает. Оценку себе и своим соратникам он дает очень высокую: «Бесспорно то, что это сообщество существует, что оно сыграло громадную роль в духовном обновлении советской России. И, самое главное, бесспорно то, что это сообщество не устарело ни морально, ни физически. Не устарело морально, ибо не утратило моральную, антитоталитарную ориентацию, благодаря которой мы создали то, что создали».

То есть то, что создали реформаторы в 1990-е годы, хорошо, и это сообщество будет продолжать в том же духе. Так оно и есть до сих пор. А. Ципко сказал: «Нашими мыслями прежде всего двигала магия революции». Но это была и есть магия перманентной революции! Эта культурная и даже философская особенность антисоветского гуманитарного сообщества была замечена уже у шестидесятников. «Воздухом свободы» шестидесятники и их духовные

потомки подышали только при Горбачеве и Ельцине, первые же попытки «бюрократов и силовиков» восстановить, хоть в минимальном формате, систему государственного управления после 2000 года вызвали нарастающую ненависть и консолидацию этих гуманитариев уже на «оранжевой» платформе.

При этом время от времени у членов этой интеллектуальной команды вырываются неожиданные признания. Так, тот же А.С. Ципко пишет в 2008 г.: «Во время одной из телепередач на упрек в несостоятельности российских демократов Юрий Афанасьев неожиданно ответил: “Вы правы, результат реформ катастрофичен и, наверное, не могло быть по-другому. Мы, на самом деле, были слепые поводыри слепых”» [16]. Ничего себе, признание – без всяких последствий. Этак слепые поводыри будут водить нас вечно.

Одной из важнейших фигур в этой команде был философ М.К. Мамардашвили – важнейшей по своему авторитету в среде советской гуманитарной интеллигенции. Литературовед С.Л. Фокин пишет о нем: «По крайней мере, это должны знать русские философы по званию и призванию, что в 50-е годы XX-го века в одной из комнат студенческого общежития Московского государственного университета проживали вместе Михаил Сергеевич Горбачев и Мераб Константинович Мамардашвили. ... Тридцать лет спустя, то есть приблизительно двадцать пять тому назад фигуры Горбачева и Мамардашвили вновь пересекаются в определенном времени и определенном политическом пространстве, когда в 1985 г. бывший сожитель философа становится Генеральным секретарем КПСС, а идеи Мамардашвили начинают триумфальное шествие по страницам советской печати...

Беседы, интервью, редкие статьи мыслителя, авторитет которого прежде не выходил за рамки тесных кругов или кружков московских философов, и захаровал разношерстные студенческие аудитории нескольких московских и тбилисских вузов, в середине 80-х годов стали появляться в популярных изданиях, вливаясь в тот поток запрещенной литературы, что обвалился тогда на головы бедных советских граждан.

Таким образом, рафинированные, отточенные до предела философской абстракции, явно антисоветские по своей тяге к элитарности, по-прустовски снобистские, идеи Мамардашвили стали просачиваться в щели и трещины советского общественного сознания приблизительно в то же самое время, когда цельность последнего стала распадаться буквально на глазах под ударами того

философского молота, которым крушил советскую идеологию Горбачев, провозгласив политику перестройки, одним из главных инструментов которой стала риторика “гласности”» [17].

Мераб Константинович – человек действительно выдающийся. Я работал с ним в одном институте шесть лет – встречались на собраниях, семинарах, совещаниях, в секторе. Он него нельзя было услышать никаких критических высказываний в адрес «системы», которыми все вокруг кипело в болтовне сотрудников. Иногда надо было готовить важные записки «наверх», директор звал трех-четырех человек обсудить тему. Один раз мы были вместе – «сверху» спросили, в каком направлении надо изменять социальные формы науки, чтобы они лучше соответствовали внутренней логике научной деятельности. Это близко к теме лекций М.К. Мамардашвили по философии познания. Ждем от него слова, умный человек, много об этом думал. Ничего не сказал, трубкой попыхивал. Не желал участвовать! Это вызвало у всех собравшихся очень тяжелое чувство, даже трудно объяснить – как-то все поникли.

Потом в интервью «Жизнь шпиона» он так объяснил: «Я грузин и философ, с юности я нахожусь во внутренней эмиграции. Я хорошо понимаю, что такое быть шпионом. Необходимое условие успешной шпионской деятельности, а нередко и творчества — схожесть с окружающими... Надо оставаться незаметным, не теряя свободы» [20, с. 353]¹⁰.

Но как раз он был человеком оригинальным, совершенно несхожим с людьми, к которым мы привыкли. Потом он стал давать интервью или вставлять свои рассуждения в лекции – не философские, а чисто идеологические, но наполненные такой ненавистью, какой не чувствовалось даже у Рейгана. Он мог в интервью, рассуждая, очень абстрактно, о советских людях, сказать корреспонденту: «Теперь вы представляете себе смердящую социальную плоть нашего бытия». Ввернул литературную метафору, но как!

---

¹⁰ В интервью 1988 г. он дал более мягкое объяснение – все же эмигрант, а не шпион: «Если угодно, я все время находился в некоторой внутренней эмиграции. В Праге я находился в позолоченной эмиграции, потому что там было удобно и комфортно жить, и к тому же это красивый город. А в Москве – во внутренней эмиграции, хотя, когда у меня была возможность делать так называемое прогрессивное дело, я эту возможность не упускал» [11].

Исследователь творчества Мамардашвили Ю.В. Пуцаев пишет: «Мамардашвили считал советский мир антимиром, миром привидений, антижизнью: *“Когда господствует советизм, сама жизнь теряет функцию. Советская жизнь – антижизнь. Ни в одном слове, предложении, позе или действии, характерных для советизма, я не узнаю себя как живого, не чувствую жизни. Там где советизм – жизни нет”*. Это его максимально критическое отношение к “советизму” распространялось и на Россию в целом, на всё русское культурное пространство» [18].

Друг философа Юрий Сенокосов, председатель Фонда философских исследований им. Мераба Мамардашвили, говорит о его отношении в СССР: «В стране, в которой мы живем, есть что-то черное, страшное, непроговоренное, непонятное. Он это постоянно чувствовал, переживал, стремился вывести на какой-то уровень мысли, проговорить. Как астрономы хотят разобраться с “черными дырами”, математики – с иррациональными числами, так же надо понять разумом и эту огромную страну темных чудовищных пятен, дезорганизующих тот образ человечества, что был замыслен и в Евангелии, и в цивилизации Нового времени» [19].

Критика М.К. Мамардашвили в адрес СССР носит темный, пророческий характер. Этим, наверное, и очаровывала утонченную часть интеллигенции, а она уж транслировала его видения в массу – кто как умел.

Вот, он пишет: «Советский Союз является государством, полностью контролирующим структуры сознания, так что в нем не может возникнуть ни одного критического вопроса. Чем больше я думал об этом, тем больше понимал, что так сложилось уже давным-давно, что многовековая история России приготавливала марксизм-ленинизм и сталинизм и тот тип государственности, который сложился в Советском Союзе в XX веке...

Революция не более чем формализовала длительную историческую традицию, воссоздав те условия, что некогда произвели ее на свет. Нереальность громоздилась на нереальности. В результате советские люди до сих пор воюют с тенями, получая 48 разрешений, чтобы сделать одну простую вещь, никогда не зная, в чьих руках находится их судьба, и обнаруживая, что на пути любого их усилия по совершению рационального действия встают все те же страшные тени» [20, с. 169].

Какая нереальность громоздилась на нереальности, какие «встают все те

же страшные тени»? О чем это? Почему в СССР (да и в многовековой истории России) «не могло возникнуть ни одного критического вопроса»? А как же вырзела революция? А как же перестройка? Каких еще критических вопросов надо?

Обычные люди (например, в очереди), ему кажутся «скорпионами в банке» – почему? Это явно дикий перегиб. Он пишет: «Что мы видим вокруг себя, в наших грязных домах, пустых магазинах и в наших людях, лица которых сведены звериным оскалом? Насилие, садизм и отсутствие законности копились десятилетиями и не находили выхода, поскольку существовала монополия государства на насилие и беззаконие. Теперь, когда монополия нарушена или нейтрализована, вся мерзость прет наружу из самых темных уголков человеческого “я”. Если мы и спали в течение семидесяти лет, то отнюдь не невинным сном праведника, пробуждающегося во всей своей красе и чистоте. Во сне мы переродились, выродились. Ведь можно проснуться и насекомым, как один из персонажей Кафки. Вот что происходит в настоящий момент в Москве, Ленинграде, Тбилиси...» [20, с. 345].

Даже такая радикальная и экстравагантная революционерка, как В.И. Новодворская, не говорила о нашем населении с таким отвращением. Почему же с таким восторгом принимали наши интеллигенты изощренные оскорбления от эзотерического философа, которого мало кто и читал? Это еще одна загадка нашего кризиса.

М.К. Мамардашвили утверждает, что со времен Ивана Грозного в России начался распад социальных связей, который завершился в 1917 г. гибелью общества: «Возможен, конечно, представим их распад, распад и появление целых зон распада социальных связей и вытекающего отсюда одичания человека. ... Например, такую зону распада социальных связей [в России] мы отчетливо имеем в советской истории, начиная с 1917 года: сначала [зона распада] была в Петербурге, а потом сразу, мгновенно (без какой-либо передачи во времени и пространстве – нет этого, потому что это происходит совершенно иначе) идет лавина следствий, все расширяющаяся, потом – все пространство Советского Союза охватившая зона распада общественных связей, социальных связей, т.е. зона отсутствия общества... Я утверждаю, что в 1917 году произошло коллективное самоубийство общества и государственности» [20, с. 79-80].

Как понимать его категории и термины? «Все пространство Советского

Союза – зона отсутствия общества)! Это что – аллегория, художественная метафора или новая оригинальная трактовка понятия *общество*? Как бы удалось в СССР провести индустриализацию, победить мощную систему фашизма в войне и развить науку, сравнимую с западной, не имея ни государственности, ни общества? А ведь М.К. Мамардашвили в лекциях ратовал за строгость мышления, у него даже есть популярное эссе под названием «Дьявол играет нами, когда мы не мыслим точно». Вот дьявол и сыграл с нами злую шутку с этим «новым мышлением» перестройки.

Апологетика Запада выделялась даже на фоне того прозападного психоза, волна которого прокатилась по элите интеллигенции в 80-е годы – в философских кругах Мамардашвили даже называли «сверхевропейцем». Но ведь Запад у него тоже был не научным и даже не рациональным понятием, а идеологическим инструментом при тех «превращениях сознания», которые он производил в своих студентах и почитателях.

Ю.В. Пушаев говорит, приводя выдержку из статьи М. Рыклина: «Когда Мамардашвили говорил о Европе, он говорил скорее о Европе идеальной, Европе-символе, существующей преимущественно лишь в его философствовании и выполняющей функции идеальной модели для заблудшей России. Порой сами европейцы не соглашались с такой оценкой Европы: “Я помню, как возмущены были американские и европейские философы Фредерик Джеймсон, Вольфганг Хауг и другие участники конференции о постмодернизме в Дубровнике осенью 1990 года, когда Мамардашвили назвал позднекапиталистические общества, в которых они живут и которые безжалостно критикуют, “просто нормальными человеческими обществами”. Никогда, возможно, дистанция между “сверхевропейцем” и западными философами не проявлялась в такой чистоте, как тогда, на пороге распада СССР» [18].

Для нас важен тот факт, что Мамардашвили не просто «говорил о Европе идеальной», он совершенно неадекватно очернял Россию как якобы изначально (примордиально) антихристианскую и антикультурную конструкцию: «Русские, куда бы ни переместились – в качестве казаков на Байкал или на Камчатку, их даже занесло на Аляску и, слава Богу, вовремя продали ее, и она не оказалась сегодня той мерзостью, в которую мы ее скорее бы всего превратили, – куда бы они ни переместились, они рабство несли на спинах своих. А американцы несли с собой другое – Великую хартию» [20, с. 331].

Неужели это можно принять как научное или философское суждение – как бы ни относиться к России в рамках рационального мышления? Но ведь большинство гуманитарной элиты России все это принимали и принимают сегодня!

Вот «грузинский Сократ» объясняет французскому коллеге на концептуальном уровне как уродство России: «Живое существо может родиться уродом; и точно так же бывают неудавшиеся истории. Это не должно нас шокировать. Вообразите себе, к примеру, некоторую ветвь биологической эволюции – живые существа рождаются, действуют, живут своей жизнью, – но мыто, сторонние наблюдатели, знаем, что эволюционное движение не идет больше через эту ветвь. Она может быть достаточно велика, может включать несколько порой весьма многочисленных видов животных, – но с точки зрения эволюции это мертвая ветвь.

Почему же в социальном плане нас должно возмущать представление о некоем пространстве, пусть и достаточно большом, которое оказалось выключенным из эволюционного развития? На русской истории, повторяю, лежит печать невероятной инертности, и эта инертность была отмечена в начале XIX века единственным обладателем автономного философского мышления в России – Чаадаевым. Он констатировал, что Просвещение в России потерпело поражение... По-моему, Просвещение и Евангелие (ибо эти вещи взаимосвязанные) совершенно необходимы... Любой жест, любое человеческое действие в русском культурном космосе несут на себе, по-моему, печать этого крушения Просвещения и Евангелия в России» [21].

Мамардашвили писал, что у грузин «благоустроенные квартиры забиты вещами, высококачественной импортной аппаратурой», делая из этого факта широкий «философский» вывод: «Эта атмосфера отражает самоуважение грузин, которое отсутствует у русских». Он даже усиливает этот аргумент: «Обстановка отражает моё отношение к самому себе. На стол я стелю скатерть, а не газету. Русские готовы есть селёдку на клочке газеты. Нормальный, невыродившийся грузин на это не способен. ... Мы должны отделиться. ... Хватит вместе страдать и вместе жить в дерьме» [20, с. 350].

Разве позволительно философу переходить на бытовой уровень и пускать свои вульгарные оскорбления в пространство общественного сознания! Зачем друзьям Мамардашвили было тиражировать эти злые слова? Ведь они стали

политическим фактом, и он не может остаться без рефлексии.

Другой важной фигурой в разработке и тиражировании средств подрыва легитимности СССР в среде интеллигенции был академик АН СССР (по Отделению экономики) А.Н. Яковлев (1923-2005). В обществоведение он врос уже из номенклатуры КПСС. Он вступил в КПСС в 1943 г., учился в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б), работал в Ярославском обкоме ВКП(б). С 1953 г. работал в ЦК КПСС, окончил аспирантуру Академии общественных наук при ЦК КПСС, стажировался в Колумбийском университете (США), 10 лет был послом в Канаде и вернулся в 1983 г. Здесь был назначен директором ИМЭМО, затем секретарем ЦК КПСС по вопросам идеологии, информации и культуры, в 1987 г. – членом Политбюро.

Обладая властными рычагами в важнейших сферах, он до 1991 г. сам публично высказывался сравнительно мало, а действовал внутри правящей верхушки и решал кадровые вопросы. Об этом никак нельзя забывать – чистка кадров была тотальной, без этого никакой Реформации (так Яковлев называл перестройку) произвести бы не удалось. Вспоминая 1986 г., американский посол Д. Мэтлок писал: «И ещё одно ключевое слово вошло в моду в то лето: “Гласность”. Главную роль на этом фронте перестройки играл возглавлявший Отдел пропаганды ЦК КПСС А.Н. Яковлев, который ещё накануне XXVII съезда начал обновлять руководящий состав средств массовой информации. Летом 1986 г. он уже докладывал на Политбюро, что “руководящие кадры в этой сфере на 90 процентов заменены”» [40]¹¹.

Но после 1991 г. А.Н. Яковлев выразил свое отношение к СССР и советскому строю откровенно, и из этого можно понять, как он проводил смену кадров, какие установки давал аппарату и кого поддерживал в сфере «идеологии,

---

¹¹ Погром кадров произошел и в партийном аппарате, и в аппарате управления хозяйством, и в правоохранительной системе. Вот примеры: «В 1986–1989 гг. сменилось 82,2 процента секретарей райкомов, горкомов и окружкомов КПСС». «В 1986–1989 гг. сменилось почти 90 процентов секретарей обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик». «Рекорд был поставлен в сфере кадров корпуса инструкторов райкомов, горкомов и окружкомов. Здесь за четыре года сменилось 123,1 процента работников. ... На 80 процентов сменили прокуроров, на 60 процентов - судей. 400 тыс. новых людей влили в милицию» (см. [41]).

информации и культуры». Он пишет о перестройке так: «Перестройка – это объективно вызревшая в недрах общества попытка излечить безумие октябрьской контрреволюции 1917 года, покончить с уголовщиной и безнравственностью власти. ... Перестройка 1985-1991 годов взорвала былое устройство бытия, пытаясь отбросить не только уголовное начало, но и все, что его объективно оправдывало и защищало, на нем паразитировало: беспробудный догматизм, хозяйственную систему грабежа и коллективной безответственности, организационные и административные структуры бесправия» [39, с. 567, 568].

Иррациональная ненависть академика, который смолоду поднимался по номенклатурной лестнице КПСС – психологическая загадка. Для нас здесь важнее вкрапления рациональных суждений. «Перестройка взорвала былое устройство бытия!», – вот в чем корень кризиса и бедствия народов.

Какая фальшь – те обвинения, которые бросает советским людям человек, который сам всю жизнь (с двадцати лет) был идеологическим начальником в той системе, которую он теперь обличает: «Это мы травили и расстреливали себе подобных, доносили на соседей и сослуживцев, разоблачали идеологических “нечестивцев” на партийных и прочих собраниях, в газетах и журналах, в фильмах и на подмостках театров. И разве не нас ставили на колени на разных собраниях для клятв верности и раскаяния, что называлось критикой и самокритикой, то есть всеобщим и организованным доношением... Слава богу, еще живы многие мои соратники-современники, которые швырнули свое сердце и душу на гранитную стену деспотии. И сказали они тем молодым, что пошли за ними: дышите свободой и поклонитесь именем уничтоженных нами же предков, что свобода — это навсегда, не творите себе кумиров, не лезьте под грязные сапоги сталинократии» [39, с. 18].

Это и есть разрушение культуры – так обличать людей, которых ты сам, будучи одним из «правителей страны», учил политграмоте: «Невообразимые преступления, совершенные правителями страны под громкие аплодисменты толпы, неистово мечутся в душе. Хочется верить, что хотя бы в уголочках сознания людей еще живет придушенная совесть, противоречивая и с трудом открывающая глаза, еще коллективизированная и так трудно расстающаяся с рабством» [39, с. 17].

И это – академик, ведущий ученый-экономист! А какова его риторика, когда уже не надо притворяться: «В деревне все еще колхозом воняет. Не дота-

ции колхозам надо давать, а кредиты фермерам. Да еще самогонку пить надо в два раза меньше и в два раза работать больше – и пойдет-поедет. ... Деревенская общественность, неизменно голосующая за возвращение к «строительству коммунизма», редко бывает трезвой, но, протрезвев, люто ненавидит “окупационный режим” демократов, поскольку нет денег на опохмелку. А еще за то, что в России появились более или менее состоятельные люди. Речь идет не о ворах. Речь идет о трудягах, вкальвателях. О тех, кто держит на своем подворье две-три коровы и кормит полдюжины, а то и дюжину поросят. Купил автомобиль, чаще всего подержанный, перестраивает свой образ жизни, значит – ату его! Кто сначала потный, а потом уже пьяный, но потеет больше, чем пьет, навеки проклят большевиками» [39, с. 628-629].

Вот тебе и демократия XXI века!

Третья фигура, много сделавшая для формирования антисоветской идеологии и внедрения ее в массы – академик Т.И. Заславская. Она была членом КПСС с 1954 г., президентом Советской социологической ассоциации, помощником Горбачева и депутатом Верховного Совета СССР, активным членом Межрегиональной депутатской группы. Она стала членом-корреспондентом АН СССР с 1968 г., на ранней стадии институционализации советской социологии после войны (академиком АН СССР – в 1981 г.). Ее слово доходило практически до всего сообщества обществоведов, а только научных работников в области исторических, экономических и философских наук в 1985 году было 163 тыс. человек. Гораздо больше таких специалистов с высшим образованием работало в госаппарате, народном хозяйстве и социальной сфере.

В 1983 г. Т.И. Заславская подготовила доклад «О совершенствовании социалистических производственных отношений и задачах экономической социологии» [23]. Его напечатали под грифом «для служебного пользования», но в августе доклад, «попавший США и ФРГ без обложки», был там опубликован под названием «Новосибирский манифест», его стали передавать на СССР по радио. Доклад этот опубликован, но вряд ли многие его помнят – это типичный для официального советского обществоведения поток слов с туманными намеками на негативные тенденции и с советами «партии и правительству», с одной стороны, «закрутить гайки» для несознательных рабочих и, с другой стороны, уделять побольше внимания разным вопросам. А также предложение учредить новую науку – экономическую социологию. Стоит сегодня этот

доклад прочитать – мозги прочищает.

Самые радикальные рекомендации – такого сорта: «Сколько-нибудь законченной “модели” нового хозяйственного механизма наша наука пока не имеет, и при современных способах организации исследований в принципе иметь не может... Как показывают наши исследования, социальный механизм развития экономики имеет сложное строение. Подобно тому, как часовой механизм состоит из большого числа взаимосвязанных пружин, колесиков, молоточков и пр., социальный механизм развития экономики состоит из множества, хотя и связанных между собой, но относительно самостоятельных частных механизмов социально-экономического воспроизводства... Решение актуальных проблем развития советской экономики теснейшим образом связано с совершенствованием социального механизма ее развития. Именно здесь сконцентрированы сегодня наиболее сложные проблемы, и именно отсюда следует начинать работу по преодолению негативных тенденций в экономической жизни страны» [23].

Скорее всего, западные «голоса» транслировали этот доклад потому, что началась «раскрутка» академика Т.И. Заславской для свершений в грядущей перестройке.

В 1987 г., когда программа переделки советского государства вступила в решающую стадию, М.С. Горбачев дал определение программы как *революции*: «Перестройка — многозначное, чрезвычайно емкое слово. Но если из многих его возможных синонимов выбрать ключевой, ближе всего выражающий саму его суть, то можно сказать так: перестройка — это революция.

Думается, у нас были все основания заявить на январском Пленуме 1987 года: по глубинной сути, по большевистской дерзости, по гуманистической социальной направленности нынешний курс является прямым продолжением великих свершений, начатых ленинской партией в Октябрьские дни 1917 года» [31, с. 46-47]¹².

Из ведущих обществоведов Т.И. Заславская первая гласно определила перестройку как революцию, то есть, как смену политической и социальной системы. Это был поворотный пункт в перестройке. В книге-манифесте «Иного не дано» (1988) она пишет: «С точки зрения ожидающих решения задач

---

¹² А.Н. Яковлев дает такое определение: «Мартовско-апрельская демократическая революция [1985 г.] была революцией по содержанию, но эволюцией по форме».

предстоящее преобразование общественных отношений действительно трудно назвать иначе, как относительно бескровной и мирной (хотя в Сумгаите кровь пролилась) *социальной революцией*. Речь, следовательно, идет о разработке стратегии управления не обычным, пусть сложным, эволюционным процессом, а революцией, *в корне меняющей основные общественно-политические структуры, ведущей к резкому перераспределению власти, прав, обязанностей и свобод между классами, слоями и группами...* Спрашивается, возможно ли революционное преобразование общества без существенного обострения в нем социальной борьбы? Конечно, нет... Этого не надо бояться тем, кто не боится самого слова *революция*» [22].

Подумайте: главный социолог страны и советник генсека КПСС объявляет, что власть погружает страну в революцию, что не надо бояться самого слова революция, что будут «резкое перераспределение власти, прав, обязанностей и свобод между классами, слоями и группами» и «обострение социальной борьбы» – и ни слова о том, какие антагонистические противоречия делают неизбежной такую катастрофу. Какие классовые интересы столкнулись в середине 80-х годов в стране, где были устранены массовая бедность и безработица, преодолена социальная вражда, вызванная резким расслоением по доступу к главным жизненным благам? В чью пользу произойдет «резкое перераспределение» всего? Безответственность такого доктринерства просто потрясает. Все нормы научного дискурса отброшены! И никакого беспокойства в сообществе социологов.

Как же характеризует советский общественный строй главный социолог СССР? Как социальную систему «империи зла»? По сравнению с крамольным докладом 1983 г., распространенным самиздатом, она совершила идеологический поворот на 180°. Советский строй она предлагает заменить «социальным капитализмом» (что означает этот эвфемизм, все прекрасно знают). Не может быть такого поворота в науке, это – поведение идеологического работника.

В марте 1990 г. Т.И. Заславская представила в АН СССР программный доклад, который стал подведением итогов перестройки в оценке ведущего социолога, непосредственно отвечавшего за ее «научное сопровождение». В нем говорится: «Политически советское общество было и остается тоталитарным... Социально советское общество резко поляризовано. Полюса его социальной структуры образуют высший и низший классы, разделенные социальной про-

слоистой...

Нижний полюс советского общества образует класс наемных работников государства, охватывающий рабочих, колхозников и массовые группы интеллигенции. Границы этого класса в значительной степени совпадают с часто используемым газетным клише “трудящиеся”. С моей точки зрения, “трудящиеся” составляют единый класс, отличительными особенностями которого служат практическое отсутствие собственности и крайняя ограниченность социально-политических прав. Положение этого класса характеризуется скученностью в коммунальных квартирах или собственных домах без удобств, низкими доходами, ограниченной структурой потребления, неблагоприятными экологическими условиями жизнедеятельности, низким уровнем медицинского обслуживания и социальной защиты...

Сотни миллионов обездоленных, полностью зависимых от государства представителей этого класса пролетаризированы, десятки миллионов — люмпенизированы, т.е. отчуждены не только от средств производства, но и от собственной истории, культуры, национальных и общечеловеческих ценностей...

Главное социальное отношение советского общества на протяжении десятилетий заключалось в экономической эксплуатации и политическом подавлении трудящихся партийно-государственной номенклатурой. Возникшее в начале 30-х годов и резко углубившееся к 80-м социальное противостояние этих классов носило и носит антагонистический характер...

Большое, прогнившее, резко дифференцированное общество предполагалось сделать здоровым и социально справедливым. Но идея социального возрождения могла сплотить только прогрессивные силы, заинтересованные в оздоровлении общества... Советскому обществу предстоит пройти через серьезные трудности, которые представляют своеобразную “плату” за приобщение к общечеловеческим ценностям...

Единственно разумной политикой является последовательный демонтаж тоталитарной государственно-монополитической системы в целях ее замены более эффективной системой “социального капитализма”, сочетающей частную собственность с демократической формой политического правления и надежными социальными гарантиями для трудящихся. ... Такое развитие советского общества надо рассматривать как переход от самого негуманного и антисоциалистического капитализма в мире к значительно более цивилизованно-

му, гуманному и «социализированному» капитализму» [24].

В этом докладе даны квалификации советскому строю – не в период сталинизма, а на конец 1980-х годов, – которые прямо обязывали каждого «честного человека» начать непримиримую борьбу против СССР. Сказано, что «политически советское общество (больное, прогнившее) остается тоталитарным». Следовательно, демократизации оно не поддается, политическую систему надо менять. «Социальное противостояние классов носит антагонистический характер», – значит, общественный диалог и компромиссы невозможны, «демонтаж тоталитарной государственно-монополистической системы» является «единственно разумной политикой». Советская система – «самый негуманный и антисоциалистический капитализм в мире», и ее надо заменить «цивилизованным капитализмом».

Этот доклад не отвечает нормам научного текста еще и потому, что его тезисы аргументы радикально противоречат логике. В докладе, в частности, сказано: «Демократическая перестройка, происходящая в нашей стране, была задумана как реформа “сверху”, но на практике переросла в революцию “снизу”, поддержанную многомиллионными массами...»

Летом 1990 года мы спросили своих респондентов о том, каковы, по их мнению, главные результаты пяти лет перестройки общественных отношений. Наибольшее число голосов получили ответы: “потеря уверенности в завтрашнем дне” — 43%, “кризис национальных отношений” — 37%, “хаос и неразбериха в управлении страной” — 29%, “углубление экономического кризиса” — 28%...

Чтобы выяснить, как большинство людей оценивают влияние перестройки на собственную жизнь, был задан вопрос: “Стала ли Ваша жизнь после того, как в 1985 г. к руководству пришел М.С. Горбачев, лучше, хуже или не изменилась?”. 7% ответили, что их жизнь улучшилась, 22% – не изменилась, у 57% стала хуже, 14% затруднились ответить... Дальнейшее нарастание экономических трудностей и политической напряженности предсказывали 63 и 59%.

Общественное мнение чутко улавливает тенденцию к усилению социального расслоения: ее отмечают 59–63% опрошенных. Почти 60% уверены, что в дальнейшем различия в уровне жизни богатых и бедных будут расти. Когда же мы попытались выяснить, кто имеет наибольшие шансы повысить свои доходы, то на первые места вышли ответы: “богаче станут только те, кто живет не-

честным трудом” (46%), “получать больше станут те, кто сумеет пристроиться на хорошую работу” (43%), “богатые станут жить богаче, а бедные — беднее” (41%)... Только 2–3% опрошенных верят, что от перемен в экономике выиграют рабочие, крестьяне и интеллигенция» [24].

Идеолог «демократической» перестройки утверждает, что перестройка якобы «переросла в революцию “снизу”, поддержанную многомиллионными массами». Но ведь по приведенным самой Т.И. Заславской данным большинство опрошенных оценивали перестройку как бедствие, которое будет лишь углубляться в ходе начатой реформы. Какая может быть «революция снизу», когда «только 2–3% опрошенных верят, что от перемен в экономике выиграют рабочие, крестьяне и интеллигенция»? Как могли академики-обществоведы, слушавшие этот доклад в Президиуме АН СССР, не заметить крайнего антидемократизма принципиальных положений этого доклада?

Называть перестройку «революцией многомиллионных масс» – это новояз в стиле Оруэлла. В большом докладе Горбачев-фонда по поводу юбилея 2005 года говорится о «группе поддержки» перестройки: «Новое руководство могло рассчитывать на относительно устойчивую поддержку двух групп отечественной бюрократии. Одна из них – партийные интеллектуалы, чьи взгляды сформировались под сильным влиянием хрущевской “оттепели”. В идеологическом плане они тяготели к “социализму с человеческим лицом” — концепции, отчасти навеянной идеями конвергенции капитализма и социализма. Для них перестройка означала уникальную возможность продолжить позитивные изменения, начатые в годы правления Н. Хрущева и прерванные рецидивом сталинизма в период брежневского застоя. К другой группе принадлежали “технократы” – управленцы советской экономики, которые трезво оценивали ее реальное состояние» [25].

Что же касается народных масс, оказывается, именно они и не дали Горбачеву насадить социализм с человеческим лицом. Авторы доклада жалуются: «Реформаторы и интеллектуальная элита Советского Союза оказались неподготовленными к проявлениям националистических предрассудков, раскола, вражды. Как известно, российский народный анархизм — всегда обратная сторона модели народного же государственничества. Бунтарский, антигосударственный пафос преднамеренно подогревался некоторыми элитными группировками».

Вот еще выдержка из доклада Т.И. Заславской, которая характеризует установки массового сознания: «В конце сентября 1990 г. ВЦИОМ провел опрос общественного мнения об исторической необходимости и итогах Великой Октябрьской революции... Анализ полученных данных позволил выделить четыре типа социально-политических позиций. Два первых типа характерны для 40–50% взрослого населения страны. Они объединяют людей, считающих: что большевики должны были взять власть (52%); что Октябрьская революция выражала реальную волю народов страны (39%); что она открыла новую эру в ее истории, дала толчок ее социальному и экономическому развитию (45%).

Респонденты второго типа, составляющие 25–30%, придерживаются несколько иных позиций. Признавая историческую необходимость революции, они осуждают многие действия большевиков. ... Третья позиция отличается от второй перерастанием критицизма в принципиальное неприятие идей Октябрьской революции. Люди, разделяющие эту позицию, считают, что захват власти большевиками не был исторически необходим (28%)... Прямые сторонники перехода страны с социалистического пути на капиталистический составили около 10%...

В сентябрьском опросе 1990 г. был использован другой вариант того же вопроса: “Каким курсом должен следовать СССР в будущем?”. За “отказ от социализма и переход к капитализму” здесь высказались 8%, за “социал-демократию североевропейского типа, сочетающую черты социализма и капитализма” — 30%...

Общий вывод заключается в том, что значительная часть советских людей считает избранный нашим обществом исторический путь ошибочным... Есть основания ожидать, что по мере развития рынка и формирования слоя предпринимателей социальный конфликт между ними и основной массой трудящихся будет обостряться» [24].

Какая логика! Половина опрошенных явно поддерживает не просто социализм конца 80-х годов, а и большевиков, а за «отказ от социализма и переход к капитализму» – всего 8%. И это академик называет «значительная часть советских людей считает избранный нашим обществом исторический путь ошибочным». Нет предела демагогии у идеологов перестройки.

В десятую годовщину начала перестройки, в конце 1995 года на междуна-

родном форуме «Россия в поисках будущего» Т.И. Заславская опять делает главный, программный доклад. Она, в частности, сказала об оценке респондентов: «На прямой вопрос о том, как, по их мнению, в целом идут дела в России, только 10% выбирают ответ, что “дела идут в правильном направлении”, в то время как по мнению 2/3, “события ведут нас в тупик”. Именно те же 2/3 россиян при возможности выбора предпочли бы вернуться в доперестроечное время, в то время как жить как сейчас предпочел бы один из шести» [26].

Вот интегральная оценка перестройки и реформы на тот момент – 2/3 россиян при возможности выбора предпочли бы вернуться в доперестроечное время. И это при том, что выросло новое поколение, уже адаптированное к условиям, заданным перестройкой.

В 2002 году Т.И. Заславская скорректировала свои утверждения и объяснила провал перестройки, на мой взгляд, неубедительно и нелогично – не вяжется ее объяснение с реальностью, все существенные тезисы неверны. Она заявила: «Демократические силы общества, едва освободившегося от тоталитаризма, были слабы, организационно и идейно разобщены. Они не имели ни политической программы, ни навыков политической борьбы, ни существенного политического влияния. Многоопытная номенклатура, в руках которой находились все значимые ресурсы общества, легко оттеснила демократов от ведущих позиций и предотвратила народно-демократическую революцию...»

Мой общий вывод заключается в том, что новой социальной революции в России не было. В действительности имела место эволюция, в основе которой лежало, однако, не постепенное и последовательное развитие, а цепочка сменявших друг друга кризисов. Исходный подъем демократических движений, соединившихся с национально-освободительными, завершился распадом СССР.

Радикальные либерально-демократические реформы фактически вылились в ограбление общества горсткой в общем случайных людей. Начавшаяся затем спонтанная трансформация в условиях отсутствия у правящей элиты стратегии и политической воли имела следствием, прежде всего, крайнее ослабление государства и тотальную криминализацию общества. Причем каждый из этих этапов углублял кризисное положение России» [27].

Более откровенно и реалистично определил в 1990 г. задачи перестройки в экономической и в политической сфере Г.Х. Попов: «Главное в перестройке

в экономическом плане – это дележ государственной собственности между новыми владельцами. В проблеме этого дележа – суть перестройки, ее корень... Суть перестройки в политике – полная ликвидация Советов... Другими словами – десоветизация». О национально-государственном устройстве он говорит примерно то же, что и в «Конституции Сахарова»: «Формируется на месте СССР три, четыре, а то и пять десятков независимых государств... А потом эти республики решают: нужен ли новый Союз республик» [28].

Надо сказать, что хотя Т.И. Заславская отступила от представления перестройки как революции, «прорабы перестройки» второго эшелона уверенно называли начатые преобразования революцией, причем уточнялось, что речь шла о революции разрушительной и проводимой «сверху». Из этого видно, что такая квалификация перестройки была узаконена руководством.

Вот примеры таких изречений: «Революция сверху отнюдь не легче революции снизу. Успех ее, как и всякой революции, зависит прежде всего от стойкости, решительности революционных сил, их способности сломать сопротивление отживших свое общественных настроений и структур» (Н.П. Шмелев). Е.Г. Ясин также считал, что в 1991 году в СССР произошла революция: «По своему значению, по глубине ломки социальных отношений, пронизавших все слои общества, [августовская] революция была для России более существенна и несравненно более плодотворна, чем Октябрьская 1917 года». Е.Т. Гайдар и В.А. Мау называли эту революцию Великой, потому что она, «во-первых, реализовалась в условиях резкого ослабления государства, утраты им власти над экономикой и, во-вторых, прошла “весь цикл, все фазы”. Современный процесс преимущественно стихийных социально-экономических преобразований в рамках этой концепции трактуется как естественное последствие революции» [27].

Видные социологи О.И. Шкаратан и В.В. Радаев¹³ также не сомневались, что перестройка была именно революцией: «А что же нынешняя революция? А это, безусловно, революция. Речь идет о смене формаций. Она началась в восточноевропейских странах под знаменем обновления социализма, но по

---

¹³ В настоящий момент О.И. Шкаратан – профессор ГУ ВШЭ, В.В. Радаев – зав. кафедрой экономической социологии, профессор, первый проректор ГУ ВШЭ.

сути это антиэтакратическая революция. Она может дать выход из тупиков государственного-монополистического способа производства» [29].

Таким образом, та часть элиты обществоведов, которая выступала как идеологическая служба команды Горбачева, в своем кругу рассматривала перестройку как революцию, целью которой была смена формации, ликвидация советского строя, а вовсе не «Больше социализма! Больше справедливости!» Они отбросили элементарные нормы научной этики и приверженность истине. Должна же российская интеллигенция наконец-то дать себе в этом отчет.

Ненависть к стране, в которой эти люди выросли и вошли в элиту образованного слоя, поражает. Ведь эта ненависть неизбежно распространяется и на те старшие поколения, которые эту страну «полуживую вынянчили» и отстояли в тяжелейшей войне. И какая деформация сознания!

О.И. Шкаратан и В.В. Радаев пишут об СССР (еще в 1990 году): «Большинство спорящих сложившуюся систему общественных отношений, существующие порядки называют казарменным, феодальным социализмом. Подавляющее большинство авторов тем не менее признает, что то ужасное общество, с кровавыми деспотическими порядками, миллионами жертв в мирные годы, невиданной нормой эксплуатации рабочих и крестьян, — все же общество социалистическое, хотя и деформированное, с отклонениями от некоей нормы. ... Наш подход заключается в другом: мы стремимся дать объективный анализ сложившегося особого, самостоятельного способа производства» [29].

Какой может быть «объективный анализ», если аналитик говорит на таком языке! Ведь язык – главное средство познания, мы «мыслим понятиями». Эта растиражированная статья О.И. Шкаратана и В.В. Радаева – призыв к свержению советского строя. Ну и какой строй они дали людям взамен?

Поношение советского жизнеустройства обществоведами, близкими к власти, доходило до глупости. Вот, А. Мигранян (в статье «Долгая дорога к Европейскому дому») пишет: «Разрушая все органические связи, отчуждая всех от собственности и власти, данный режим... Вот почему никогда в истории не было такого бессилия отдельного человека перед властью». В одном абзаце утверждается, что советский режим *всех* отчуждал от собственности и власти, а в другом абзаце – что при советском строе был *многомиллионный класс* бюрократии, который имел собственность и власть. Далее говорится, что

не было *во всей истории*, включая правление царя Ирода и Пол Пота, большего бесправия, чем в СССР вплоть до прихода демократов. Человек явно не может связать концы с концами¹⁴.

Антисоветская революция, идеологами которой стали виднейшие представители элиты обществоведов, привела к победе меньшинства. Спустя 20 лет после начала перестройки в РФ было проведено большое исследование «Перестройка глазами россиян: 20 лет спустя». В общество влилась большая когорта тех, кому довелось наблюдать перестройку в детском возрасте и повзрослеть, уже не зная советского строя. Они приняли постсоветскую жизнь как данность и относятся к ней лояльно. И, тем не менее, вывод исследователей таков: «После 1988 г. число поддерживающих идеи и практику перестройки сократилось почти в два раза – до 25%, а число противников выросло до 67%. И сегодня доля россиян, позитивно оценивающих перестройку, хотя и несколько возросла и составляет 28%, тем не менее, большинство населения оценивает свое отношение к ней как негативное (63%).»

Наибольшую поддержку, как и 10 лет назад, получила точка зрения о том, что перестройка не должна была выходить за рамки заявленных первоначально целей, определенных как обновление и демократизация социализма. Причем доля тех, кто так считает, за последнее десятилетие возросла с 27% до 33%. Стоит отметить, что суммарная доля тех, кто считает, что перестройку следовало проводить, не разрушая социалистического строя, и тех, кто считает, что перестройку вообще не следовало начинать, – это, условно говоря, сторонники социализма в “горбачевском” и в “брежневском” вариантах – составляет 54%. Объединив же условно говоря, “демократов-западников” и “либералов-авторитаристов”, т. е. тех, кто сегодня является сторонником несоциалистического пути развития страны, мы получим цифру 30%. Другими словами, доли сторонников перестройки советского общества на социалистических и несоциалистических началах соотносятся сегодня в России как 1,8:1,0» [32].

29 декабря 2012 года исполнилось 90 лет подписанию Договора об об-

---

¹⁴ В этой стае кукушка хвалит петуха. А.С. Ципко пишет об этой статье: «Предложенный Миграняном анализ сталинского тоталитаризма проделан блестяще, маленький параграф “Тупик тоталитаризма” из статьи “Долгая дорога к Европейскому дому” и сейчас достоин восхищения. Тут и жесткая мысль, и пафос разоблачения сталинизма, и тонкие жизненные наблюдения».

разовании СССР. Перед этим ВЦИОМ провел всероссийский опрос граждан об их отношении к роспуску СССР. Сожалеют об этом 56% опрошенных, но это в среднем. Среди людей старше 45 лет, то есть, проживших при советском строе в сознательном возрасте, сожалеют 70-83%. Вот какая часть граждан, которым в 1991 г. было 24 и более лет, не поддавалась антисоветской пропаганде во время перестройки. ВЦИОМ подчеркивает, что, независимо от возраста, о роспуске СССР сожалеют 72% граждан «с низким уровнем образования» и 75% «не пользующихся интернетом». «Не жалеют о распаде СССР 33% опрошенных (десять лет назад — 27%). В основном это молодежь (54%), люди с высшим образованием (37%) и активные интернет-пользователи (43%)», — говорится в отчете ВЦИОМ [33]¹⁵.

Ясно, где прошли линии раскола.

Таким образом, в финале перестройки вовсе не произошло, как утверждали ее идеологи, «свержения советского строя народом». Произошла номенклатурно-криминальная «революция сверху» с *дезориентацией* населения уважаемыми академиками и профессорами. Даже в 1991 г., на пике перестроечной пропаганды, антисоветизм не был принят большинством.

В информационной подготовке политических акций по развалу СССР как многонационального государства принял участие цвет либерально-демократической части обществоведов. Сразу после ликвидации СССР многие номенклатурные гуманитарии стали откровенно излагать свои антисоветские представления, которые до этого распространяли полулегально. Вот, историк и зав. сектором Института востоковедения АН СССР А. Прусаускас пишет: «СССР силой и посредством тотального контроля удерживал вместе разноплеменной мир, своеобразный евразийский паноптикум народов, не имевших между собой ничего общего, кроме родовых свойств Homo sapiens и искусственно созданных бедствий» [35].

Вот еще несколько кратких утверждений из огромного потока программ-

---

¹⁵ Сами идеологи перестройки даже сейчас неспособны высказаться без демагогии. Так, в докладе Горбачев-фонда «Перестройка: 20 лет спустя» (2005) сказано: «До 70-80% россиян в той или иной мере разделяют и поддерживают базовые демократические ценности, привнесенные в нашу жизнь перестройкой» [25]. Эта фраза фальшива — все люди на земле «в той или иной мере разделяют демократические ценности». Речь же идет не об этом, а о конкретных результатах, «привнесенных в нашу жизнь перестройкой».

ных сообщений в широком диапазоне авторов. Историк Юрий Афанасьев: «СССР не является ни страной, ни государством... СССР как страна не имеет будущего». Советник президента Галина Старовойтова: «Советский Союз – последняя империя, которую охватил всемирный процесс деколонизации, идущий с конца II мировой войны... Не следует забывать, что наше государство развивалось искусственно и было основано на насилии». Историк М. Гефтер говорил в Фонде Аденауэра об СССР, «этом космополитическом монстре», что «связь, насквозь проникнутая историческим насилием, была обречена» и Беловежский вердикт, мол, был закономерным.

Перестройка стравлила народы! Депутат А. Нуйкин вспоминает в связи с войной в Нагорном Карабахе: «Как политик и публицист, я еще совсем недавно поддерживал каждую акцию, которая подрывала имперскую власть. Поэтому мы поддерживали все, что расшатывало ее. А без подключения очень мощных национальных рычагов ее было не свалить, эту махину» [36]¹⁶. Возбуждая агрессивную этничность как таран против СССР, антисоветская интеллигенция заведомо жертвовала демократическим проектом – она открывала путь этнократическим режимам.

Видные общественеды участвовали непосредственно и в политических действиях. Так, в июне 1987 г. Европарламент учредил «День памяти жертв геноцида в Армении». Началась череда торжественных церемоний в Ереване, в которых ненависть к туркам переносилась на соседей-азербайджанцев, которых называли не иначе, как «турками». Готовился кровавый конфликт – самое сильное средство разрушения межнациональных отношений.

Генерал-майор КГБ В.С. Широнин, направленный в зону конфликта, пишет: «Первый сигнал к волнениям в Карабахе поступил к нам “из-за бугра”. Академик Абел Аганбегян в середине ноября 1987 года во время приема, устроенного в его честь Армянским институтом Франции и Ассоциацией армянских ветеранов, выразил желание узнать о том, что Карабах стал армянским. Кроме того, в Москве широко распространились слухи о том, что Аганбегян сослался на свою беседу с Горбачевым, в которой всемогущий генсек ЦК КПСС якобы сказал, что Карабах будет передан Армении. Поразительно,

---

¹⁶ «В первую десятку перестроечных публицистов 1988 года входили Н. Шмелев, А. Нуйкин, Ю. Карякин, Г. Попов, Ю. Черниченко, А. Ваксберг, В. Селюнин, Ф. Бурлацкий, А. Стреляный, О. Лацис» [38].

несмотря на этот чрезвычайно устойчивый слух, ни тогда, ни позже, даже в разгар карабахской войны, Горбачев ни прямо, ни косвенно его не опроверг...

Заявление Абега Аганбегяна мгновенно стало центральной темой для многих зарубежных армянских газет и журналов, для радиостанции “Айб” в Париже, а также армянских редакций радио “Свобода”, “Голос Америки” и других... В результате прозвучавший в далеком Париже призыв к незаконию стал по сути началом карабахского конфликта» [37].

3. Культурные особенности дискурса идеологов антисоветской революции

Рассмотрение дискурса этих идеологов актуально потому, что они – идеологи *революции перманентной*. Они не исчезли из российского политического пространства и остались в элите постсоветского обществоведения. Для них Россия, только-только начавшая выбираться из ямы кризиса при В.В. Путине, – такая же «империя зла», как и СССР.

Вот что писал А.Н. Яковлев примерно в 2003 г.: «Ползучая реставрация нарядилась в одежды стабилизации. Разрыв между словами и делами снова стал повседневным занятием политиков. Иными словами, непереносимо, когда рушится здание, в фундаменте которого есть и твои кирпичи. Даже в страшном сне не могло присниться, что по стране зашагают отряды мерзавцев, а не созидателей, готовых отстаивать свободу человека» [39, с. 13]. Но он так и остался одним из главных авторитетов этого элитарного сообщества.

Первой особенностью дискурса этого сообщества надо назвать *этический нигилизм*. Йохан Хейзинга говорил, что свобода государства от морали – величайшая опасность, угрожающая западной цивилизации, это «открытая рана на теле нашей культуры, через которую входит разрушение». К моменту перестройки у нас возникло целое сословие элитарных «прогрессивных» интеллектуалов, которые оправдывали свою аморальность свободой информации и стремлением разрушить оковы «угнетения нравственностью». Ф. Ницше писал о них: Ничто не вызывает большего отвращения к так называемым интеллигентам, исповедующим “современные идеи”, как отсутствие у них стыда, спокойная наглость взора и рук, с которой они все трогают, лижут и ошупывают».

Сравнительно мягкой разновидностью этого нигилизма является *отвле-*

чение общественного сознания, *замалчивание* намерений и проекта. В этом выразилось «отношение к человеку как к вещи» – важная антропологическая установка всей реформы. Это – частое в политике явление, но в нашем случае оно наблюдалось в небывалых масштабах и в массовом порядке. Из мышления и языка была исключена сама проблема *выбора*, а вся политика опущена с уровня *бытия* до уровня *быта*. Дебаты шли только по поводу *решений*, как будто исторический выбор был задан стране откуда-то сверху и обсуждению не подлежал.

Во время перестройки интеллигенцию увлекли совершенно схоластическим спором о том, являлся ли советский строй социализмом или нет. Как о чем-то реально существующем и однозначно понимаемом спорили, что из себя представляет советский строй: мобилизационный социализм? казарменный социализм? феодальный социализм? Сказал «казарменный социализм» – и вроде все понятно. Академик Т.И. Заславская уже под занавес перестройки в важном докладе озадачила аудиторию: «Возникает вопрос, какой тип общества был действительно создан в СССР, как он соотносится с марксистской теорией?»

Страну уже затягивало дымом, а глава социологической науки погрузилась в тонкости дефиниции и марксистской теории, смысл которой даже закоренелые начетчики помнили очень смутно. О главных устоях реального жизнеустройства, которое собирались сломать, вообще не говорили – никто об этом и не подозревал. Переживали, что социализм-то у нас оказался казарменным. Какое горе! Так жить нельзя!

Вот как характеризовала суть перестройки академик Т.И. Заславская: «Перестройка – это изменение типа траектории, по которой движется общество... При таком понимании завершением перестройки будет выход общества на качественно новую, более эффективную траекторию и начало движения по ней, для чего потребуется не более 10-15 лет... Необходимость принципиального изменения траектории развития общества означает, что прежняя была ложной» [60].

Что значит сменить тип траектории? В чем оказалась ложной «прежняя траектория»? В какой момент Россия пошла по ложному пути? И люди начинают размышлять и спорить об этих туманных абстрактных намеках.

В 1990 г. в большой статье в журнале «Вопросы философии» выступили В.Ж. Келле и М.Я. Ковальзон, «классики советского марксизма», авторы глав-

ного учебника по историческому материализму, который регулярно переиздавался с 1962 года. Они, конечно, отказываются от советского строя – и почему: «Строй, который преподносился официальной идеологией как воплощение идеалов социализма, на поверку оказался отчужденной от народа и подавляющей личность авторитарно-бюрократической системой... Идейным основанием этой системы был догматизированный марксизм-ленинизм» [61].

Эти два высокопоставленных деятеля «официальной идеологии» и едва ли не самые активные производители «догматизированного марксизма» вдруг обнаружили, что «на поверку» (!) советский строй оказался не тем, что они сорок лет писали! А раньше, до указания начальства, они этого не замечали? Потому-то их статья, полная самой примитивной ругани в адрес «авторитарно-бюрократической системы», не содержит ни одной мало-мальски определенной мысли. Они сами, похоже, чувствуют это и, как водится, сваливают вину на внешние обстоятельства: «Скованность мысли, догматизм, внутренняя цензура снижали творческий потенциал талантливых ученых и были одновременно питательной средой для выдвигания серости и посредственности»¹⁷.

Но главное – ничего внятного о том катастрофическом повороте, который замысливался и проектировался в их среде. Поразительное молчание. Среди экономистов наблюдалась не менее поразительная вещь: ни один из ведущих академиков и профессоров никогда не сказал, что советское хозяйство *может быть переделано* в рыночное хозяйство западного типа. Никто из них никогда и не утверждал, что в России можно *построить* экономическую систему западного типа.

Академик А.Н. Яковлев сказал в мае 1991 г.: «Серьезный, глубокий, по-настоящему научный анализ брежневизма – точнее, периода 60-х – середины 80-х годов – еще впереди, его даже не начинали» [46, с. 24].

Если так, то элементарные нормы научности запрещали давать категорические оценки обществу за целый исторический период 60-80-х годов и тем более требовать его радикальной переделки! Специалист обязан сначала изу-

---

¹⁷ «Скованность мысли» Брежнев предписать никому не мог, он мог лишь дать дорогу наверх таким, как Келле и Ковальзон. Великолепные обществоведческие труды создавали даже в концлагере философ А. Ф. Лосев и этнолог Л. Н. Гумилев, а в ссылке культуuroлог М. М. Бахтин.

чить объект реформы, провести его «серьезный, глубокий, по-настоящему научный анализ».

Ситуация anomальная: заявления по важнейшему для народа вопросу строились на предположениях, которых никто не решался явно высказать. Никто не заявил, что на рельсах выбранного с их участием курса реформ возникнет дееспособное хозяйство, достаточное, чтобы гарантировать выживание России как целостной страны и народа. Сколько ни изучаешь сегодня документов и выступлений, никто четко не заявляет, что он, академик такой-то, уверен, что курс реформ выведет нас на безопасный уровень без срыва к катастрофе. А вот предупреждений об очень высоком риске прийти к катастрофе было достаточно. Какие же это *ученые!* Это бойцы идеологического фронта, напялившие на себя маски и шапочки ученых – подобно жуликам в масках Деда Мороза в новогоднюю ночь.

Но радикальнее всего этический нигилизм проявился в массивной лжи.

Перестройка велась под лозунгом «Больше социализма! Больше социальной справедливости!» А в 2003 году идеолог перестройки и академик РАН (!) А.Н. Яковлев прямо говорит: «Для пользы дела приходилось и отступать, и лукавить. Я сам грешен - лукавил не раз. Говорил про “обновление социализма”, а сам знал, к чему дело идет... Есть документальное свидетельство - моя записка Горбачеву, написанная в декабре 1985 года, то есть в самом начале перестройки. В ней все расписано: альтернативные выборы, гласность, независимое судопроизводство, права человека, плюрализм форм собственности, интеграция со странами Запада... Михаил Сергеевич прочитал и сказал: рано. Мне кажется, он не думал, что с советским строем пора кончать» [42].

При этом речь идет не о мальчике, который «слукавил» из-за боязни наказания. А.Н. Яковлев лгал сознательно, именно «для пользы дела». Истинный проект реформы был гражданам неведом, а задуматься не было времени – им «не давали опомниться» непрерывным потоком сообщений о скандалах, катастрофах и небывалых преступлениях.

А.Н. Яковлев открыто признавался, что идеологам перестройки приходилось «лгать и лицемерить». Он пишет в своих мемуарах: «Обстановка диктовала лукавство. Приходилось о чем-то умалчивать, извораживать, но добиваться при этом целей, которые в «чистой» борьбе, скорее всего, закончились бы тюрьмой, лагерем, смертью, вечной славой или вечным проклятием. Конечно,

нравственный конфликт здесь очевиден, но, увы, так было. Надо же кому-то и в огне побывать, и дерьмом умыться. Без этого в России реформы не проходят. ... Скажи, например, тогда на высшем политическом уровне о губительной милитаристской направленности индустриализации, об уродливой коллективизации, о разрушительной идеологии, о террористическом характере государства и партии. И что бы из этого получилось? Ничего путного, кроме очередного спектакля по “разоблачению” авторов подобных высказываний» [39, с. 35, 571].

Ну, обманули население – но как не стыдно обществоведам до сих пор убеждать школьников и студентов, что в начале 1990-х годов произошла «народная демократическая революция»! Ведь эта ложь ведет к массовой аномии.

И тогда, и сейчас видные действующие лица и историки перестройки утверждают, что никакой программы действий у реформаторов не было, и поэтому страна шаг за шагом свалилась в кризис. Это нелепое оправдание, но на многих действует.

Эту концепцию задал сам Горбачев: «Нередко приходится сталкиваться с вопросом: а чего же мы хотим достигнуть в результате перестройки, к чему прийти? На этот вопрос вряд ли можно дать детальный, педантичный ответ» [43].

Это демагогия – никто и не просил у него педантичного ответа, спрашивали об общей цели, о векторе движения страны в *переходный* период. Когда спросили о программе А.Н. Яковлева, как «архитектора перестройки», он ответил: «Интересно, как вы себе представляете “план перестройки”? Это что, перечень мероприятий, утвержденный на политбюро, согласованный с министерствами и ведомствами, включая КГБ? Такого плана действительно не было и быть не могло. Того, кто его предложил бы, тут же поставили бы к стенке» [42].

А.Н. Яковлев не отвечает на простой вопрос, пытается отшутиться. Но его ирония не снимает вопроса. Если бы Горбачев предложил «перечень мероприятий, утвержденный на политбюро, согласованный с министерствами и ведомствами, включая КГБ», то кто его «тут же поставил бы к стенке»? С другой стороны, косвенно «архитектор перестройки» признает, что план был, причем главное содержание этого плана было таково, что если бы он стал достоянием гласности, то авторов его *тут же следовало бы поставить к стенке*, это ка-

жется самому А.Н. Яковлеву естественным с точки зрения государства.

Здравый смысл подсказывает, что без программы действий было бы невозможно совершить молниеносную чистку и перетряску практически всего государственного и партийного аппарата, причем в режиме секретности. Бывший председатель КГБ СССР В.А. Крючков писал: «Никакой программы перестройки не было. Люди путались в догадках относительно того, что же представляет собою этот замысловатый лозунг. Попытки выяснить, к чему же мы идём, какие цели преследуем, какие конкретные и перспективные задачи решаем, наталкивались на многословие Горбачёва, а то и на глухую стену молчания» [45].

В действительности программа действий лихорадочно разрабатывалась на дачах группой помощников Горбачева, к ним регулярно приезжал А.Н. Яковлев, и об этом пишут в своих мемуарах люди из этого круга. Эта работа велась в конспиративных условиях с самого начала перестройки. А. Островский, собравших большой массив документов о перестройке, пишет: «Утверждения, что никакой программы не существовало и перемены проводились то ли вслепую, то ли наощупь, это сознательное или же бессознательное искажение истины. Единственно, в чём можно согласиться со сторонниками названной точки зрения [об отсутствии программы перестройки] и что не может не вызывать удивления – концепция перестройки не утверждалась ни партийным съездом, ни пленумом ЦК КПСС, ни Политбюро ЦК КПСС. Более того, ни один из этих партийных органов не был даже поставлен в известность о разработке упомянутой концепции перестройки» [41].

Но это – умолчание. А в СМИ и публичных выступлениях поток заведомо ложных утверждений заполнил все уголки массового сознания и создавал ложную картину буквально всех сфер бытия России. Наше общество было просто контужено массирующей ложью.

Граждан соблазняли тем, что в США миллионы людей владеют акциями и, таким образом, получают доход с капитала. Помню, началось со статей юриста С.С. Алексеева 1986-87 гг., где он утверждал, будто на Западе давно нет частной собственности и эксплуатации, а все стали кооператорами и распределяют трудовой доход. Казалось невероятным: член-корр. АН СССР, должен смотреть в лицо студентам – и так врать! Ведь известны данные по США: 1% взрослого населения имел в тот момент 76% акций и 78% других ценных бу-

маг. Эта доля колеблется очень незначительно начиная с 20-х годов.

Вот сводка в «Нью Йорк Таймс» от 17 апреля 1995 г. – 1% населения США владеет 40% всех богатств (включая недвижимость и пр.). А вот данные из переведенной на русский язык книги: «Наиболее богатые 0,05% американских семей владеют 35% всей величины личного имущества, в то время как имущество “нижних” 90% домашних хозяйств составляет лишь 30% его совокупной величины» [48]. Так что десяток акций, которые имеет в США кое-кто из рабочих – фикция, вроде ваучера Чубайса.

И ведь в ложь ваучеров поверили. А в США акции существенной роли в доходах наемных работников не играют. Читаем в справочнике «Современные Соединенные Штаты»: «В 1985 г. доля дивидендов в общей сумме доходов от капитала составила около 15%». А много ли рабочие и служащие получают доходов от капитала? Читаем: «Доля личных доходов *от капитала* в общей сумме семейных доходов основных категорий рабочих и служащих оставалась стабильной, колеблясь в диапазоне 2-4%». Два процента – весь доход на капитал, а в нем 15% от акций, то есть, для среднего человека акции дают 0,003 его семейного дохода. Три тысячных! И этим соблазнили людей на приватизацию!

Такое вранье, как в пропаганде частной собственности в годы перестройки, видеть приходится нечасто.

Почти одновременно с Т.И. Заславской, которая говорила о перестройке как социальной революции, в «Правде» пишет помощник и идеологический советник Горбачева философ Г.Л. Смирнов¹⁸: «Речь идет *не о социально-политической революции*, когда уничтожаются основы экономических отношений старого строя, устанавливается принципиально новая политическая власть, выражающая интересы свергающих классов. Здесь ситуация иная. Речь идет *не о разрушении общественной собственности на средства производства, а о ее укреплении* и более эффективном использовании... Речь идет не о сломе государственной власти, а о дальнейшем укреплении социалистического всенародного государства, углублении социалистической демократии, развитии народного социалистического самоуправления» (курсивом выделено мною, К-М) [65].

---

¹⁸ Смирнов Г.Л., академик АН СССР (после 1991 г. РАН), В 1983-1985 гг. – директор Института философии АН СССР, в 1987-1991 гг. – директор Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. В 1985—1987 годах был помощником Горбачева.

Итак, два советника Горбачева по идеологии в ранге академиков пишут о главном происходящем в стране процессе и дают две диаметрально противоположные трактовки: достоверную в книге для узкого круга, для «своих» – и абсолютно ложную в массовой газете с тиражом 5 млн. экземпляров.

В январе 1994 года, когда разразился небывалый в истории индустриального общества кризис, академик А.Г. Аганбегян так объяснил его причины в интервью Институту социологии РАН: «Надо прямо сказать, что рыночная система – это очень жестокая система по отношению к человеку. Система с очень многими негативными процессами. Рыночной системе свойственна инфляция, рыночной системе обязательно свойственна безработица. С рынком связано банкротство, с рынком связан кризис перепроизводства, рецессия, которую, скажем, сейчас переживает Европа, с рынком связана дифференциация – разделение общества на бедных и богатых... Дифференциация у нас, конечно, к сожалению, уже сейчас, ну, не к сожалению – это неизбежно, у нас уже сейчас растет, и будет дальше резко расти» [53].

Этот руководитель экономической науки был главным и самым авторитетным пропагандистом рыночной реформы. Но тогда он не говорил ничего даже отдаленно похожего на это заявление. И никто из его коллег-экономистов, академиков и профессоров не сделал ему никакого упрека – по сей день. Сравните с тем, что писал и говорил Аганбегян в 1989-1990 гг. Какая дезинформация!

Вот что говорил А.Н. Яковлев в выступлении 4 мая 1990 г.: «Сейчас в общественный обиход пущены идеи, утверждающие, что в стране сильно возрастет безработица, упадет жизненный уровень и т.д. Думаю, что это пока относится к разряду неподкрепленных предположений... Лично я считаю, что при разумной организации дела безработицы быть не может, ибо у нас одна лишь сфера услуг может поглотить более чем те 10 миллионов человек, которым сулят безработицу... И вообще рыночная экономика вводится не для того, чтобы ухудшить положение трудящихся, а для того, чтобы поднять жизненный уровень народа» [46, с. 170].

А.Н. Яковлев лгал, потому что в мае 1990 г. было уже прекрасно известно, что в результате реформы как раз «сильно возрастет безработица, упадет жизненный уровень и т.д.». А утверждение, будто безработицы при рынке быть не может потому, что «вообще рыночная экономика вводится не для

того, чтобы ухудшить положение трудящихся», надо расценивать как издевательство над слушателями и читателями.

Сравните три его выступления – два на широкую публику, одно для интеллигенции. Все они напечатаны в одной книжке, тиражом 50 000 экз., читателями которой были увлеченные перестройкой интеллигенты.

Выступая 20 февраля 1990 г. в Московской высшей партийной школе, А.Н. Яковлев так характеризовал доктрину экономической реформы: «Думаю, если бы мы признали разнообразие форм собственности, то только бы выиграли от этого. Разумеется, речь не идет о частной собственности на банки, транспорт, базовые отрасли производства» [46, с. 161]. Как пример тех предприятий, которые можно было бы сделать частными, он называл парикмахерские.

Вскоре была выдвинута программа «500 дней», главным смыслом которой была обвальная приватизация. И в Париже, в интервью французской газете А.Н.Яковлев так выражает свое отношение к этим планам: «Шаталин мой очень хороший друг. То же самое могу сказать и о Явлинском, который часто ко мне заходит... Целью обоих планов была приватизация экономики, либерализация банковской системы, введение акционирования, аграрная реформа и т.д. ... Но я повторяю, что оба плана были программами перехода к рынку, и это, по моему мнению, было самым главным. В концепции “500 дней”, которую я поддерживал и поддерживаю...» и т.д. [46, с. 236].

Таким образом, выступая перед партийной аудиторией, с расчетом на публикацию в массовой печати, А.Н. Яковлев сознательно лгал. Он утверждал, что в планах перестройки и речи нет о приватизации банков и промышленных предприятий – и одновременно имел постоянные контакты с Шаталиным, Явлинским и другими экономистами, которые готовили проекты тотальной приватизации банков и промышленности, а в кабинетах и банях лихорадочно шла дележка кусков государственной собственности и подбирались кадры олигархов.

Говорят, «по делам их судите их». В Послании Президента РФ Федеральному Собранию 2004 года В.В. Путин говорит: «С начала 90-х годов Россия в своем развитии прошла условно несколько этапов. Первый этап был связан с демонтажем прежней экономической системы... Второй этап был временем расчистки завалов, образовавшихся от разрушения “старого здания”... Напомню, за время длительного экономического кризиса Россия потеряла почти по-

ловину своего экономического потенциала».

Реформа 1990-х годов представлялась обществу как *модернизация* отечественной экономики – а оказывается, это был ее *демонтаж*, причем грубый, в виде *разрушения* «старого здания». На это согласия общества не спрашивали, а разумные граждане никогда бы не дали такого согласия. Ни в одном документе не было сказано, что готовился *демонтаж экономической системы* России. Власть с ее советниками, экономистами и социологами, следовала *тайному* плану. В любом государстве уничтожение «половины экономического потенциала» страны было бы квалифицировано как измена Родине или вражеская диверсия в беспрецедентно крупном размере.

Идеологи реформы очень много сделали, чтобы вообще устранить из политики и социальных отношений сами понятия греха и нравственности. Н. Шмелев писал: «Мы обязаны внедрить во все сферы общественной жизни понимание того, что все, что экономически неэффективно, – безнравственно и, наоборот, что эффективно – то нравственно» [85]. Здесь принято новое соподчинение фундаментальных категорий – *эффективности* и *нравственности*. Это радикальный разрыв даже с либеральной шкалой ценностей, в которой один из принципов Дж. Локка гласит: «совесть – выше выгоды». Для нас важен тот факт, что власть декларировала построение правового общества, но подобными декларациями легитимировала криминальный порядок. Реформа не просто не сформировала чего-то похожего на протестантскую этику, она сформировала ее *антипод* – этику социального хищника и расхитителя средств производства и жизнеобеспечения общества.

Ложь экспертов от обществоведения бывала и вполне конкретной (наглой), и завуалированной, концептуальной. Вот ложь концептуальная. Выступает по телевидению начальник Аналитического центра при Президенте М. Урнов: «Россия до 1917 г. была процветающей аграрной страной, но коммунисты довели АПК до нынешней разрухи». М. Урнов избегает точности – есть надежная статистика и производства, и урожайности, и уровня питания населения с конца XIX века. Официально «физиологический минимум» в России составлял 12 пудов хлеба с картофелем в год на душу. В нормальном 1906 году такой уровень потребления был зарегистрирован в 235 уездах с населением 44,4 млн. человек – у трети крестьян.

За период 1909-1913 гг. в среднем производство зерновых в России было

72 млн. т., а в СССР в 1976-80 гг. – 205 млн. т. В натуральных показателях продукция сельского хозяйства только с 1950 г. выросла в 3 раза, а число занятых сократилось на 23%. Рост эффективности в 4 раза за 30 лет – прекрасный результат (притом, что село в то же время финансировало и индустриализацию СССР, и войну). «Нынешняя разруха» наступила именно при хозяине Урнова в 1990-е годы.

Академик А.Г. Аганбегян утверждал везде, где мог, будто в сельском хозяйстве СССР имеется невероятный избыток тракторов, что реальная потребность в них в 2-3 раза меньше наличного количества. Этот «абсурд плановой экономики» он красочно расписал в книге «Экономическая перестройка: революция на марше», которая в 1989 г. была переведена на европейские языки. Дословно он пишет: «Результат [абсурда плановой системы] – разрыв между производством и социальными потребностями. Очень показателен пример с тракторами. СССР производит в 4,8 раза больше тракторов, чем США, хотя отстает от них в производстве сельскохозяйственной продукции. Необходимы ли эти трактора? Эти трактора не нужны сельскому хозяйству, и если бы их покупали за свои деньги и рационально использовали, хватило бы в два или три раза меньше машин» [49].

Это утверждение произвело столь сильное впечатление на мировое сообщество экономистов, что не раз цитировалось на Западе не только в прессе, но и в серьезных монографиях. Разве не удивительно было слышать, что советским колхозникам хватило *бы в три раза меньше* тракторов, чем тех, что они имели? Когда же наша промышленность успела так перенасытить село тракторами? Неужели на Западе фермеры имели в три раза меньше тракторов, чем советские колхозники? В действительности, в тот момент (1988 г.) в сельском хозяйстве СССР тракторов на гектар пашни было *в 16,5 раза меньше, чем в ФРГ*, в 12 раз меньше, чем в Италии и даже в 6,5 раз меньше, чем в Польше. Искажение меры столь велико, что знающие люди просто столбенели. Но сообщество экономистов без всяких сомнений приняло ложное утверждение одного из своих лидеров и, насколько известно, до сих пор никак на него не

отреагировало¹⁹.

Но ложь стала нормой и по мелким поводам, стала элементом сознания элиты обществоведов. На передаче «Времена» В. Познера 25.01.2004 г. выступил А.Н.Яковлев, представленный как «действительный член РАН по Отделению экономики». Он сказал: «Фактически Ленин приостановил движение России. Если мы вспомним, историки это знают, при Столыпине Россия в два раза увеличила производство, урожай собирала Россия равный совокупному урожаю Канады, США и Аргентины».

Идейная позиция А.Н. Яковлева – его сугубо личное дело. Однако выступая как академик-экономист, представитель РАН, он не имеет права прибегать к заведомой лжи. Экономические результаты реформы Столыпина изучены досконально. За 1906-1910 гг. по сравнению с 1901-1905 гг. посевные площади во всей России возросли всего на 4,8%. За это время производство ржи уменьшилось на 9,9%, пшеницы выросло на 0,1%, овса на 2,1% и лишь ячменя выросло на 19,6%. Но в 1911 г. был неурожай и голод. Самый высокий урожай зерновых до революции был собран в 1913 г. – урожай пшеницы в 1913 г. был **в два раза** выше, чем в 1911 г. и на 38,5% выше, чем средний урожай за 1906-1911 гг.

В том самом урожайном году было собрано зерна (в сумме по главным культурам – пшенице, ржи, ячменю, овсу и кукурузе): в России – 5,3 млрд. пудов; в США – 6,4 млрд. пудов; в США, Канаде и Аргентине вместе – 7,9 млрд. пудов. Российская империя уступала даже одним США. А на душу населения в России в 1913 году было собрано 30,3 пуда зерна, в США 64,3 пуда, в Аргентине 87,4 пуда, в Канаде 121 пуд²⁰.

---

¹⁹ Этот миф в СССР тиражировали идеологи ранга пониже. Так, А.С. Ципко писал в серьезной академической книге: «Мы буквально наводнили страну тракторами и комбайнами». «Наводнили» – это сколько тракторов на 1000 га пашни? Во сколько раз больше, чем в Западной Европе, где рачительные фермеры «не наводнили»? Никакой меры Ципко не вводит.

²⁰ В той передаче я сидел за столом напротив А.Н. Яковлева, и он много наговорил очевидной неправды, мне было не по себе. Когда это видишь на экране, как-то не так действует. Мы с историком И.В. Пыхаловым перепроверили данные и написали открытое письмо президенту РАН: разве не должна Академия следить за соблюдением ее академиками элементарных норм научной этики? Ответ был туманный: мол, и академики имеют право на свое мнение. Это симптом тяжелой болезни нашей науки.

Поразительно, но сознательный обман общества интеллектуалами реформы даже после 1990-х годов, при виде массовых страданий обманутых людей, не вызывал в их профессиональной среде никакого осуждения. Напротив, его оценивали как *эффективный*. На круглом столе в «Независимой газете» 17 мая 2000 г. В. Третьяков, главный редактор газеты, так отозвался о ловкости Е. Гайдара: «Представьте, если бы Гайдар пришел к Ельцину и сказал: будем вводить реформы, и через десять лет все будет хорошо – не так, как требовал Ельцин, – успех через полгода, а через 10 лет. И будет гиперинфляция процентов 1000-2000... Если бы он так сделал, Ельцин бы тут же ударил его кулаком по голове, и Гайдар не стал бы премьер-министром. Поэтому Гайдар на всякий случай сказал: инфляция составит 50%, и к концу года все будет нормально. Я предполагаю, что Гайдар как эксперт был тогда достаточно грамотен, но не говорил правду из идеологических соображений, потому что считал, что нужен капитализм, а это зависит от Ельцина, ему надо сказать то, что он хочет услышать, а дальше пойдет, и уже ничего нельзя будет сделать».

Вдумайтесь в эту конструкцию! Человек сознательно лжет «из идеологических соображений», причем своей ложью прикрывает не благо, а губительные для страны изменения, но в элитарном кружке, который обсуждает вопрос «Чем больно наше экспертное сообщество?», это называют не преступным должностным подлогом, а «грамотный эксперт». В этом-то и есть ответ на вопрос о болезни – ни В. Третьяков, ни собравшиеся эксперты «реформаторов» не видели во лжи Гайдара ничего зазорного, они ее считали законным атрибутом «грамотного эксперта». Кстати, В. Третьяков как будто не видел абсурдности своего критерия: «успех через полгода» это ложь, а «успех через 10 лет» был бы правдой. Ведь десять лет к тому моменту уже прошли! Неужели не было видно, что в настоящую катастрофу мы только-только втягивались? Десять лет реформы мы протянули на ресурсах старой советской системы, но теперь-то они подходили к концу, и если бы не быстрый рост цен на нефть, пришлось бы очень туго. В чем же видит В. Третьяков «честность» Гайдара, назови он дату «успеха» 2000 г.?

Разновидностью лжи надо считать грубое искажение логики рассуждений – «эффективный» прием, поскольку, как показали исследования, значительная часть аудитории воспринимает вывод, опуская логические выкладки.

Вспомним, какие фантомы изобретались, чтобы слепить из СССР образ

«казарменного социализма»! Вот профессор А.С. Ципко. Он слышал, что при советском строе имел место трудовой энтузиазм, моральное стимулирование и т.д. Этот маленький элемент системы, который занимал в ней свое скромное место, А.С. Ципко раздувает до масштабов чуть ли не единственной сущности советской социально-экономической системы. Он пишет: «Разве не абсурд пытаться свести все проблемы организации производства к воспитанию сознательности, к инъекированию экстаза, энтузиазма, строить всю экономику на нравственных порывах души?.. Долгие годы производство в нашей стране держалось на самых противоестественных формах организации труда и поддержания дисциплины - на практике “разгона”, ругани, окрика, на страхе» [64, с. 80].

Ципко даже не замечает, что второе его ругательство отрицает первое. Но можно ли придумать для советской системы организации производства более глупое обвинение, чем назвать ее попыткой «строить всю экономику на нравственных порывах души»? Что за нелепый образ народного хозяйства создал профессор из Института экономических проблем мировой социалистической системы АН СССР! И эти пропагандисты так и учат жизни молодежь, сами насколько не изменившись.

Во многих случаях логика рассуждений нарушается гротескным, грубым преувеличением исходных тезисов, которое нарушает рациональность последующих шагов. «Иного не дано», «Так жить нельзя», «Конституционный порядок в Чечне должен быть установлен любой ценой»! Вдумались бы в смысл этих тоталитарных утверждений! Ведь они определили сам тип мыслительного аппарата элиты последних двадцати пяти лет. Но они же иррациональны. Как это любой ценой? Как это иного не дано?

Конечно, это сильно действовало на массовое сознание – ведь всех этих людей нам представляли как цвет интеллектуальной элиты. А.С. Ципко, ставший известным автором, заявляет: «Не было в истории человечества более патологической ситуации для человека, занимающегося умственным трудом, чем у советской интеллигенции. Судите сами. Заниматься умственным трудом и не обладать ни одним условием, необходимым для постижения истины» [67]. Представляете, в СССР люди не обладали ни одним условием для постижения истины. Ни одним! Не имели ни глаз, ни слуха, ни языка, ни безмена. Как же они вообще могли жить, не говоря уж о том, чтобы в космос Гагарина снарядить? И подобные суждения с нарушенной логикой и несовместимые со здра-

вым смыслом, мощным потоком полоскали умы людей.

В другом месте А.С. Ципко пишет: «Все прогнозы о грядущей социал-демократизации Восточной Европы не оправдали себя. Все эти страны идут от коммунизма к неоконсерватизму, неолиберализму, минуя социал-демократию. Тут есть своя логика. Когда приходится начинать сначала, а иногда и с нуля, то, конечно же, лучше идти от более старых, проверенных веками ценностей и принципов» [66].

Зачем профессор наворотил бессмыслицы? Трудно это объяснить глупостью, временным помрачением рассудка или низким уровнем редакторов газеты. Поток таких суждений – это создание «демократии шума», целенаправленная деградация информационного пространства с целью лишить общество способности совместного осмысления реальности.

Что значит, например, что Польша в 1989 г. «начала сначала, а то и с нуля»? И почему неолиберализм, возникший в конце 60-х годов XX века, «проверен веками»? Уж если ты желаешь чего-нибудь старинного, то надо было бы брать за образец первобытно-общинный строй, он проверен двумястами веков. Или уж на худой конец рабство – тоже веков десять его проверяли. При первом прочтении подумаешь: да учился ли А. Ципко в средней школе? А потом вспоминаешь – человек на службе. Так они и завели нас, слепых, в яму, сами притворяясь слепыми.

Другая важная особенность мышления идеологов реформ – игнорирование реальных свойств и специфики реформируемого объекта. Конкретно, речь шла о России (СССР) конца XX века. Это странное для обществоведов, называвших себя материалистами, свойство, возможно, было просто приемом манипуляции сознанием аудитории, сбить людей с толку. Это было бы самым простым объяснением, но этот их провал в иррациональность казался уж очень искренним.

Старое утверждение гласит, что «искусство управлять является разумным при условии, что оно соблюдает природу того, что управляется». Эта мысль считается настолько очевидной, что М. Фуко называет ее пошлостью.

Но вот, на лекции 29 апреля 2004 года один из разработчиков доктрины реформы, Симон Кордонский, во время перестройки молодой сотрудник академика Т.И. Заславской, излагает историю работы над доктриной: «В 1983 году в экспедицию в сельском районе Алтайского края, которую возглавляла

Татьяна Ивановна Заславская, приехали Петя Авен и Слава Широинин. Они до этого очень много занимались Югославией, США и успешными экономическими реформами стран с переходной экономикой, но погружение в реальность обывденной сибирской жизни оказалось для них открытием... Авен и Широинин были настолько вдохновлены теми впечатлениями, которые они получили в результате поездки, что приехали в Москву и рассказали об этом на семинаре в Институте системных исследований, где тогда работал Егор Гайдар.

На семинаре в “Змеиной горке” в Питере в 1985 году, собственно, все и познакомились: большая часть как ушедших, так и еще действующих политиков и экономистов... В 1988 году, в клубе “Строитель” у нас произошло первое всеобщее заседание диссидентов, после которого было принято решение о создании газеты “Коммерсантъ”, кооператива “Факт” и многих других организаций».

Как же он характеризует сегодня всех этих «ушедших и еще действующих политиков и экономистов»? Он выделяет главную черту ее авторов: «Мое глубокое убеждение состоит в том, что основной посыл реформаторства – то, что для реформатора не имеет значения реальное состояние объекта реформирования. Его интересует только то состояние, к которому объект придет в результате реформирования. Отсутствие интереса к реальности было характерно для всех поколений реформаторов, начиная с 1980-х годов до сегодняшнего времени... Что нас может заставить принять то, что отечественная реальность – вполне полноценна, масштабна, очень развита, пока не знаю» [62].

Для человека с реалистическим сознанием это признание покажется чудовищным. Такая безответственность не укладывается в голове, но это говорится без всякого волнения, без попытки как-то объяснить такую интеллектуальную аномалию.

Присутствовавший на лекции Глеб Павловский, который занимался разработкой реформ в плане политики, добавляет: «Лет 15 назад, при начале нашего общественного движения, имела место неформальная конвенция. Конвенция о том, что знания о реальности не важны для какого-то ни было политического или общественного действия. Действительно, эта конвенция состоялась, и реформаторы действовали внутри нее, как часть ее. С моей точки зрения, утверждения докладчика можно интерпретировать так, что собственно реформаторы были людьми, которые согласились действовать, не имея никаких

представлений о реальности, но при наличии инструментов для преобразования, изменения того, что есть, особенно в направлении своих мечтательных предположений. Эти люди делали то, что они делали, и погрузили остальных в ситуацию выживания.

Пример этих реформ это то, что происходило в правовой сфере, где либерализация процессуального законодательства конца 80-х, начала 90-х годов привела к тому, что условия населения в лагерях стали пыточными, каковыми они не были при Советской власти. Они и продолжают ими быть, это продолжает усугубляться, там существует отдельная социальная реальность, которая совершенно не описывается современными правозащитниками».

Эти слова надо понимать так, что и сам Павловский участвовал в выработке и заключении этой «неформальной конвенции», которой следовали реформаторы. Но разве положение изменилось, разве эта конвенция отменена? Разве бесстрастная констатация заменяет рефлексию и поиск путей к исправлению патологии? Ни в коей мере. Павловский продолжает уже о нынешних политиках у власти: «Они уклоняются и развивают очень изощренные технологии, в том числе исследовательские, политические, научные, общественные технологии вытеснения любого реального знания... Это... питает энергетикой наш политический и государственный процесс, – уход от знания реальности, отказ, агрессивное сопротивление знанию чего бы то ни было о стране, в которой мы живем».

И вот, люди с таким мышлением были востребованы как интеллектуальное сообщество, взявшееся планировать переделку всей жизни страны. И они были ведь поддержаны наиболее влиятельной частью интеллигенции! Да и сейчас пользуются уважением и престижем, читают лекции...

После той лекции Кордонского была дискуссия, и вот красноречивые ответы этого идеолога реформ. Он высказал странную мысль, что «реформ не было» – так, шалости. Его и спрашивают об одной из шалостей Гайдара:

«Рогов. Реформ не было, а отпуск цен был. Это был благотворный шаг?

Кордонский. А хрен его знает.

Рогов. Давайте согласимся, что отпуск цен благотворно...

Кордонский. Не благотворно, понимаешь? Голодуха была. Что значит благотворно? Другого выхода не было».

Представьте: одного из соавторов доктрины реформ через 12 лет после ли-

берализации цен спрашивают, какова нынешняя оценка этого шага, и он отвечает: «А хрен его знает». Да это просто распад рациональности и норм интеллектуальной совести. Ведь речь идет о шаге, который привел к социальной катастрофе, последствия его хорошо известны, неужели не нашлось других слов!

Дальше – больше. Референт президента не может не знать, что в 1991 г. никакой «голодухи», которая якобы заставила отпустить цены, в стране не было, а именно после отпуска цен голодуха возникла – и в конце 1992 г. более половины женщин РСФСР получали в рациионе белка меньше физиологического минимума. Изменение типа питания после отпуска цен дотошно зафиксировано в официальном докладе о состоянии здоровья населения России.

Но Кордонский вовсе не лжет, он просто не обращает внимания на реальность, она для него несущественна – он следует конвенции, о которой сказал Павловский. Однако ведь даже и в этом он нелогичен. Допустим, была голодуха – почему же «другого выхода не было», кроме как отпустить цены и сделать многие продукты недоступными для половины населения? Он не слышал, что в 1918 г. при голодухе ввели уравнильные пайки? Ему родители не рассказали, что с 1941 по 1947 г. в стране существовала карточная система, которая предотвратила голодуху в гораздо более трудных условиях? Совершенно очевидно, что «другие выходы» были и ответ Кордонского иррационален, неразумен. Иного не дано! Какое сужение сознания – или ложь.

Экономист В. Найшуль, также считающий себя теоретиком реформы, признает в 2004 году: «Проблема, которая до сих пор не решена, – это неспособность связать реформы с традициями России. Неспособность в 85-м году, неспособность в 91-м, неспособность в 2000-м и неспособность в 2004 году – неспособность у этой группы [авторов доктрины реформ] и неспособность у страны в целом. Никто не представляет себе, как сшить эти две вещи... То, что можно сделать на голом месте, получается. Там, где требуются культура и традиция, эти реформы не работают. Скажем, начиная от наукоемких отраслей и банковского сектора, кончая государственным устройством, судебной и армейской реформой. Список можно продолжить» [63].

Найшуль вскользь высказал важный тезис реформаторов: «То, что можно сделать на голом месте, получается. Там, где требуются культура и традиция, эти реформы не работают».

Вопрос: где в России реформаторы нашли «голое место»? Что означает

это понятие? Какая часть бытия России не обладает «культурой и традицией»? Найшуль использовал применительно к российской реформе понятие, применяемое колонизаторами в отношении земельных угодий аборигенов²¹. Теперь принцип *res nullius* фигурирует в языке теоретика реформы в России.

Раздел II. Объекты идеологических атак

Все частные операции по разрушению социальных, экономических и духовных структур советского строя и СССР развернулись после тотальной информационно-психологической атаки – по всей территории СССР, во всей толще его общества и на всех уровнях духовной структуры личности. Это можно сравнить с операцией, в которой на личный состав и население обрушили избыточное количество нервно-паралитических отравляющих веществ. Была произведена декомпозиция «образа прошлого» – история предыдущих полутора веков России и СССР. Эта акция готовилась верхушкой советских обществоведов (вероятно, с помощью зарубежных психологов и культурологов).

Итальянский историк М. Феретти, специалист по истории СССР, коротко и четко изложила схему этой операции: «Осуждение сталинизма перерастает в осуждение большевизма, причем второй термин за счет знаменательного семантического сдвига постепенно вытесняет первый и в конце концов полностью его заменяет. Большевизм объявляется феноменом, свойственным незначительному меньшинству и вдобавок *импортированным*, глубоко чуждым русской истории (тема, близкая также националистам, в устах которых слова “чужой” и “иностраный” играют роль эвфемизмов, заменяющих слово “еврейский”).

Итак, Октябрьская революция подвергается радикальной критике, ее объявляют первопричиной всех трагедий, которые впоследствии пережила страна.

---

²¹ Голландский юрист Гроций в трактате «О праве войны и мира» (1625) определил, по какому праву колонизаторы могут отнимать землю у местного населения. Он выводил его из принципа римского права *res nullius* (принцип «пустой вещи» или «голого места»), который гласил, что невозделанная земля есть «пустая вещь» и переходит в собственность того, кто готов ее использовать. Этот принцип стал общим основанием для захвата земель европейскими колонизаторами, и уже в XIX веке земельные угодья в Африке, Полинезии и Австралии были присвоены практически полностью, а в Азии – на 57%.

Критика эта обрушивается на всю советскую историю в целом; сталинские преступления при этом не отделяются от других объектов осуждения. Согласно этой концепции, революция заставила Россию отклониться от “естественного” пути, по которому пошли западные страны — пути, капиталистическому в экономике и демократическому в политике, — и насильно подвергла ее преступному “эксперименту” по воплощению в жизнь коммунистической утопии. Иначе говоря, революцию лишают социального масштаба и превращают в заурядный государственный переворот, устроенный горсткой кровожадных фанатиков, которые решили во что бы то ни стало воплотить в жизнь заветы К. Маркса. Революция предстает своего рода “исторической случайностью”, помешавшей России пожать плоды экономического роста, начавшегося на заре XX в.» [68].

Частности этой большой кампании у нас уже описаны в изобилии, но схема М. Феретти многим поможет систематизировать эти частности. Редко в истории встречаются такие диверсии интеллектуальной элиты против своей нации.

Здесь мы опишем некоторые конкретные действия по деградации общественного сознания, о которых надо бы подумать той части интеллигенции, которая была вовлечена в эти операции с благими намерениями «улучшить систему». Какие ценности были уничтожены в ходе этого когнитивного бунта элиты? Ведь их придется восстанавливать после того, как они были использованы в войне против населения как «оборотни». Это будет трудное дело.

4. Демократия

Высшей ценностью в идеологическом дискурсе перестройки была названа *демократия*. Общество практически единодушно этот лозунг поддержало, поначалу не вникая в тонкости трактовки этого понятия. Его обыденное представление казалось общепонятным и естественным.

В действительности перестройка началась как раз с того, что были разрушены разумные и привычные очертания этого понятия. Идеологи избегали давать этому понятию связное определение, а люди и не спрашивали — хотя никакого молчаливого договора относительно смысла этого слова в нашем обществе не было. Но тогда не вникали даже в странные заявления, не до этого

было.

Выступая в 1990 г. в МГУ, А.Н. Яковлев высказал такую сентенцию: «До сих пор во многих сидит или раб, или маленький городской, полицмейстер, этаким маленьким сталин. Я не знаю, вот вы, молодые ребята, не ловите себя на мысли: думаешь вроде бы демократически, радикально, но вдруг конкретный вопрос – и начинаются внутренние распри. Сразу вторгаются какие-то сторонние морально-психологические факторы, возникают какие-то неуловимые помехи» [46, с. 79].

Это заявление по смыслу чудовищное – в сознании, дескать, не должно быть никаких тормозов, никаких «полицмейстеров», на него не должны влиять никакие «морально-психологические факторы». Это – утопия освобождения разума от совести. Устранение из сознания запретов нравственности, чтобы «думать демократически, радикально», как раз и ведет к разрушению *разума*, ибо при устранении постулатов этики повисает в пустоте и логика, эта «полиция нравов интеллигенции».

Отметим замечательный факт: менее образованные люди оказались более разумными – они гораздо более осторожно и скептически относились к лозунгам этих пропагандистов, чувствовали подвох. Какое раздражение это вызывало у идеологов! А.Н. Яковлев пишет: «Да, в 1985 г. я, например, не предполагал, что у нас такой огромный запас консерватизма в обществе. Мне казалось, что стоит только провозгласить – свобода, гласность, демократия! И такое забурлит! Только б удержать энтузиазм! Но все оказалось намного сложнее, труднее. Вы видите, борются даже против демократии, а часть людей раздражена гласностью, считает, что это дело вредное» [46, с. 69].

Это сладкое слово «демократия» вдруг увязали с частной собственностью и рынком. Это уже вызвало тревогу. Известный философ В.М. Межуев убеждал: «Какое же общество действительно нуждается в правовой демократии и способно ее защитить и сохранить? Я думаю, только то, которое состоит из собственников, независимо от того, чем они владеют, – средствами производства, денежным капиталом или только своей рабочей силой. ... Иными словами, это общество частных интересов и дел, где каждому что-то принадлежит и каждый имеет право на собственное дело. По существу, это и есть гражданское общество, в котором люди связаны между собой как независимые друг от друга индивиды – самостоятельные собственники и хозяева своего

частного дела» [50].

Насколько кадеты начала XX века, оказались более демократами. М. Вебер, объясняя отличие русской революции от буржуазных западных, приводит важный довод: к 1905 г. в России понятие «собственность» утратило свой священный ореол даже для представителей *буржуазии* в либеральном движении. Как пишет исследователь трудов Вебера А. Кустарев, «таким образом, ценность, бывшая мотором буржуазно-демократических революций в Западной Европе, в России ассоциируется с консерватизмом, а в данных политических обстоятельствах даже просто с силами реакции».

Вот что пишет М. Вебер в 1906 г.: «Было бы в высшей степени смешным приписывать сегодняшнему высокоразвитому капитализму, как он импортируется теперь в Россию и существует в Америке, ... избирательное сродство с “демократией” или вовсе со “свободой” (в каком бы то ни было смысле слова)».

В высшей степени смешно, а ведь В.М. Межуев – из авторитетов едва ли не самый эрудированный. Хоть бы предупредил, что Вебер, мол, заблуждался, а мы тут в СССР прозрели. Но нет, пропагандисты ни с кем не спорят, просто игнорируют.

Лозунг демократии вошел в непримиримое противоречие с реальностью – большинство не поддержало перестройку. В.В. Радаев и О.И. Шкаратан пишут в важной статье: «Трагическим является консерватизм не отдельных групп, а тем более отдельных лиц, но огромных масс, верящих, что они сегодня живут при социализме и что его необходимо «исправить». В сознании очень многих рыночные формы хозяйствования односторонне отождествляются с эксплуатацией, неравенством, безработицей. Да, пожалуй, нет для реформаторов более страшной преграды, чем народные предрассудки» [29].

Реформаторами овладел пессимизм. Н. Амосов, академик и народный депутат СССР, так назвал свою статью 7 ноября 1990 г.: «Революция у нас или нет?» Вот ее главные тезисы: «Со всей определенностью скажу: нельзя полагаться на среднего гражданина... Рынок (особенно предпринимательство) воспринимается абстрактно даже его защитниками, а у большинства рабочих вызывает внутреннее сопротивление...»

Теперь о системе власти. Просвещенная демократия для нас непригодна... Важно понять: нынешняя власть Советов – недопустимая рос-

кошь для нас. До западной же демократии с ее традициями, богатым обществом и ответственными гражданами, владеющими собственностью, мы еще не доросли. ... Не хочу делать сомнительные прогнозы, но предвижу, что дело закончится шоковым вариантом по-польски. И не считаю, что это самый плохой вывод: рынок будет создан. И голода не будет. А некоторая скудость питания, по моей теории, даже пойдет на пользу здоровью...

Другого пути к оптимальному обществу действительно нет. Но как это докажешь массе людей, которые ничего не видели, кроме социализма, а при перестройке потеряли и то малое, что имели»? [34].

Именно ведущие идеологи перестройки и стали отказываться от лозунга демократизации – мол, народ не годится. Вот как обосновывает этот отход министр Е.Г. Ясин: «Я, оставаясь преданным сторонником либеральной демократии, тем не менее убежден, что этап трудных болезненных реформ Россия при либеральной демократии не пройдет. В России не привыкли к послушанию. Поэтому давайте смотреть на вещи реально. Между реформами и демократией есть определенные противоречия. И мы должны предпочесть реформы... Если будет создан авторитарный режим, то у нас есть еще шанс осуществить реформы» [52].

Так же рассуждает и академик Г.А. Аганбегян: «Сильная политическая власть при неокрепшей демократии, которую мы имеем, не может быть демократической или либеральной в западном понимании слова. Поэтому, наверное, она будет развиваться в направлении авторитарном... Человек ведь был зверем. Есть у него инстинкты. Чем объяснить, что подростки без причины нападают на какого-нибудь пожилого человека, который ничего им не сделал, и избивают его до полусмерти. Почему? И это – довольно распространенное явление – вандализм, такой взрыв насилия в людях. Ведь попробуйте кого-нибудь повесить на площади. Уверяю Вас, что 10 тысяч людей придет и с удовольствием будет смотреть не отрывая глаз, как он дрыгается» [53].

Это уже не удивляло, потому что с самого начала реформ рассуждения в гуманитарной элите стали крайне *антидемократичными*. Открыто говорилось о перераспределении собственности и доходов большинства населения в пользу очень небольшого меньшинства. Г.Х. Попов, оправдывая в начале 1992 г. присвоение правительством и передачу новым собственникам сбережений населения, писал: «Еще одна сила, которая действовала в обществе, – конструк-

тивные слои. Кроме отрядов интеллигенции, заинтересованных в преобразованиях, это предприниматели, фермеры, кооператоры. Все они выступали за новые формы жизни. Но беда состояла в том, что их было катастрофически мало» (выделено мною – С.К-М) [54].

О. Лацис так писал о начавшейся реформе Гайдара: «Когда больной на операционном столе и в руках хирурга скальпель, было бы губительно для больного демократически обсуждать движения рук врача. Специалист должен принимать решения сам. Сейчас вся наша страна в положении такого больного». В рамках демократического мышления заявление О. Лациса чудовищно – он с авторитетом эксперта оправдывает тот факт, что у страны не спросили ни о согласии на операцию, ни о доверии хирургу.

Лучше всего философию нового порядка выразил после учредительного съезда Движения демократических реформ его председатель, тогдашний мэр Москвы Г.Х. Попов. В своей пресс-конференции он рассуждал о том, как, по его мнению, надо будет поступать в случае массового недовольства радикальной экономической реформой. Страх перед голодной толпой «люмпенизированных социальных иждивенцев», как экс-мэр обычно называл трудящихся, стал навязчивой идеей новых отцов русской демократии. Вот как сформулировал Г. Попов их установки: «Я считаю возможным и необходимым применить в этом случае силу и применить ее как можно скорее. Лучше применить безоружных милиционеров, чем вооруженных. Лучше применить вооруженную милицию, чем выпускать войска. Лучше применить войска, чем выпускать артиллерию, авиацию... Так что с этой точки зрения – вопрос простой».

Кстати, закон о чрезвычайном положении (введение которого – обязательное правовое условие для «подавления бунта») запрещает войскам участвовать в конфликте – они имеют право лишь блокировать район конфликта. А силам МВД («вооруженным милиционерам») закон разрешает использовать лишь штатное оружие МВД – значит, запрещает использовать артиллерию и авиацию.

Так же проявили себя эти поборники демократии и правового общества в октябре 1993 г. Вот некоторые требования, которые подписал академик АН СССР Д.С. Лихачев (и ряд других подобных демократов): «1. Все виды коммунистических и националистических партий, фронтов и объединений должны

быть распущены и запрещены указом президента... 4. Органы печати... такие, как «День», «Правда», «Советская Россия», «Литературная Россия» (а также телепрограмма «600 секунд»), и ряд других должны быть впредь до судебного разбирательства закрыты.

Каков тоталитаризм их мышления («все виды запретить!») и насколько чужда им идея права. Все неугодные партии и объединения они требуют запретить не через суд, а указом исполнительной власти. Неугодные газеты – закрыть не после судебного разбирательства, а до него.

Изменились ли установки этой гуманитарной элиты? Нет, в социальном плане – несколько. Вот недавние откровения «демократа», многолетнего декана Экономического факультета МГУ, сегодня ректора одного из университетов Г.Х. Попова: «При формировании государственных структур надо полностью исключить популистскую демократию. Один человек должен иметь один голос только при выборах верхней палаты, обеспечивающей права человека. А при избрании законодательной палаты гражданин должен иметь то число голосов, которое соответствует его образовательному и интеллектуальному цензу, а также величине налога, уплачиваемого им из своих доходов» [55].

Всекие рациональные очертания потеряло в годы перестройки и понятие «гласность» – оно из словаря демократии быстро сдвинулось именно к тоталитаризму. Казавшиеся вполне разумными люди призывали к полному устранению цензуры, к сбрасыванию абсолютно всех покровов с отношений между людьми. Вот бы тут нашим эрудированным гуманитариям объяснить людям, что «гласность» (*transparency*) – страшная антиутопия XVIII века. Ее изложил английский юрист Иеремия Бентам в труде «Паноптикум». Это «власть через прозрачность», основанная на возможности *увидеть всё – пан-оптикум*. Бентам изобрел тюрьму нового типа, вывернув наизнанку принцип темницы – все камеры кольцеобразной тюрьмы были освещены так, что просматривались из центральной башни. Тьма укрывает, для тоталитарной власти нужна прозрачность! Фуко назвал Бентама «Фурье полицейского государства». Его паноптикум стал утопией тоталитаризма, он выражается в самых разных формах, это формула *покорения посредством «выведения на свет»*. И это с пеной у рта приветствовали наши интеллигенты-демократы.

Вот высказывание А.Н. Яковлева: «Иногда и у нас говорят о том, что не вредно, дескать, было бы установить какие-то пределы гласности. Ясно, что

когда заводят речь о таких пределах, значит, гласность кому-то мешает» [56].

Почему же это надо принимать за довод в пользу беспредельной гласности? Разве следует делать именно то, что людям мешает? Это не демократия, а отношение к человеку как *вещи*.

Надо, наконец, прямо сказать, что антидемократизм идеологов реформы был важным фактором, который способствовал криминализации экономики, которая сложилась в ходе приватизации. Е. Ясин, влиятельный идеолог российского «олигархического капитализма», выражается о смысле залоговых аукционов откровенно: «Ельцин нарушил тогдашнюю конституцию, то есть прибег к государственному перевороту. Это позволило удержать курс на реформы... Единственным социальным слоем, готовым тогда поддержать Ельцина, был крупный бизнес. За свои услуги он хотел получить лакомые куски государственной собственности. Кроме того, они хотели прямо влиять на политику. Так появились олигархи» [104].

Нобелевский лауреат Дж. Стиглиц говорит о программе приватизации самых рентабельных предприятий через залоговые аукционы: «Частные банки оказались собственниками этих предприятий путем операции, которая может рассматриваться как фиктивная продажа (хотя правительство осуществляло ее в замаскированном виде “аукционов”); в итоге несколько олигархов мгновенно стали миллиардерами. Эта приватизация была политически незаконной. И тот факт, что они не имели законных прав собственности, заставлял олигархов еще более поспешно выводить свои фонды за пределы страны, чтобы успеть до того, как придет к власти новое правительство, которое может попытаться оспорить приватизацию или подорвать их позиции» [105].

5. Операция в антропологии: пропаганда социал-дарвинизма

В целом весь дискурс идеологов перестройки был проникнут *биологизаторством* – сведением социальных и культурных явлений к явлениям животного мира, к «закону джунглей». Вспомним ставшее общепринятым утверждение, будто рыночная экономика (капитализм) является «естественным» типом хозяйства – в отличие от советского, «неестественного».

Г.Х. Попов изрек в своей книжке «Что делать»: «Социализм пришел, как нечто искусственное, а рынок должен вернуться, как нечто естественное». За-

метим, что, противопоставляя социализму капитализм, он застенчиво заменяет это неприятное слово туманным термином «рынок».

Поразительно, как с помощью идеологии и авторитета профессоров и академиков удалось стереть в общественном сознании очевидную вещь – экономика суть явление *социальное*, присущее только человеческому обществу. Это порождение культуры, а не явление природы. Называть «естественным» завод, построенный «частным предпринимателем, а не Госпланом» – глупость. Это такой же «артефакт», могущий «существовать только в искусственной среде». Ну как могли наши инженеры и учителя столько лет слушать подобную чушь и поддакивать ей!

Рыночная экономия тем более не является чем-то *естественным* и универсальным. Уж если на то пошло, естественным (натуральным) всегда считалось именно нерыночное хозяйство, хозяйство ради удовлетворения потребностей – потому-то оно и обозначается понятием *натуральное хозяйство*. Разве не странно, что образованные люди перестали замечать эту отраженную в языке сущность.

Более того, придание обществу черт дикой природы (в частности, к этому сводится социал-дарвинизм) – культурная болезнь Запада, давно осмысленная и во многом преодоленная. Казалось невозможным, чтобы она в конце XX века вдруг овладела умами российской интеллигенции – ведь много предупреждений было сделано не только русскими философами, но и с самого Запада

Вот видный член этой команды антрополог В.А. Тишков, который в 1992 г. был Председателем Госкомитета по делам национальностей в ранге Министра в правительстве Ельцина, директор Института этнологии и антропологии РАН, академик РАН в интервью в 1994 г. выдает сентенцию: «Общество – это часть живой природы. Как и во всей живой природе, в человеческих сообществах существует доминирование, неравенство, состязательность, и это есть жизнь общества. Социальное равенство – это утопия и социальная смерть общества» [57].

И это – после фундаментальных трудов этнографов в течение шести последних десятилетий, которые показали, что отношения доминирования и конкуренции есть продукт исключительно социальных условий и культуры, что никакой «природной» предрасположенности к ним человеческий род не имеет. Постулат Тишкова о доминировании и неравенстве в человеческом обществе

как естественном законе природы – это чисто идеологический вывод.

Биологизаторство гуманитарной элиты сделало мировоззренческим основанием доктрины реформ *социал-дарвинизм*, представление о человеческом обществе как части природы. Это тяжелый провал в рациональности и в культуре, странный откат на целое столетие, тем более неожиданный, что он произошел в среде интеллигенции России.

Н. Бердяев писал, незадолго до смерти: «Есть два понимания общества: или общество понимается как природа, или общество понимается как дух. Если общество есть природа, то оправдывается насилие сильного над слабым, подбор сильных и приспособленных, воля к могуществу, господство человека над человеком, рабство и неравенство, человек человеку волк. Если общество есть дух, то утверждается высшая ценность человека, права человека, свобода, равенство и братство. ... Это есть различие между русской и немецкой идеей, между Достоевским и Гегелем, между Л. Толстым и Ницше» [58].

Притом, этой натурализации придавались черты *радикального* социал-дарвинизма и мальтузианства. Академик Н.М. Амосов, ставший одним из ведущих духовных авторитетов в среде интеллигенции, в 1988 году выпустил манифест, проникнутый самым дремучим социал-дарвинизмом. А в «Вопросах философии» он так определял сущность человека: «Человек есть стадное животное с развитым разумом, способным к творчеству... За коллектив и равенство стоит слабое большинство людской популяции. За личность и свободу – ее сильное меньшинство. Но прогресс общества определяют сильные, эксплуатирующие слабых» [51].

«Биологическая» аргументация широко применялась для разрушения уравнительного идеала в общественном сознании. Так, Н. Амосов обосновывал целесообразность, в целях «научного» управления обществом в СССР, «крупномасштабного психосоциологического изучения граждан, принадлежащих к разным социальным группам» с целью распределения их на два классических типа: «сильных» и «слабых». Он писал: «Неравенство является сильным стимулом прогресса, но в то же время служит источником недовольства слабых... Лидерство, жадность, немного соперничества и любопытства при значительной воспитуемости – вот естество человека» [128]²².

---

²² А.С. Ципко писал в поддержку этих идей: «Большой вклад в формирование реального, современного образа человека внес советский хирург академик

Переходя от социал-дарвинизма и идеи борьбы за существование к социальной инженерии, виднейшие эксперты при молчаливом одобрении всего их сообщества доходили до крайних технократических утопий переделки «человеческого материала». Н.Амосов пишет: «Исправление генов зародышевых клеток в соединении с искусственным оплодотворением даст новое направление старой науке – евгенике – улучшению человеческого рода. Изменится настороженное отношение общественности к радикальным воздействиям на природу человека, включая и принудительное (по суду) лечение электродами злостных преступников... Но здесь мы уже попадаем в сферу утопий: какой человек и какое общество имеют право жить на земле» [51]²³.

А.Н. Яковлев представлял основную массу трудящихся не иначе как паразитов, поражал мировую общественность заявлениями о «тотальной люмпенизации советского общества», которое надо «*депаразитировать*». Даже приводил довод, странный для академика-экономиста: «Тьма убыточных предприятий, колхозов и совхозов, работники которых сами себя не кормят, следовательно, паразитируют на других»²⁴.

Н.М. Амосов. Он напомнил политикам и обществоведам, что люди от природы разные, отличаются и силой характера, и устремленностью к самостоятельности в личной самореализации. Чрезвычайно важна мысль о существовании пределов воспитуемости личности... Наверное, настало время серьезно поразмышлять о самой проблеме неравенства, вызванного естественными различиями людей в смекалке, воле, выносливости. Жизненный опыт каждого подтверждает предположение Н.М. Амосова о том, что в любой популяции люди сильные, с ярко выраженным желанием работать составляют от 5 до 10%» [64, с. 73-90].

²³ Эти прогнозы перекликаются с футурологическими рассуждениями Л. Троцкого (1923 г.): «Человеческий род, застывший *хомо сапиенс*, снова поступит в радикальную переработку и станет под собственными пальцами объектом сложнейших методов искусственного отбора и психофизической тренировки». Но Троцкий все же не шел дальше отбора и тренировки. Его идейные наследники оказались покруче.

²⁴ До какой фразеологии докатились бонзы номенклатуры, до какой утраты достоинства! Вот как А.Н. Яковлев пишет о крестьянах и их общине: «Давно убежден, что многие беды в России идут от нерешенного *земельного вопроса*.

Это рабочие и крестьяне сами себя не кормят, а паразитируют на других — на ком?

И поражает бесчувственность рассуждений идеологов реформы, когда речь идет о социальной цене их «успехов». В социальной философии проблема несоизмеримости экономической эффективности и человеческих страданий — одна из главных, над ней бьются виднейшие либеральные философы. Но взять речи наших авторитетов — они как будто не слышали об этой стороне дела. Академик Т.И. Заславская в конце 1995 г. на международном форуме «Россия в поисках будущего» делает главный, программный доклад. Она говорит о дефиците, якобы преодоленном благодаря повышению цен: «Это — крупное социальное достижение... Но за насыщение потребительского рынка людям пришлось заплатить обесцениванием сбережений и резким падением реальных доходов. Сейчас средний доход российской семьи в три раза ниже уровня, позволяющего, согласно общественному мнению, жить нормально» [26].

Такова логика ведущего социолога-реформатора. Люди погрузились в бедность, они *не могут покупать прежний набор продуктов* и, таким образом, выброшены с рынка (что и стало механизмом «преодоления дефицита») — и это называют «крупным социальным достижением»! Неужели нельзя было найти более приемлемое выражение?

Вновь вышел на тропу войны и бывший мэр Москвы Г.Х. Попов. Он выдал такие мальтузианские «откровения демократа», что поначалу многие подумали — не мистификация ли это? Через блог «Московского комсомольца» он дает человечеству такие указания: «Должны быть установлены жесткие предельные нормативы рождаемости с учетом уровня производительности и размеров накопленного каждой страной богатства. Нельзя, чтобы быстрее всех плодились нищие... Страшную перспективу прогрессирующего накопления у одного ребенка генетических болезней уже двух родителей надо прервать. Наиболее перспективным представляется генетический контроль еще на стадии зародыша и тем самым постоянная очистка генофонда человечества» [55].

Я всегда считал его роковой проблемой. Только Столыпин решился покончить с паскудством общины. И уже тогда все деревенские горлопаны завопили о незыблемости общинных порядков на земле. Доорались до Ленина со Сталиным, до нового крепостничества» [39, с. 640].

Социал-дарвинизм «либеральной» части интеллектуальной элиты становится все круче. В среде новой «элиты» возникли течения, следующие болезненному ницшеанству. Они мечтают о выведении не просто новой породы людей («сверхчеловека»), а нового *биологического вида*, который даже не сможет давать с людьми потомства. Они предвидят «революцию интеллектуалов».

В Петербургском университете идет проект «Мировые интеллектуалы в Петербурге», делают доклады «признанные мировые интеллектуалы и лидеры влияния». Д-р философских наук А.М. Буровский излагает такие концепции: «Неандерталец развивался менее эффективно, он был вытеснен и уничтожен. Вероятно, в наше время мы переживаем точно такую же эпоху. «Цивилизованные» людены все дальше от остального человечества – даже анатомически, а тем более физиологически и психологически... Различия накапливаются, мы все меньше видим равных себе в генетически неполноценных сородичах или в людях с периферии цивилизации. Вероятно, так же и эректус был агрессивен к австралопитеку, не способному овладеть членораздельной речью. А сапиенс убивал и ел эректусов, не понимавших искусства, промысловой магии и сложных форм культуры» [69].

Читаем Буровского об «интеллектуалах-люденах» и обычных людях – как двух несмешивающихся «слоях»:

«Молодые люди из этих слоев вряд ли будут способны соединиться — даже на чисто биологическом уровне. Малограмотный пролетариат малопривлекателен для люден. И для мужчин, и для женщин. Мы просто не видим в них самцов и самок, они нам с этой точки зрения не интересны... Иногда мужчине-людену даже не понятно, что самка человека с ним кокетничает. А если даже он понимает, что она делает, его «не заводит»... Поведение текущей суки или кошки вполне «читаемо» для человека, но совершенно не воспринимается как сигнал — принять участие в игре... Я не раз наблюдал, как интеллигентные мальчики в экспедициях прилагали большие усилия, чтобы соблазнить самку местных пролетариев».

Это говорит в XXI веке с кафедры Петербургского университета профессор двух вузов. Какое мракобесие в цитадели русской культуры!

Все эти «лидеры влияния» не просто мечтают о таком будущем, они реализуют проект «Постчеловечество», перенося его в плоскость политических и экономических программ. Вот главная статья В. Иноземцева в книге «Постче-

ловечество». Она называется «On modern inequality. Социобиологическая природа противоречий XXI века».

Иноземцев пишет: «Государству следует обеспечить все условия для ускорения «революции интеллектуалов» и в случае возникновения конфликтных ситуаций, порождаемых социальными движениями «низов», быть готовым не столько к уступкам, сколько к жесткому следованию избранному курсом» [70].

Интеллектуальные дебаты крутятся вокруг идеи создания с помощью биотехнологии и информатики *постчеловека*. При этом сразу встает вопрос: а как видится в этих проектах судьба *человека*? В рассуждениях применяются три сходных парных метафоры. В жестких тезисах виды «постчеловек и человек» представлены как «кроманьонцы и неандертальцы». Помягче, это «элои и морлоки» (из фантазий Уэллса), совсем мягко – «людены и люди» (из Стругацких).

Вот рассуждения А.М. Столярова, видного писателя-интеллектуала, лауреата множества премий: «Современное образование становится достаточно дорогим... В результате только высшие имущественные группы, только семьи, обладающие высоким и очень высоким доходом, могут предоставить своим детям соответствующую подготовку... Воспользоваться [новыми лекарствами] сможет лишь тот класс людей, который принадлежит к мировой элите. А это в свою очередь означает, что «когнитивное расслоение» будет закреплено не только социально, но и биологически, в предельном случае разделив все человечество на две самостоятельные расы: расу «генетически богатую», представляющую собой сообщество «управляющих миром», и расу «генетически бедную», обеспечивающую в основном добычу сырья и промышленное производство...

Очевидно, что с развитием данной тенденции «когнитивное расслоение» только усилится: первый максимум устремится влево — к значениям, характерным для медицинского идиотизма, что мы уже наблюдаем, в то время как второй, вероятно, все более уплотняясь, уйдет в область гениальности или даже дальше...

Современные «морлоки» с их интеллектом кретина будут неспособны на какой-либо внятный протест. Равным образом они постепенно потеряют умение выполнять хоть сколько-нибудь квалифицированную работу, и потому их

способность к индустриальному производству вызывает сомнения» [71].

Надо сказать, что с начала перестройки поношения в адрес «люмпенов», «паразитов» и «лодырей» и всей «генетически бедной» расе трудящихся стали сопровождаться лестью в адрес интеллигенции. Это было наивно и противно. Шестидесятники начали разжигать в интеллигенции самую примитивную ревность – ей, мол, недоплачивают. Все привилегии и оклады забрала себе номенклатура! Допустим, что так, но ведь интеллигенция, поддержав «рыночную реформу», лишь ухудшила свое материальное положение.

В.В. Радаев и О.И. Шкаратан писали в 1990 г.: «Нельзя добиться устойчивого успеха с помощью полукрепостного труда там, где нужны гибкие, динамичные формы организации производства. Основная движущая сила "компьютерной революции" — ученые, инженеры, предприниматели, управляющие, т.е. технократическая элита. Но многое ли могут сделать люди с дипломами об университетском образовании в стране, где они задавлены службой и бытовой неустроенностью, уравниены по зарплате с работниками средней и низкой квалификации, где им постоянно указывается их место (а место это далеко не самое почетное)?» [29].

Вот как, например, академик Д.С. Лихачев соболезнует русской интеллигенции, якобы ставшей жертвой большевиков: «Миллионы истинных интеллигентов, истинных патриотов своей Родины были изгнаны из России, репрессированы, уничтожены, унижены...» [102, с. 228].

Да, наверняка когда-то, кем-то и как-то были унижены *все до одного* истинные интеллигенты – даже без всякой диктатуры пролетариата. Но ведь это в утверждении Д.С. Лихачева сцеплено с понятием «*уничтожены*». Сцепи число погибших с числом «униженных» – и на нее распространится ощущение огромности. Выходит, миллионы были уничтожены...

А раз после 1917 г. элитарная интеллигенция была якобы «изгнана, репрессирована, уничтожена», то без нее никакой культуры быть не может – так, образованщина. Из этого следовало, что советское общество изначально было *контркультурным* жалеть о нем нечего, и разрушение СССР – благо. С.С. Аверинцев так квалифицирует образованную в СССР интеллигенцию: «Нельзя сказать, что среди этой новой получившейся среды, новосозданной среды научных работников и работников умственного труда совсем не оказалось людей с задатками интеллигентов. Мы знаем, что оказались. Но... едини-

цы» («Независимая газета», 03.01.1992.).

Академик Д.С. Лихачев усиливает это суждение: «В двадцатые годы, в годы “диктатуры пролетариата”, роль и значение интеллигенции всячески при-нижались. В лучшем случае ее представители могли считаться попугайчиками, в худшем – врагами... Год от года в стране падал уровень культуры. Самые маленькие ставки – у работников культуры» [102, с. 228]²⁵.

Но здесь для нас главное – в утверждении Д.С. Лихачева, будто при советском строе «год от года в стране падал уровень культуры». Что он под этим понимает, каковы его критерии оценки этого уровня в динамике? Превращение страны, в которой 75% населения было неграмотным, в самую читающую в мире страну – это падение или повышение уровня культуры? Для Д.С. Лихачева, судя по контексту его рассуждений, всеобщее образование несущественно, ибо оно означает изменение в жизни *массы*, а для него важна только жизнь *элиты*. Причем и в ее-то жизни упор у него делается на баланс «жалованья и унижений». Возможность для огромной массы людей приобщиться к творческой работе в качестве интеллигенции не считается у него культурной ценностью.

Таково отношение к «генетически богатой» расе интеллектуалов. А вспомним, что пишет о потерявших работу сельских жителях, уже в 2010 году, Лев Любимов, заместитель научного руководителя Высшей школы экономики – «мозгового центра» реформы: «Одно делать нужно немедленно — изымать детей из семей этих “безработных” и растить их в интернатах (которые, конечно, нужно построить), чтобы сформировать у них навыки цивилизованной жизни» [72]. Да ведь это объявление войны! Такой привет от «демократической интеллигенции» русскому крестьянству не скоро забудется.

Поток таких рассуждений омывает разум страдающих от стресса жителей России.

Отметим, что Д.С. Лихачев противопоставляет интеллигенцию советскому государству вскользь, представляя интеллигентов не как борцов, а как покорную жертву государства как антикультурной силы. К концу перестройки всякая политкорректность была отброшена. Мало того, интеллигенцию подни-

---

²⁵ Кстати, сам академик, судя по его воспоминаниям, являлся именно врагом советского строя – вполне убежденным и сознательным. И ничего, получил и профессиональное признание, и статус, и далеко не низкую ставку жалованья.

мают на уровень Давида, готового повергнуть Голиафа, причем Голиафам представляется уже не СССР, а любое российское государство. Известный политолог, близкий к власти, Г. Павловский так рассуждает о «его народе», интеллигенции:

«Русская интеллигенция вся – инакомыслящая: инженеры, поэты, жида. Её не обольстишь идеей национального (великорусского) государства... Она не вошла в новую историческую общность советских людей. И в сверхновую общность “республиканских великоруссов” едва ли поместится... Поколение-два, и мы развалим любое государство на этой земле, которое попытается вновь наступить сапогом на лицо человека.

Русский интеллигент является носителем суверенитета, который не ужился ни с одной из моделей российской государственности, разрушив их одну за другой... Великий немецкий философ Карл Ясперс прямо писал о праве меньшинства на гражданскую войну, когда власть вступает в нечестивый союз с другой частью народа – даже большинством его – пытаясь навязать самой конструкции государства неприемлемый либеральному меньшинству и направленный против него религиозный или политический образ...

Что касается моего народа – русской интеллигенции, а она такой же точно народ, как шахтеры, – ей следует избежать главной ошибки прошлой гражданской войны – блока с побеждающей силой. Не являясь самостоятельной политической силой, русская либеральная интеллигенция есть сила суверенная – ей некому передоверить свою судьбу суверенного народа» [123].

6. Поход против равенства

Идеология социального расизма, к которой примкнула группа виднейших гуманитариев и обществоведов позднего СССР, сразу сказала на политической практике. Уже в 1990 г. эксперты Горбачева строили прогноз успеха реформы на том, что основная масса ее противников – люди более пожилые и с более низким уровнем образования. Идеологическая машина сосредоточила усилия на расколе поколений и разжигании конфликта между «образованным классом» и «простонародьем». Иногда прямо говорилось, что молодые образованные когорты возьмут верх над массой и в символической, и в организационной сферах. Фактически, они разжигали холодную гражданскую войну – так

же, как разожгли этническое насилие на Кавказе.

Перед выборами 1993 г. выступил по телевидению Ю. Левада, директор ВЦИОМ. Это напоминало отчет разведчика штабу, ведущему войну против собственного народа. Хотелось ущипнуть себя за руку – ведь это интеллигент, социолог, как бы врач, ставящий диагноз обществу. Разве позволено ему участвовать в боевых действиях? Он успокаивает ведущего: непримиримых противников режима всего 20 процентов населения (30 миллионов), но вы не беспокойтесь – это люди в основном пожилые, без высшего образования, им трудно организовать. Дескать, подавить их сторонникам режима, людям молодым, энергичным и уже захватившим большие деньги, труда не составит. Какой разрыв элитарной интеллигенции с извечной моралью! Он трагичен и для народа, и для самой элиты – она саморазрушалась на глазах.

Вот что пишут ведущие социологи уже в 2005 г.: «Среди сторонников перестройки выделяются такие социально-профессиональные группы, как гуманитарная и творческая интеллигенция, студенты, мелкие и средние предприниматели, в меньшей степени инженерно-техническая интеллигенция и военнослужащие. Среди противников – в основном представители малоактивных слоев населения, малоквалифицированные, малообразованные, живущие преимущественно в сельской местности и просто пожилые люди, для которых перестройка означала разрушение их привычного мира (пенсионеры, жители сел, рабочие)» [32].

Но социологи совершают методологическую ошибку: ведь вес ответов от разных возрастных групп различен. Они пишут: «Сторонников несоциалистического пути развития больше среди молодежи, приверженцев социализма – в старших возрастных группах. Так, опрос выявил 50% сторонников несоциалистического пути в группе 18–25–летних россиян и 28% – среди опрошенных старше 60 лет. В то же время сторонников социалистического варианта в молодой возрастной группе насчитывается 19%, а в старшей группе – 77%» [32].

Надо же учесть, что «18–25–летние россияне» уже не видели советского жизнеустройства, а вся идеологическая машина с рождения создает в их сознании негативный образ советского строя. С другой стороны, те, кому было во время перестройки 40 лет, могут сравнивать оба типа общественного бытия. Их мнение основано на эмпирическом знании. Но большинству из них (77%) не дают трибуны для диалога с «детьми», а сообщество обществоведов не бе-

рет на себя функцию передачи объективного знания молодому поколению.

Рассмотрим важную сторону перестройки и реформы: *разрушение трудовой мотивации и внедрение в массовое сознание неудовлетворенных потребностей*. Успешная реализация этих проектов была важной предпосылкой для проведения и экономической реформы (прежде всего, приватизации), и ликвидации СССР, и демонтажа советской социальной системы. В дальнейшем, однако, оказалось, что массовое сознание при такой обработке было настолько деформировано, что декларированные реформаторами планы построения на пепелище советской системы нового общества («цивилизованного рынка») стали нереализуемы. Разумеется, не только по этой причине, но и она очень существенна.

Вот что обнаружили, в первом случае, исследователи Института социологии АН СССР и вот какие идеологические выводы они сделали из своих эмпирических результатов.

Социологические исследования отношения советских людей к их доходам и уровню потребления выявили два свойства – *непритязательность* и *солидарность (уравнительность)*. Наряду с трудовой мотивацией оба эти качества массовой культуры могли бы послужить огромным социальным ресурсом в большой программе модернизации экономики. Но они были целенаправленно разрушены.

Конкретно социологи обнаружили в 1987 г., что советские люди в целом *удовлетворены* своим достатком и оплатой труда. Формально распределение мнений было таким: «Среднестатистический работник, попавший в выборку, на момент опроса получал 165 руб. на руки... Отличными назвали свои заработки всего 4% опрошенных работников, которые получают в среднем в месяц 217,5 руб. ... 30% работников оценили размеры вознаграждения за свой труд как “хорошие”. Среднеарифметическая сумма заработков в этой группе составил 191 руб. ... Удовлетворительную оценку размерам получаемых за свой труд сумм выставила самая многочисленная группа – 46% опрошенных, чей средний заработок составил 159,5 руб... Плохими назвали размеры своих заработков 15% опрошенных, которые получают в среднем 129,8 руб. в месяц» [73, с. 56].

Конечно, большинство людей считает, что следовало бы им зарплату прибавить. Но что замечательно – чем выше уровень зарплаты в категории работ-

ников, тем *меньшую* надбавку для себя они считали справедливой! Социологи приводят такую зависимость: «Работники, получающие менее 120 руб. в месяц, полагают, что им следовало бы платить за их труд на 50-60% больше. Те, кто получает на руки от 120 до 200 руб., оценивают свой труд чуть более чем на треть дороже. При заработках порядка 200-300 руб. устроило бы повышение зарплаты на четверть или чуть больше. Те, кто получает свыше 300 руб. в месяц, ценят свой труд всего на 15% дороже. Легко видеть, что внедрение в жизнь результатов такой “самоаттестации” привело бы к сокращению разрыва в уровне оплаты труда» [73, с. 57].

Это отсутствие невротической озабоченности уровнем дохода – ценное социальное достижение, оно говорило о спокойствии людей, о связности и устойчивости общества. Это именно то, что следовало бы считать *человеческим потенциалом*, который сам падал в руки реформаторам. И как же они его оценили? Вот толкование полученных результатов социологами:

«Идеология “социальной консолидации” на основе мнимой общности интересов дала свои плоды... Атмосфера благодушия, удовлетворенности достигнутым по сути дела означала торжество так называемой “психологии середняка”... В повседневной жизни, в неформальном общении употребляется расхожее выражение: “Все в норме”. “Нормальное состояние”, “нормальные отношения”, – так принято говорить о коллективе, семье, группах общения. В подобного рода нормативных представлениях содержатся оценочные показатели относительного равновесия, сбалансированности отношений, бесконфликтности. И наоборот, возникновение конфликтов, противоречий оценивается как нарушение равновесия, благополучия, т.е. как ненормальное состояние» [73, с. 55, 57].

Авторы книги без всяких разумных доводов объявляют спокойные, равновесные отношения членов благополучного общества «мнимой общностью интересов». Так жить нельзя! Надо нарушить «атмосферу благодушия» мирных жителей! И группа социологов (в их числе академик С.С. Шаталин) рассчитала в 1987 г. «значение оптимума материальной обеспеченности; его денежное выражение соответствует душевому доходу 220-235 руб. в месяц». Рассчитала – это, надо понимать, высосала из пальца, исходя из представлений узкого круга академиков и профессоров.

И заработала идеологическая машина реформаторов. Социологи пишут:

«Таким образом, для большинства людей норматив разумности лежит значительно ниже теоретически выведенного оптимума» [73, с. 59].

«Исследователи» уверовали в чисто идеологический постулат, а потом под него подгоняют наблюдаемую реальность. Ни исторических условий, в которых вырабатывался «норматив разумности» массового сознания, ни реальных ограничений, в рамках которых здраво рассуждали в то время советские люди, социологи из АН СССР знать не знали и ведать не хотели. Они уверены в своей концепции, которой придали статус самостоятельной сущности: «Возможность значительной дифференциации в оплате в зависимости от трудового вклада приносится в жертву беспринципной, зато бесконфликтной уравниловке. Об этом свидетельствует также медленное, а местами драматическое внедрение индивидуальной и кооперативной трудовой деятельности, арендного подряда. Старые социальные нормы противятся утверждению новых норм. Идеологические меры к преодолению этих неблагоприятных тенденций видятся... в повышении престижа благ и услуг, способствующих всестороннему развитию личности» [73, с. 60].

Какая самонадеянность! Свои сомнительные доктрины они называют «теорией», а прошедшие длительный отбор в ходе реальной народной жизни культурные нормы – неглубокими и стихийными. С этими «теориями» СССР и потерпел катастрофу.

В ходе опросов было подтверждено наличие в массовом сознании сильной трудовой мотивации. Социологи пишут: «По данным повторного Всесоюзного исследования образа жизни (1987 г.), для всех без исключения категорий населения ценность труда несомненна. Так, выбирая три важнейших для себя стороны жизни, 44% опрошенных упомянули интересную работу (чаще отмечались лишь супружеское счастье и воспитание детей). 3/4 опрошенных в качестве важнейшего средства достижения успеха, благополучия в жизни отметили трудолюбие, добросовестное отношение к делу» [73, с. 54].

Как же оценивают близкие к власти социологи эту укорененную в массовом сознании культурную норму? Как *порок* общественного сознания! Они трактуют ее как «догматическое понимание места труда в системе социалистического образа жизни» – опираясь следующую на цитату А.Н. Яковлева из журнала «Коммунист»: «В общественное сознание и практику оказался внедренным постулат: дескать, отсутствие частной собственности и даже просто

государственный план предопределяют, что всякий труд (полезный – вредный; безупречный – халтурный) является непосредственно общественным, необходимым» [74].

Представьте: социологи из АН СССР, образованные люди, приняли эту примитивную тираду за непререкаемую истину. Но ведь он сказал просто *глупость*, здесь для нас даже не важно, что она к тому же и злобная. Подумали бы сами – при чем здесь частная собственность, государственный план? Разве крестьянин в XVIII веке не считал труд «непосредственно общественным, необходимым»? Разве песню «Дубинушка» братья Покрасс написали? Труд в России, как и во всех незападных обществах (да и в большей части Запада), имеет *литургический* смысл. *Arare est orare! Пахать значит молиться!* Вот на что замахнулись социологи, пошедшие за А.Н. Яковлевым, а за ними потянулась и прочая восторженная интеллигенция.

И вот как развивают эти социологи свою оценку укорененного в сознании отношения к труду: «Этот порочный вывод – следствие непонимания того факта, что отмена капиталистической частной собственности не приводит автоматически к торжеству общенародной социалистической собственности и связанных с ней социалистических общественных отношений. Он призван затушевать отчуждение труда, разрыв между интересами бюрократии и трудящихся масс, скрыть существование двух противостоящих друг другу социальных норм. И эта догма будет долго выступать одним из главных препятствий на пути перестройки, поскольку она глубоко внедрилась во все компоненты общественного сознания» [73, с. 54].

Как это все поверхностно и занудливо – собственность, отчуждение, бюрократия... Насколько глубже и шире смотрели тогда на этот вопрос сами «опрошенные». Но результат известен: разделение народа стало привычным фактом – разведенные реформой части общества уже осознали наличие между ними пропасти. Фундаментальный «системный» раскол прошел по экономическим, социальным и мировоззренческим основаниям – раскол на *бедных* и *богатых*.

Идеологическая кампания по дискредитации промышленных рабочих привела к их деморализации и полной недееспособности в момент приватизации. Сразу резко изменился социальный статус рабочих и образ жизни.

Большая часть их прошла через тяжелый период безработицы²⁶.

Академик М.К. Горшков пишет: «Ситуация с человеческим капиталом работников, занятых в российской экономике, характеризуемая тем, что большая их часть находится в положении либо частичной деqualификации, либо общей деградации, может рассматриваться как крайне опасная с точки зрения перспектив модернизации России. Тревожными тенденциями выступают также постепенная люмпенизация рабочих низкой квалификации, массовый уход молодежи в торговлю при игнорировании индустриального сектора, равно как и практическое отсутствие у большинства молодых людей шансов (куда бы они ни шли работать) на изменение их жизни и профессиональных траекторий» [75].

Эта тенденция набрала инерцию, и переломить ее будет трудно. Дискредитирована сама профессия промышленного рабочего – вот удар по основному производству России. Травма привела к резкому снижению ценности труда в сознании рабочих.

И вот еще важное наблюдение: «Произошло практически полное отчуждение рабочих от участия в управлении на уровне предприятий, выключение из общественно-политической жизни в масштабах общества... Российские работодатели демонстрировали буквально иррациональную нетерпимость к участию рабочих в управлении. В ответ, вместо сопротивления ограничениям, рабочие стали практиковать «избавление от акций»... По данным нашего опроса, почти половина рабочих прошла через моральные унижения в различных формах.

Таким образом, реформенные преобразования оказали глубокое и разностороннее, как правило, отрицательное воздействие на положение рабочих. П. Штомпка изменения в их положении, социальном статусе охарактеризовал как социальную травму. Происходит “разрушение статуса социальной группы”» [76].

Надо подчеркнуть, что во время перестройки и реформы в России наблюдалось явление, немислимое в современном и тем более демократическом обществе – *пропаганда безработицы* ведущими гуманитариями страны. Право

---

²⁶ «Прошли через статус незанятого с 1992 г. по 1998 г. примерно по 10 млн. каждый год и всего более 60 млн. человек; из них рабочие составляли около 67%, т. е. более 40 млн. человек» [77].

на рабочее место («от каждого – по способности») было одним из главных устоев советской социальной системы.

Одним из первых кампанию за безработицу начал Н.П. Шмелев. Он писал в 1987 г.: «Не будем закрывать глаза и на экономический вред от нашей паразитической уверенности в гарантированной работе. То, что разболтанностью, пьянством, бракоделством мы во многом обязаны чрезмерно полной (!) занятости, сегодня, кажется, ясно всем. Надо бесстрашно и по-деловому обсудить, что нам может дать сравнительно небольшая резервная армия труда, не оставляемая, конечно, государством полностью на произвол судьбы... Реальная опасность потерять работу, перейти на временное пособие или быть обязанным трудиться там, куда пошлют, — очень неплохое лекарство от лени, пьянства, безответственности» [78]²⁷.

Т.И. Заславская писала в важной статье (1989 г.) – более гуманно, но с цифрами в руках: «По оценкам специалистов, доля избыточных (т.е. фактически не нужных) работников составляет около 15%, освобождение же от них позволяет поднять производительность труда на 20-25%. Из сопоставления этих цифр видно, что лишняя рабочая сила не только не приносит хозяйству пользы, но и наносит ему прямой вред. ... По оценкам экспертов, общая численность работников, которым предстоит увольнение с занимаемых ныне мест, составит 15-16 млн. человек, т.е. громадную армию... Негативные последствия существования резервной армии труда могут быть компенсированы соответствующими социальными гарантиями, как это делается в развитых капиталистических странах...

Система, при которой люди, увольняемые со своих предприятий, испытывали бы некоторые трудности с нахождением новой работы, должны были... менять профессии, переходить на более низкие должности или худшие рабочие места, была бы в этом плане более эффективной. Она ставила бы работников в более жесткие экономические и социальные условия, требовала от них более качественного труда. Лично мне ближе последняя точка зрения, но общественное сознание не подготовлено к ее восприятию. По данным опроса, 58% людей считают, что безработица в СССР недопустима, ... мнение о том,

²⁷ До этого вопрос о необходимости безработицы туманно ставил академик С. Шаталин («Коммунист», 1986, № 14), на которого и ссылается Н. Шмелев. Он говорил о переходе от «просто полной занятости к социально и экономически эффективной, рациональной полной занятости».

что безработица необходима для более эффективного хозяйствования, поддерживает всего 13%» [60 с. 230-232].

Как мы не раз могли убедиться, мнение большинства для российских демократов несущественно, они безработицу сразу сделали реальностью. Но какова была аргументация! «Освобождение» от 15% ненужных работников, по расчетам «специалистов», поднимает (предположительно!) производительность труда на 20%. Нетрудно видеть, что объем производства при этом возрастает на 2%. И из-за этого невиданного прогресса социолог (!) предлагает превратить 15-16 миллионов человек в безработных! И из-за этого ничтожного прироста социолог предлагает превратить 15-16 миллионов человек в безработных! Выгода от рекомендации академика *несоизмеримо* меньше неизбежных потерь.

Чуть позже Н.П. Шмелев, закусив удила, придает предложению Т.И. Заславской *тотальный* характер. Он пишет в 1995 году: «Сегодня в нашей промышленности 1/3 рабочей силы является излишней по нашим же техническим нормам, а в ряде отраслей, городов и районов все занятые – излишни абсолютно» [79].

Вдумаемся в эти слова: «в ряде отраслей, городов и районов все занятые – излишни абсолютно». Как это понимать? Что значит «в этой отрасли *все занятые – излишни абсолютно*»? Что значит «быть излишним абсолютно»? Что это за отрасль? А ведь Шмелев утверждает, что таких отраслей в России не одна, а целый ряд. А что значит «в городе N* все занятые – излишни абсолютно»? Что это за города и районы?

Все это печатается в социологическом журнале Российской Академии наук! И ведь эта мысль о лишних работниках России очень устойчива. В 2003 г. Шмелев написал: «Если бы сейчас экономика развивалась по-коммерчески жестко, без оглядки на социальные потрясения, нам бы пришлось высвободить треть страны. И это при том, что у нас и сейчас уже 12-13% безработных. Тут мы впереди Европы. Добавьте к этому, что заводы-гиганты ближайшие несколько десятилетий обречены выплескивать рабочих, поскольку не могут справиться с этим огромным количеством лишних» [97].

Какие «заводы-гиганты» увидел Шмелев в 2003 году, какое там «огромное количество лишних», которых якобы заводы «обречены выплескивать ближайшие несколько десятилетий»? Академик-экономист может говорить та-

кие безответственные вещи, и продолжает входить в число высших авторитетов российской экономической науки. Как тут не быть кризису!

7. Стреляли в коммунизм, а попали в Россию

Такое было оправдание у наших философов, когда стало очевидно, что под ненавистью к СССР у многих из них таилась еще более жгучая антипатия к исторической России вообще. Самым непримиримым из высшего эшелона был, видимо, А.Н. Яковлев. У него почти всякое обвинение в адрес СССР сопровождалось подтверждением историей.

Вот, коснулся вопрос частной собственности, и академик А.Н. Яковлев пишет: «На Руси никогда не было нормальной частной собственности, и поэтому здесь всегда правили люди, а не законы... Только частная собственность через действие закона стоимости и конкуренции непрерывно повышает производительность труда и создает материальные блага в изобилии. Частная собственность – первооснова автономии личности, ее обогащения – интеллектуального и материального и т.п.» [44, с. 24].

В этом компоте из обрывков марксизма и либеральных мифов нет ни одного связного и разумного утверждения. Что значит «на Руси правили люди, а не законы»? В США законы Святой дух в виде голубя в Конгресс приносит – или люди их пишут? Что значит «частная собственность создает материальные блага»? Теория стоимости еще у Локка была *трудо*вой, так что материальные блага создает не собственность, а *труд*. А изобилие этих благ у части общества определяется тем, что частная собственность позволяет диктовать способ *распределения*.

Мысль, будто «только частная собственность повышает производительность труда», фантастична. Неужели академик РАН по Отделению экономики Яковлев всерьез считает, что за двадцать тысяч лет истории цивилизации, которые предшествовали возникновению частной собственности, производительность труда людей не повышалась? Мы знаем о *скачкообразных* повышениях производительности труда (революциях), которые оказали на судьбу человечества гораздо более фундаментальное влияние, чем изобретение компьютера – приручение лошади и верблюда, выведение культурных растений и переход к земледелию, изобретение хомута и использование лошади на пахо-

те. Частной собственности при этом еще и в помине не было. Столь же странно утверждение, будто «частная собственность – первооснова автономии личности». Когда, по мнению Яковлева, появились на Земле личности – только в ходе буржуазных революций?

И какая во всем этом гимне частной собственности скрыта русофобия! В России частной собственности никогда не было, значит, и автономных личностей не было – не было для них на Руси первоосновы. Об интеллектуальном богатстве и речи быть не может.

Во время перестройки вдруг встал вопрос о цивилизационной идентичности России. В советское время нажимали на формационный подход, и официально было заявлено, что у нас социализм. В общем, знали, что Россия-Евразия сложилась как цивилизация, почитывали и Данилевского, и Тойнби, и Шпенглера, да и на Западе после 1812 года с этим особенно не спорили. По этой проблеме озабоченности в общественном сознании не было.

И вдруг нам объявили, а потом стали трещать каждый день, что России из-за большевиков отклонилась от «столбовой дороги цивилизации», и перед нами стоит трудная задача на эту дорогу вернуться – и тогда нас примут в «наш общий европейский дом». Но, конечно, придется пострадать, билет туда недешев.

Среди идеологов антисоветского проекта бытовали три версии в отношении цивилизационного статуса России. Первая из них гласила, что Россия не является ни самостоятельной цивилизацией, ни частью иной большой цивилизации, она давным-давно выпала из мирового цивилизационного развития и осталась в состоянии *варварства*.

Эту мысль проводил А.Н. Яковлев. Он писал: «На Руси никогда не было нормальной, вольной частной собственности... Частная собственность — материя и дух цивилизации».

Никогда не было... Значит, речь идет не о «большевиках». А.Н. Яковлев представлял реформу как «Реформацию России» – попытку политическими средствами превратить ее в *цивилизованное* общество. Не было никогда в России «материи и духа цивилизации» – а теперь будет! Посредством приватизации. При этом речь здесь уже не шла о выпадении из цивилизации на период советского строя, а именно о том, что «духа цивилизации» здесь не было *никогда*.

А.Н. Яковлев, ратуя перед выборами в июне 1996 г. за Ельцина, обратился к интеллигенции: «Впервые за тысячелетие взялись за демократические преобразования. Ломаются вековые привычки, поползла земная твердь» [84]. Что поползла, мы и сами замечаем. Важно, что «архитектор перестройки» открыто признал: объект уничтожения – вовсе не коммунизм, не краткий миг советской власти. Рушат *тысячелетнюю Россию*. Народ не просто ввергают в бедность – из-под ног выбивают земную твердь.

Философ В.М. Межуев писал в важной книге перестройки («Освобождение духа»): «Согласование нашей культурной традиции с тем цивилизационным путем развития общества, на который мы все-таки должны вступить, но пока еще никак вступить не можем, и есть, видимо, та главная проблема, которая сегодня встала перед нами в своем полном объеме и во всей своей сложности...»

Современная цивилизация опирается на традиции, идущие, как известно, от европейской средневековой “бюргерской” (городской) культуры с ее цеховой автономией ремесел, торговли, финансов, образования, науки, постепенно отделившейся от традиционной культуры земледельческих обществ с их натуральным хозяйством, патриархальным образом жизни, государственным патернализмом и обособленной духовной жизнью господствующих слоев общества... Мышление, психология товарного производителя – нечто совсем иное, чем мышление крестьянина, занятого натуральным производством. Одно дело видеть в хлебе – каравай, в корове – Зорьку, в козе – Машку; совсем другое – видеть в них и стоймость, измеряемую денежными знаками... И такое меркантильное, прагматическое, расчетливое отношение к земле намного полезнее для той же земли, чем простое чувство естественной сращенности с ней, якобы генетически врожденное каждому крестьянину...

Становление современной – торгово-промышленной, городской – цивилизации от ее первых шагов и до нашего времени происходило не только в контакте, но и в определенном конфликте с традиционной культурой земледельческого общества – культурой преимущественно крестьянской, или народной» [80].

Это – представление, проникнутое евроцентризмом²⁸. Но здесь оно авто-

---

²⁸ Вера в то, что есть одна правильная цивилизация (Запад), уже преодолена и на самом Западе, хотя и применяется в идеологических целях. У К. Ле-

ритетом науки оправдывает конфликт элиты, рвущейся в цивилизацию, с нашей культурой «преимущественно крестьянской, или народной».

Вторая версия состояла в том, что Россия представляет собой цивилизацию, но изначально антигуманную и тоталитарную. Советник Ельцина философ А.И. Ракитов так излагал «особые нормы и стандарты, лежащие в основе российской цивилизации»: «Ложь, клевета, преступление и т.д. оправданны и нравственны, если они подчинены сверхзадаче государства, т.е. укреплению военного могущества и расширению территории». Он радовался уничтожению СССР: «Самая большая, самая жестокая империя в истории человечества распадается».

А.И. Ракитов подчеркивает, что патологическая жестокость якобы была изначально присущим, качеством государства России: «Надо говорить не об отсутствии цивилизации, не о несправии, не об отсутствии правосознания, не о незаконности репрессивного механизма во времена Грозного, Петра, Николая I или Сталина, но о том, что сами законы были репрессивными, что конституции были античеловечными, что нормы, эталоны, правила и стандарты деятельности фундаментально отличались от своих аналогов в других современных европейских цивилизациях» [82].

В этой версии реформа видится не как переход из варварства в цивилизацию, а как смена типа цивилизации, «вступление в Запад». Один из «прорабов перестройки» И.М. Клямкин утверждал: «Россия может сохраниться, только

ви-Стросса, виднейшего ученого XX века читаем: «Не может быть мировой цивилизации в том абсолютном смысле, который часто придается этому выражению, поскольку цивилизация предполагает сосуществование культур, которые обнаруживают огромное разнообразие; можно даже сказать, что цивилизация и заключается в этом сосуществовании. Мировая цивилизация не могла бы быть ничем иным, кроме как коалицией, в мировом масштабе, культур, каждая из которых сохраняла бы свою оригинальность... Священная обязанность человечества - охранять себя от слепого партикуляризма, склонного приписывать статус человечества одной расе, культуре или обществу, и никогда не забывать, что никакая часть человечества не обладает формулами, приложимыми к целому, и что человечество, погруженное в единый образ жизни, немислимо» [81].

став частью западной цивилизации, только сменив цивилизационный код».

А.И. Ракитов говорил жестко и откровенно: «Трансформация российского рынка, основанного на низких технологиях и вялотекущих экономических процессах, малоинициативных предпринимателях и купцах..., отсутствии серьезной капиталистической этики и свободы предпринимательства, в рынок современного капитализма требовала новой цивилизации, новой общественной организации, а следовательно, и радикальных изменений в ядре нашей культуры» [81].

Большевики, согласно Ракитову, прервали процесс европеизации, не дали «радикально изменить нашу цивилизацию», преодолеть «невыносимо родной отечественный деспотизм» – и только сегодня такая возможность культуртрегерам представилась.

Ракитов хотя бы признает, что какая-никакая, но цивилизация в России все-таки была, он сетует на то, что перед ним не чистая доска, а цивилизация: «Было бы очень просто, если бы переход к этой цивилизации и этому рынку осуществлялся в чистом поле. Ведь переход от нецивилизованного общества к цивилизованному куда проще, чем смена цивилизаций. Последнее требует иного менталитета, иного права, иного поведения, требует замены деспотизма демократией, раба – свободным производителем и предпринимателем, биологического индивида – индивидом социальным и правовым, т.е. личностью. Подобные радикальные изменения невозможны без революции в самосознании, глубинных трансформаций в ядре культуры» [81].

Третья версия, самая мягкая, сводилась к тому, что Россия была и есть часть Запада. Она лишь слегка отклонилась от «столбовой дороги» из-за советского эксперимента, и теперь надо прилежно учиться у Запада, чтобы наверстать упущенное за 70 лет.

Эта версия была сформулирована уже в 60-е годы, во время «оттепели». П. Вайль и А. Генис показывают это в книге «60-е. Мир советского человека», где описаны умонастроения «кухонь» интеллигентской богемы, чьим идеологом и пророком стал И. Эренбург (его они уподобляют апостолу Павлу): «Спор об отношении к западному влиянию стал войной за ценности мировой цивилизации. Эренбург страстно доказывал, что русские не хуже и не лучше Запада – просто потому, что русские и есть Запад».

В совокупности все три версии с конца 80-х годов господствуют в «гума-

нитарном» дискурсе и постоянно подпитываются заявлениями авторитетных интеллектуалов. Они служат важным оправданием уничтожения СССР как «империи зла». И нас не должно удивлять, что в цивилизационной войне против России в конце XX века объединяются антикоммунисты и люди, «возвращенные» КПСС, вроде Горбачева и Яковлева.

Хорошей иллюстрацией служит деятельность в конце 90-х годов независимого теоретического семинара «Социокультурная методология анализа российского общества» под руководством А.С. Ахизера. На его заседаниях в Москве собирались видные гуманитарии, в том числе из-за границы. Здесь заслушивались концептуальные доклады о России в понятиях цивилизационного подхода.

Вот, на семинаре № 16 (17 декабря 1997 года) был заслушан доклад культуролога А.А. Трошина «Теоретические основы деструкции в обществе (на материале истории России XIX века)»²⁹. Приведем выдержки, из которых складывается у него образ России как цивилизации:

«До начала XVII века основной формой поведения русских мужчин был гомосексуализм как гендерная норма... В России с XII века по XVI век известны массовые психопатии гомосексуального толка, когда женское население вырезалось полностью. Это особенно характерно для верхнего и среднего Поволжья».

И этот бред благосклонно слушают 27 человек из российского и эмигрантского гуманитарного истеблишмента. Где докладчик взял статистику «гомосексуализма русских мужчин» в XII веке? Ведь еще не было русских мужчин, а были вятичи да кривичи. И уж тем более не было статистики. Кому «известно», что с XII века по XVI век для верхнего и среднего Поволжья было «особенно характерно», что на почве гомосексуализма «женское население вырезалось полностью»?

Тема гомосексуализма проходит в докладе о России красной нитью: «По свидетельству иностранцев, на льду Москвы-реки одновременно горело по несколько сот костров, на которых сжигали гомосексуалистов». Наконец-то хоть один надежный источник указан – «по свидетельству иностранцев». Можно было бы даже дать ссылку на отчет уважаемого иностранца, правда, не о Москве и гомосексуалистах, а о самом европейском в России городе Петер-

---

²⁹ Доклад легко найти в Интернете.

бурге и крещении детей: «В праздник Богоявления на льду Невы перед Зимним дворцом строят Иордань, где пьяный поп крестит детей, окуная их в прорубь. Уронив случайно младенца в воду, он говорит родителям: “Другого!”».

Вот еще: «Русское общество основывалось на наркомании... Н.Н. Реформатский описывает случаи стопроцентного поражения жителей спорыньей». Что значит «русское общество основывалось на...»? Что значит «стопроцентное поражение жителей спорыньей»? И это – элитарный теоретический семинар «по методологии анализа российского общества»...

Следующий мазок в портрет России: «По мнению специалиста по психопатиям П.И. Якобия, единственного, кто попытался написать антропологическую историю России, каждый год более половины населения было охвачено теми или иными формами массовых психопатий». Сидят российские и английские профессора, кивают. На неряшливое выражение «специалиста по психопатиям» ссылаются, как на научный факт. Да «теми или иными формами массовых психопатий» всегда и везде «охвачено» все население любой страны. Разговор ведется в понятиях неопределимых и о явлениях неизмеримых. Какое убожество в уровне рассуждений!

Вот еще открытие: «Оказывается, что многодетные семьи в русской деревне – это миф. В течение XIX века фактический прирост населения происходил только за счет миграции. Численность коренного населения снижалась за счет того, что при огромной рождаемости детская смертность была еще большей, а также за счет массовых психопатий». Как можно всерьез принимать такие вещи? И это слушают, развесив уши, культурологи и социологи. Вот где маразм, а не в «русской деревне».

Докладчик делает экскурс в этнологию: «...в XVII веке, когда весь великорусский этнос сменился полностью. Он не исчез биологически, но культурное наследие прервалось». Что значит «этнос сменился полностью»? Это утверждение просто нелепо. Что значит «культурное наследие прервалось»? Великорусский этнос забыл русский язык? Русские люди забыли, как креститься и куда совать ложку?

Дальше следует социальный срез русской культуры: «Когда кора не работает физиологически, то работает подкорка [у крестьян]. Когда вербальные конструкции не действуют, начинается эмоциональное детерминирование. Почему наша ученая молодежь, студенчество, в особенности физики, так воспри-

имчивы к сектантству? Потому что у них нормальный человеческий функционирующий мозг. ... Поэтому здесь прямая аналогия: ученые и наши крестьяне».

Не будем придираться к смыслу, взглянем на логику. У крестьян «кора не работает физиологически». Допустим. У ученых («особенно физиков») – «нормальный человеческий функционирующий мозг». Допустим. Но как получается «поэтому здесь прямая аналогия: ученые и наши крестьяне»?

Кому-то все это покажется постмодернистской клоунадой кружка «играющих в бисер». Но в действительности А.С. Ахиезер с его «теорией России» несколько лет задавал тон в элитарном гуманитарном сообществе, а члены его «кружка» и до сих пор ведут семинары на «цивилизационные» темы.

Мысль об изуверской сущности российской цивилизации и сейчас устойчиво воспроизводится в значительной части гуманитарной элиты (и, следовательно, благосклонно воспринимается остальной ее частью). Поскольку в открытой форме она высказывается уже более двадцати лет, ее надо считать выношенной, продуманной установкой – перестройка и реформа лишь дали ей трибуну. Эта мысль развивается – она теперь прямо основывается на концепции прирожденных (примордиальных) дефектов национального сознания русских, которые не устраняются ни при каких социальных и политических изменениях. Это почти биологическое свойство русского народа.

В прениях по этому докладу И.Гр. Яковенко (профессор Российского государственного гуманитарного университета) дает такое определение России как цивилизации: «Мы имеем дело с архаической, периферийной цивилизацией, в которой имеет место языческо-христианский синкретизм, причем языческое, как оказывается, доминирует, а христианское является лишь оформлением... Катастрофа не является чисто негативным явлением. Она оказывается фактором мобилизующим, она мобилизует общество и на какие-то мутации, и на какие-то осмысленные изменения, и кроме того, катастрофа позволяет поднять энергетический порог и перейти потенциальный барьер, который закрывает системообразующие структуры общества от случайных изменений. Чем мощнее катастрофа, тем больше шансов на изменение глубинных, традиционных оснований культуры и общества».

Странно, что идеологи катастрофы СССР с таким пафосом обсуждают проблему цивилизационных процессов в России с XII века. Хотят забыть, что

натворили вчера? И эта их активность не прекращается поныне.

Вот, с надрывом выступает А.М. Ципко: «Результаты интернет-выборов главного имени России заставляют еще раз и всерьез задуматься о состоянии духа и ценностей современной, во многом новой российской нации, и прежде всего – о состоянии духа тех, кого до 1917 года называли великороссами. Вопреки всем прекраснотушным ожиданиям перестройки свобода от коммунизма не дала ни углубления моральных чувств, ни воскрешения духовных сил народа. ... В новой России, как и в старой, дореволюционной, дает о себе знать традиционное для нас равнодушие, безразличие к моральным качествам личности. ... И здесь я задаю себе самый главный, страшный вопрос, на который уже долгие годы сам ищущу ответ. Почему мы, русские, такие, почему нам своих не жалко?.. Если бы у нас было по-другому, если бы мы любили друг друга, то у нас никогда бы не победили большевики с их идеей классовой ненависти. Это уже писал Антон Деникин... Очевидно, что у русских как у самого многочисленного народа РФ нет до сих пор даже чего-то сравнимого с еврейской заботой о сохранении своего народа... Традиция обожествлять вождей идет от старых, царистских настроений, от чувства раба. Кстати, в моей родной Одессе сталинисты даже во времена Сталина были редкостью, ибо одесситы от рождения ощущают себя свободными людьми» [83].

Как мучает одессита, уже в роддоме ощущавшего себя свободным человеком, «самый главный, страшный вопрос». Ну что это за народ – русские: какую им свободу не давай, нет «ни углубления моральных чувств, ни воскрешения духовных сил». И в «новой России», и в советской, и в «старой дореволюционной» – одна и та же традиционная патология. Все это «от старых, царистских настроений, от чувства раба» [83].

Все это – не импульсивные всплески эмоций обиженных на Россию «просветителей». Это нормальная регулярная идеологическая работа весьма уже уставших людей на жалованье. Цель ее – размыть у читающей публики и телезрителей уверенность в праве России на существование как самобытной цивилизации.

Их печалит, что за последние тридцать лет не произошло слома тех устоев русской культуры, для которых пробным камнем был Запад как иная цивилизация, относительно которой люди осознают свою культурную идентичность. В декабре 2006 года Аналитический центр Ю. Левады провел большой

опрос на тему «Россия и Запад». На вопрос «Является ли Россия частью западной цивилизации?» положительно ответили 15%. Большинство, 70% опрошенных, выбрали ответ «Россия принадлежит особой (“евразийской” или “православно-славянской”) цивилизации, и поэтому западный путь развития ей не подходит». Затруднились ответить 15%.

Таким образом, приписать Россию к западной цивилизации и поныне невозможно, потому что подавляющее большинство ее населения считает себя принадлежащим к особой цивилизации и не подавало заявления на «вступление в Запад». Но нет надежды, что наши «западники» смирятся с такой позицией большинства. Они считают эту позицию комплексом неполноценности. Определенно высказался на Российско-немецком форуме (Москва, 3 декабря 2008 г.) социолог Л. Гудков (директор «Левада-центра», бывшего ВЦИОМа): «Тютчев очень точно сформулировал один из центральных комплексов российской идентичности, реально работающих и сегодня. Смысловым фоном для такого суждения оказывается ясное и одновременно крайне болезненное сознание не просто отсталости России или ее варварской, с точки зрения европейцев, патриархально-самодержавной государственной и общественной конституции, но и неосновательность каких-либо надежд на процессы ее цивилизации в обозримом будущем».

Пока что у «западников» сила, деньги и машина пропаганды – значит, конфликт будет тлеть.

8. Подрыв советского хозяйства

Считается, что центр тяжести начатых в конце 1980-х годов реформ – реформа народного хозяйства России. Точно оценить вес каждого среза система реформ трудно, но во всяком случае, преобразование экономики привлекло наибольшее внимание общества. Это понятно – любое изменение в экономике сразу отражается в социальной плоскости, а затем и в этнической. Соответственно, на экономику были направлены и основные усилия идеологической команды. На время кумирами публики стали экономисты.

Писатель В. Лакшин, тогда главный редактор журнала «Иностранная литература», пишет об этой поддержке как о важном и редкостном явлении

культуры: «Вторая сторона [первая сторона этого необычного состояния – «журнальный бум», *С.К-М*] состояла в поразительном успехе экономистов. На заре перестройки читали ученых-социологов, аграрников и т.п., начиная со Шмелева, Лисичкина, Селюнина и т.д... Была иллюзия, что ученые не ошибутся и не соврут, потому что экономика – точная наука, подобно математике. Экономисты были популярны, как эстрадные «звезды», как Валерий Леонтьев или Алла Пугачева. Помню, как Н. Шмелева приветствовал на читательской конференции зал: чуть ли не вставали, засыпали цветами» [86].

Кого граждане засыпали цветами? Номенклатурных экономистов, которые до этого были совершенно несостоятельны в своей миссии изучения и объяснения народного хозяйства своей страны! На втором этапе перестройки они вместе с коррумпированной частью номенклатуры приступили к разрушению национальной экономики, и, пренебрегая своей обязанностью предупредить общество о грядущих последствиях, повели себя как соблазнитель и обманщики. Ведь уже в середине 90-х годов, когда в реформе была достигнута желанная необратимость, они с откровенным глумлением говорили, что всегда знали, к каким бедственным последствиям приведет эта реформа.

Первое направление в подготовке к главным действиям реформы (разделения общего достояние СССР, приватизации промышленности, ликвидации колхозно-совхозного строя на селе) заключалось в дискредитации советского типа хозяйства посредством теоретических, весьма туманных рассуждений. Началось с обвинения советского хозяйства в огосударствлении.

В.В. Радаев и О.И. Шкаратан писали: «Этакратизм не обязательно следует за капитализмом и не стоит выше него на лестнице общественного процесса. В самом деле, этот строй не дал более развитых по сравнению с капитализмом производительных сил, не обеспечил населению более высокого уровня материального благосостояния, не ликвидировал наемного характера рабочей силы, не поднял человека на действительно новую духовную высоту. В нем есть свои эксплуататоры и эксплуатируемые, своя система норм и ценностей, свои представления о социальной справедливости свои экономические законы. Мы выбрали в качестве общего образца Советский Союз, ибо его можно признать классическим вариантом...

Даже при неглубоком рассмотрении экономических отношений этакратизма сразу бросается в глаза их нерациональность. Экономическая деятель-

ность практически на всех уровнях предстает как цепь неэффективных решений — навязываются заранее несбалансированные планы и подавляются проблески живой инициативы работников, растрачиваются дорогие, чрезвычайно дефицитные ресурсы и возводятся гигантские, никому не нужные объекты, ведется всеобщая битва за урожай, после которой готовому продукту позволяют преспокойно догнивать на складах» [29].

Сейчас, сравнивая советское хозяйство с той экономикой, что экономисты-реформаторы сконструировали «выше него на лестнице общественного процесса», эти тирады выглядят как наглая ложь или несусветная глупость. Как будто история издевается над этими интеллектуалами.

Скажем прямо, вся эта рать ставших вдруг антисоветскими экономистов и социологов выполняла позорную роль дымовой завесы реальных сил, которых нисколько не интересовали теории и всякие капитализмы-социализмы с этакратизмами. Их конкретная и ограниченная цель заключалась в захвате огромных богатств, созданных за 70 лет советским народом. Но здесь мы остаемся именно на дымовой завесе, поскольку «сознание определяет бытие». Надо туман хоть немного развеять, а то разденут до нитки.

Реальные силы (альянс коррумпированной части номенклатуры и преступного мира с «иностранными военными советниками») начали процесс дискредитации советского хозяйства уже в 1986-1987 гг. — просто орудуя цензурой³⁰.

Началась большая кампания по мифотворчеству относительно частной собственности. Представление о ней было поднято на небывалую в мире, религиозную высоту. Академик-экономист (!) А.Н.Яковлев писал в 1996 г.: «Нужно было бы давно узаконить неприкосновенность и священность частной собственности».

Известно, что частная собственность — это не зубная щетка, не дача и не

---

³⁰ Зам. главного редактора журнала «Социологические исследования» Г.С. Батыгин писал позже: «В 1987 г. Главлит потребовал снять из статьи, предназначенной для опубликования в журнале «Социологические исследования», тезис о неэффективности свободного рынка в высокоорганизованной экономике. Это означало, что идея централизованного социалистического планирования уже не соответствовала цензурным требованиям» [3, с. 89].

«мерседес». Это – *средства производства*. Единственный смысл частной собственности – извлечение дохода из людей («Из людей добывают деньги, как из скота сало», – гласит американская пословица, приведенная М. Вебером). Где же и когда средство извлечения дохода приобретало статус святыни? Этот вопрос поднимался во всех мировых религиях, и все они, включая иудаизм, наложили запрет на поклонение этому идолу (золотому тельцу). В период возникновения рыночной экономики лишь среди кальвинистов были радикальные секты, которые ставили вопрос о том, что частная собственность священна. Но их преследовали даже в Англии. Когда же этот вопрос снова встал в США, то даже отцы-основатели США, многие сами из квакеров, не пошли на создание идола, а утвердили: частная собственность – предмет *общественного договора*. Она не священна, а *рациональна*. О ней надо договариваться и ограничивать человеческим законом.

Между тем, философы стали доказывать, что лишь частная собственность является *правовым* феноменом. Надо, мол, коллективную, общенародную и государственную собственность немедленно как-то раздать, чтобы смыть с себя клеймо разбойника.

Выступая в 1992 г. в Германии, Горбачев так оправдывает свою деятельность по ликвидации советского строя: «Отличительной особенностью советской тоталитарной системы было то, что в СССР фактически была полностью ликвидирована частная собственность. Тем самым человек был поставлен в полную материальную зависимость от государства, которое превратилось в монопольного экономического монстра» [90, с. 187-188].

Откуда вытащил эту мысль функционер КПСС, всю жизнь после МГУ каравкавшийся по номенклатурной лестнице? Из советского обществоведения для элиты – без опоры на Маркса его проклятья «советской тоталитарной системе» были бы просто ругательствами, не имеющими смысла. Надо сделать это неприятное отступление.

Ясно, что при создании в СССР общества, основанного на началах социальной справедливости и обобществленного хозяйства, представления Маркса о таком строительстве имели принципиальное значение. А как видел Маркс преодоление капиталистического способа производства? На этот вопрос он отвечает в «Капитале» таким образом:

«Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов

экспроприруют.

Капиталистический способ присвоения, вытекающий из капиталистического способа производства, а следовательно, и капиталистическая частная собственность, есть первое отрицание индивидуальной частной собственности, основанной на собственном труде. Но капиталистическое производство порождает с необходимостью естественного процесса свое собственное отрицание. Это — отрицание отрицания. Оно восстанавливает не частную собственность, а *индивидуальную собственность* на основе достижений капиталистической эры: на основе кооперации и общего владения землей и произведенными самим трудом средствами производства. ... Там дело заключалось в экспроприации народной массы немногими узурпаторами, здесь народной массе предстоит экспроприировать немногих узурпаторов» [87] (выделено мной – С. К-М).

Итак, не национализация и не восстановление общины, а *индивидуальная собственность* – что-то вроде «ваучерной приватизации» по Чубайсу. Затем эти индивидуальные собственники вступают в отношения кооперации с образованием *ассоциаций свободных производителей*.

Во время дискуссии о политэкономии социализма это положение «Капитала» вызвало недоумение. Почему надо восстанавливать «индивидуальную собственность на основе достижений капиталистической эры»? Почему не строить сразу общенародную собственность на основе общинной культуры и достижений некапиталистической индустриализации? Разве это значит «повернуть назад колесо истории»?

В СССР Э.В. Ильенков так интерпретировал это положение Маркса, отталкиваясь от реальной практики русской революции и национализации промышленности: «Дело, на мой взгляд, заключается в том, что после осуществления коммунистическим движением первой своей акции – революционного превращения «частной собственности» в собственность *всего общества*, т.е. в общегосударственную и общенародную собственность, перед этим обществом как раз и встает вторая половина задачи. А именно – задача превращения уже учрежденной общественной собственности в действительную собственность «человека», т.е., выражаясь языком уже не «раннего», а «зрелого» Маркса, в личную собственность *каждого индивида*.

Ибо лишь этим путем *формальное* превращение частной собственности в

общественную (общенародную) собственность может и должно перерасти в реальную, в действительную собственность «всего общества», т.е. *каждого из индивидов*, составляющих данное общество» [88].

Но это – вольная трактовка умозрительных идей Маркса. У него действительно не предусмотрено, что «экспроприация экспроприаторов» приводит к переходному состоянию государственной и общенародной собственности, которую лишь впоследствии надо делить, превращая «в личную собственность *каждого индивида*». Да и никак это не вяжется с реальным ходом событий в СССР. Практически все национальное богатство в СССР было создано уже в рамках общественной собственности, и «экспроприация экспроприаторов» осталась в истории, основные фонды советского хозяйства 1991 года никакой генетической связи с ней не имели. В СССР во времена Горбачева готовилась именно *приватизация плодов общего труда*.

Эта идея Маркса, которая была припрятана в советском обществоведении, все время «работала» в сознании гуманитарной элиты. Эта мина, заложенная под СССР, и была взорвана в конце перестройки.

Эксплуатируя миф о собственности, философы доходили до абсурда. Видный философ-правовед В.С. Нерсесянц писал: «Создаваться и утверждаться социалистическая собственность может лишь внеэкономическими и неправовыми средствами – экспроприацией, национализацией, конфискацией, общеобязательным планом, принудительным режимом труда и т.д.» [89].

Вдумаемся в это тоталитарное утверждение: философ отрицает всякую возможность создать социалистическую собственность экономическими и правовыми способами. В.С. Нерсесянц, видимо, имеет в виду национализацию 1918-1920 гг., но почему же национализация – неправовой акт? А приватизация – правовой? Какие можно придумать правовые основания, чтобы отдать комсомольскому работнику Кахе Бендукидзе машиностроительный суперкомбинат «Уралмаш» за смехотворную цену – одну тысячную не стоимости завода, а стоимости его годовой продукции?

И теперь говорят, что все это строительство, восстановление, модернизация противоречат праву! Какая дикость! На каком основании считает философ неправовыми и внеэкономическими явлениями, например, строительство «Уралмаша», ВАЗа или московского метро? Самые благожелательные попытки додумать разумные аргументы за В.С. Нерсесянца к успеху не приводят. А

ведь он как юрист оправдывал *грабительскую* приватизацию советской промышленности.

Многие под идеологическим давлением перестройки и реформы как будто забыли колоссальный факт: то, что сохранилось после 7 лет войны 1914-1921 гг. и было национализировано, составляло около *трети* промышленного потенциала 1913 г. В 1913 г. промышленность Российской империи (без Польши и Финляндии) произвела 0,5% от объема производства промышленности СССР 1990 года. Таким образом, после 1991 г. была приватизирована промышленность, *полностью (на 99,85%) созданная советским народом* – в основном, поколениями, родившимися после 1920 года³¹. Приватизация этой промышленности была наглой и жестокой акцией по присвоению этой собственности горсткой хищников. Присвоив ее, они вовсе не отнеслись к этой собственности с «чувством хозяина» – они ее разграбили, надолго парализовав производительные силы страны. Те, кто теоретизировал, чтобы оправдать эту приватизацию, своего не добились – она не получила легитимности у подавляющего большинства граждан и получила эпитет *грабительской*.

Какие только метафоры не придумывали, чтобы подавить в людях сомнения и вопросы. Вот сентенция доктора наук, зав. сектором ИМЭМО РАН: «Перед Россией стоит историческая задача: сточить грани своего квадратного колеса и перейти к органичному развитию... В процессе модернизаций ряду стран второго эшелона капитализма удалось стесать грани своих квадратных колес... Сегодня, пожалуй, единственной страной из числа тех, которые принадлежали ко второму эшелону развития капитализма, и где колесо по-прежнему является квадратным, осталась Россия, точнее территория бывшей Российской империи (Советского Союза)». И эта претенциозная муть – в элитарном журнале Академии наук «Вопросы философии» [91].

Доктрина реформ противоречила знанию, накопленному даже в рамках *либерализма!* В 1991 году к М.С. Горбачеву обратилась с «Открытым письмом» группа из 30 американских экономистов (включая трех лауреатов Нобелевской премии по экономике – Ф. Модильяни, Дж. Тобина и Р. Солоу; еще один, У. Викри, стал нобелевским лауреатом в 1995 году). Они предупреждали, что для успеха реформ надо сохранить землю и другие природные ресурсы

---

³¹ Большого числа отраслей, приватизированных в 1990-е годы, вообще не существовало в 1913 году.

в общественной собственности. Виднейшие западные экономисты видели разрушительный характер доктрины российских реформ и пытались предотвратить тяжелые последствия. Однако на их письмо просто не обратили внимания.

Власти России из политических соображений приняли программу МВФ. Приглашенный правительством России как советник известный американский экономист Мануэль Кастельс писал: «К тяжелым последствиям привел тот факт, что в России МВФ применил свою старую тактику, хорошо известную в третьем мире: «оздоровить» экономику и подготовить ее для иностранных капиталовложений даже ценой разрушения общества».

Профессора и академики из экономистов утверждали, что после приватизации в России возникнет экономика западного типа. Да и на Западе нет того, что устроили в России наши реформаторы. Дж. Гэлбрейт побывал в Москве и беседовал с этими экономистами, а затем сказал об их планах: «Говорящие – а многие говорят об этом бойко и даже не задумываясь – о возвращении к свободному рынку времен Смита не правы настолько, что их точка зрения может быть сочтена психическим отклонением клинического характера. Это то явление, которого у нас на Западе нет, которое мы не стали бы терпеть и которое не могло бы выжить» [92].

Психическое отклонение клинического характера – вот как воспринимался замысел реформы в России видными западными специалистами, не имеющими причин молчать! Но разве может ученый игнорировать такие предупреждения и никак не ответить иностранным коллегам такого ранга! И может ли он не сообщить об этих сомнениях обществу – ведь открытость знания есть фундаментальная норма научности, никакого военного секрета в словах всех этих иностранных ученых не было.

Реально, приватизация 1990-х годов сопровождалась *замалчиванием* важного знания об этом процессе, включая знание о свежем опыте приватизации в Польше и Венгрии. Более того, имела место и *дезинформация* о важных сторонах проблемы. В 1992 г. группа ведущих иностранных экспертов (социологов и экономистов) под руководством М. Кастельса посетила Москву. Она провела интенсивные дискуссии с членами Правительства Российской Федерации, в качестве экспертов с российской стороны выступали профессор Ю.А. Левада, Л.Ф. Шевцова, О.И. Шкартан и В.А. Ядов. После отъезда группа составила доклад Правительству Рос-

сии, который недавно был опубликован [93].

В докладе эти эксперты критикуют доктрину приватизации и, изложив свои аргументы, напоминают хорошо известные вещи: «Рыночная экономика не существует вне институционального контекста. Основной задачей реформаторского движения в России сегодня является в первую очередь создание институциональной среды, т. е. необходимых условий, при которых рыночная экономика сможет функционировать. Без подобных преобразований рыночная экономика не сможет развиваться, не создавая при этом почвы для спекуляций и воровства. То есть создание эффективной рыночной экономики принципиально отличается от простой задачи передачи прав собственности от государства и старой номенклатуры к успешным частным управляющим. . . Культура куда важнее масштабов приватизации».

Они так характеризуют общности, которым в ходе приватизации предполагалось передать основную массу промышленной собственности: «В настоящий момент все они так или иначе демонстрируют паразитическое поведение, их действия носят не инвестиционный, а спекулятивный характер, свойственный в большей мере странам «третьего мира». . . Такая ситуация характерна скорее не для зарождающегося, а для вырождающегося капитализма. Фактически идет процесс передела накопленной собственности, а не создание нового богатства. В этих условиях исключительно либеральная экономическая политика, основанная на непродуманной и неконтролируемой распродаже государственной собственности, обречена на провал, что приведет лишь к усилению власти спекулятивных групп в российской экономике».

И вот общий вывод: «Резюмируя все сказанное, мы утверждаем, что существующая концепция массовой приватизации является главной ошибкой, которую Россия может совершить в ближайший год реформ» [93].

Несомненно, Кастельс, Турен и их коллеги-эксперты высказали принципиальные, очень важные суждения о начавшейся в России приватизации, которые быстро получили эмпирические подтверждения. Ведущие российские социологи были ознакомлены с этими суждениями в ходе прямой дискуссии. Политическое руководство и его советники-экономисты также знали и выводы, и аргументы комиссии экспертов – а от общества это знание было скрыто. Ведущие российские обществоведы проигнорировали выводы самых квалифицированных мировых ученых, погрузили страну в кризис – и даже сегодня не сказали ни слова о причинах своего поведения и своих огромных ошибок. Какие же это ученые!

Параллельно с планами приватизации велась странная пропаганда распродажи национального достояния иностранным покупателям – возможно, для отвлечения внимания. Идею «распродать государство» пропагандировали популярные партийные интеллектуалы, которых с энтузиазмом встречали на многочисленных собраниях интеллигенции. Например, Н.П. Шмелев сказал в беседе с корреспондентом «Известий» (30.10.1989): «Страна в тяжелейшем положении, и сегодня, пожалуй, не время обсуждать, почему мы в нем оказались... Продаваться должно все, что покупается. Не только потребительские изделия и строительные материалы, но и металл, грузовики, жилье, постройки и фермы – на селе, земля – в городе, в том числе иностранцам... Пора дать возможность купить клочок земли в городе каждому желающему»³².

Действовала и тяжелая артиллерия – А.Н. Яковлев сразу поддержал идею, что хозяйство надо отдать в управление иностранному капиталу: «Без того, чтобы иностранному капиталу дать гарантии свободных действий, ничего не получится. И надо, чтобы на рынок были немедленно брошены капиталы, земля, средства производства, жилье» [94].

Экономисты настойчиво советовали совершить поворот СССР и России к «жизни в долг». Н.П. Шмелев, тогда депутат и советник ЦК КПСС, предлагал сделать большие внешние заимствования, а отдавать долги государственной собственностью. Он писал в 1988 году: «По-видимому, мы могли бы занять на мировых кредитных рынках в ближайшие годы несколько десятков миллиардов долларов... Эти долгосрочные кредиты могли бы быть (при должных усилиях с нашей стороны) в будущем превращены в акции и облигации совместных предприятий» [95].

Через год, когда уже втягивалась в кризис, он говорит в интервью: «Не исключено, что частный банковский мир переведет нас в категорию политически ненадежных заемщиков, так что на солидные займы рассчитывать нам не придется... [Можно взять] под залог нашего золотого запаса... Зачем мы его храним? На случай войны? Но если разразится ядерная война, нам уже ничего

---

³² Поразительно то, что ученый-экономист, обращаясь прежде к интеллигенции, предлагает отказаться от едва ли не главного инструмента рационального мышления – рефлексии и выявления причинно-следственных связей. Не надо обсуждать, почему мы оказались в тяжелом положении!

не нужно будет».

Вот мудрость номенклатурного интеллектуала. Зачем мы, в натуре, что-то храним? А если война? Нам уже ничего не нужно будет!

В 1987 г., еще в туманных выражениях, был дан сигнал о свертывании плановой системы. Г.Х. Попов писал в 1989 г.: «В документах июньского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС “Основные положения коренной перестройки управления экономикой” и принятом седьмой сессией Верховного Совета СССР Законе СССР “О государственном предприятии (объединении)” есть слова, которые можно без преувеличения назвать историческими: “Контрольные цифры... не носят директивного характера”. В этом положении – один из важнейших узлов перестройки».

В законе есть *исторические слова*! Значит, речь идет о чем-то самом важном. Так растолкуйте это людям, декан советских экономистов! Как это скажется на нашей жизни? Нет, только пропаганда.

К нашему несчастью, советская идеология и образование не объяснили внятно, чем советское хозяйство отличалось от капитализма (рыночной экономики). Определение этим двум принципиально разным типам народного хозяйства дал еще Аристотель: он разделял хозяйство для *обеспечения жизни* (дома, города, страны) – и хозяйство *ради прибыли*, накопления богатства. В XX веке эту тему развил М. Вебер в книге «Протестантская этика и дух капитализма» (он писал ее, специально изучив русский язык и следя за ходом революции). Исторически в России господствовал уклад хозяйства *ради обеспечения жизни* (по образу *семьи*) – поэтому вторжение западного капитализма и привело к советской революции. В СССР основания «хозяйства ради жизни» укрепились, но в послевоенный период, в ходе культурного кризиса, вызванного быстрой урбанизацией и сменой образа жизни, победили силы, поставившие целью переделать советское хозяйство в рыночную экономику. Скорее всего, это было средством решить геополитическую сверхзадачу – разрушить советское хозяйство и СССР, превратить Россию в слабо развитую зависимую страну.

Наши ведущие экономисты и социологи, изучавшие и Аристотеля, и Вебера, понимали смысл этой реформы – и скрыли его от общества, став идеологами разрушительной операции. И до сих пор ими остаются. Большинство населения не поддавалось их пропаганде и следовало сочетанию ценностей пред-

принимательства (неважно, частного или государственного) и социальной справедливости с солидарностью. Все 20 лет реформы регулярно проводились социологические замеры, которые подтверждали устойчивость этих интуитивных установок. Важные выводы были сделаны в докладе, сделанном в ГУ Высшей школы экономики 6 апреля 2011 г. зав. кафедрой социально-экономических исследований Н.Н. Тихоновой. Она сказала:

«Данные исследований позволяют говорить об устойчивом тяготении граждан России к смешанной экономике с доминирующей ролью государства и государственной собственности. По их мнению, все стратегические отрасли экономики и отрасли социальной сферы, гарантирующие здоровье и благополучие нации, должны находиться под безусловным контролем государства...

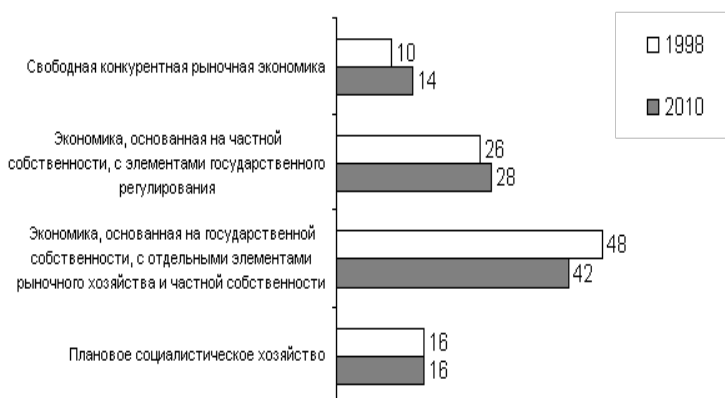

Рис. 1: Каким должен быть, по мнению населения, экономический строй в России (1998/2010 гг., в % от численности россиян до 65 лет)

В то же время ... число сторонников более современной организации экономики России постепенно растет (рис. 1).

Тем не менее, восприятие государства как ключевого экономического агента с вытекающим отсюда запросом на усиление его роли в экономике и расширение сферы государственной собственности остается ключевым отличием россиян от населения стран западной культуры (рис. 2).

Рис. 2: Отношение к целесообразности расширения государственного и частного секторов у граждан разных стран мира (в % от ответивших).

Совсем иной, чем для представителей западной культуры, смысл имеет для россиян и институт частного предпринимательства. Предпринимателей они воспринимают весьма толерантно, и в глазах большинства из них частный бизнес имеет право не только на существование, но и на защиту со стороны государства в условиях России. Однако такое восприятие распространяется лишь на законопослушный и экономически эффективный малый и средний бизнес. Что же касается бизнеса крупного, то ему места в нормативной модели наших сограждан практически нет. Кроме того, в системе смыслов российской культуры именно государство является реальным (а желательно и рачительным) «хозяином» всего национального богатства, частью которого оно временно дает «попользоваться» при определенных условиях их формальным собственникам. ... В данном контексте понятно, почему, несмотря на рост толерантности к частному бизнесу, основная масса россиян убеждена, что предприятия, которые наносят ущерб интересам государства, следует без всякой компенсации национализировать...

Существенно при этом, что россияне выступают сторонниками абсолютной легитимности только такой собственности, в основе которой изначально лежит труд самого собственника или тех, от кого он получил ее по наследству. В тех же случаях, когда связь собственности и лежащего в ее основе труда размыта и ускользает от непосредственного восприятия, россияне не склонны уважать ее формально-правовой статус» [103].

Е.Г. Ясин на это сделал такую реплику: «Я исхожу из того, что тип культуры нам придется менять. При той архаичной системе ценностей, которая в России остается доминирующей, нам в XXI веке делать нечего. Если, как я читаю в докладе, только 14% россиян выступают за утверждение в стране свободной конкурентной рыночной экономики, а 76% — за расширение доли государства в бизнесе и промышленности (при 14% в США и 35% в Германии), то это значит, что ценности и установки подавляющего большинства наших сограждан к модернизации не приспособлены и сами нуждаются в модернизации» [103].

Но, видимо, за время, отпущенное историей Е.Г. Ясину и его соратникам, изменить мировоззрение большого народа они не успеют. Поэтому и надо менять «общественный договор» относительно народного хозяйства России. Блиц-криг не удался. Но как наши элитарные экономисты объясняют происходящее, не обращая внимание на мировоззрение населения?

Вот что сказал академик А.Г. Аганбегян, выступая в Новосибирском государственном университете 1 декабря 2003 г.: «Рынок — это система, где производится то, что может быть оплачено со стороны потребителей. В плановом хозяйстве производилось много продукции, которая не была востребована. Например, мы производили в 7 раз больше тракторов, чем США... Когда перешли к рынку, цена на тракторы резко выросла... в результате производство тракторов сократилось примерно в 20 раз. Такие примеры можно привести и по грузовикам, и по бульдозерам, и по железнодорожным вагонам, и по станкам, и по многому другому. Если столько продукции не нужно, то и выплавлять 146 млн. т стали бессмысленно — с падением платежеспособного спроса производство стали сократилось в 3 раза.

Сказанное относится и к зерну. Наша страна производила 120 млн. т зерна и еще докупала. Этого не хватало, считалось, что для скота надо больше кормов... С переходом к рынку, когда за зерно стали спрашивать реальные деньги, выяснилось, что его столько не нужно. В прошлом году урожай был 84,5 млн. т зерна. Это бедствие — на него резко упала цена, вывезено на экспорт 17 млн. т и еще 10 млн. т остались невостребованными.

Поэтому переход к рынку — крайне болезненная вещь, связанная с огромным сокращением производства». Здесь разумные привычные понятия вывернуты наизнанку, так что все рассуждение перемещается в какое-то за-

зеркалье. Почему же тракторы, вагоны, грузовики и зерно были в СССР «невостребованы»? Ведь ими пользовались, их не хватало, экономику требовали перестроить именно для того, чтобы всех этих вещей производить больше – вспомните хотя бы вопли о зерне. Что значит «считалось, что для скота надо больше кормов»? Не надо кормить скот? А потом перестали кормить и детей. Не сказал академик, что в той «экономике ради прибыли», за которую он ратует, «отмечается **вынужденная ломка сложившегося в прежние годы рациона питания**, уменьшается потребление белковых продуктов и ценных углеводов, что неизбежно сказывается на здоровье населения России и в первую очередь беременных, кормящих матерей и детей. В 1992 г. более половины обследованных женщин потребляли белка менее 0,75 г на кг массы тела – ниже безопасного уровня потребления для взрослого населения, принятого ВОЗ» – это сказано в «Государственном докладе о состоянии здоровья населения Российской Федерации в 1992 году».

Как понимать академика? Так, что понятие *потребность* у него означает *платежеспособный спрос*. А если на производство зерна дается дотация, значит, это зерно не нужно. Посудите сами, можно такое сказать в здравом уме? Вот, значит, к чему стремились наши просвещенные экономисты – организовать в стране «огромное сокращение производства»! А значит, и потребления для большинства населения – и пищи, и культуры, и образования. Хороший урожай у этих экономистов – бедствие!

О людях, которые в ходе реформы стали неплатежеспособными (а значит, «не имеют потребностей»), стараются вообще не поминать. Вот, академик Т.И. Заславская делает важный доклад (1995): «Что касается экономических интересов и поведения массовых социальных групп, то проведенная приватизация пока не оказала на них существенного влияния... Прямую зависимость заработка от личных усилий видят лишь 7% работников, остальные считают главными путями к успеху использование родственных и социальных связей, спекуляцию, мошенничество и т.д.» [26].

Подумайте, 93% работников не могут жить так, как жили до приватизации, – за счет честного труда. Они теперь вынуждены искать сомнительные,

часто преступные источники дохода («спекуляцию, мошенничество и т.д.») – а главный социолог считает, что *приватизация не повлияла на экономическое поведение*.

Исключительно важной в дискурсе экономистов-реформаторов была концепция *деиндустриализации* России. А.Н. Яковлев предложил нашим реформаторам весьма занудливую доктрину – *Семь «Д»*. Это те семь магических действий, которые надо совершить, чтобы в РФ возникло благолепие на базе частной собственности. Четвертым «Д» у него стоит *деиндустриализация*. Он прибавил к обозначению этой цели бессмысленную оговорку – «экологическая». Мол, ликвидировать промышленность РФ надо из любви к природе.

Этот раздел заполнен бессвязными и не имеющими отношения к теме банальностями вроде такой: «Сегодня более чем очевидно, что материальный и духовный мир едины». Что это такое, при чем здесь это? Как из этой чепухи вытекает, что в РФ надо проводить деиндустриализацию? А главный вывод апокалиптичен и столь же нелеп. Если, мол, наши заводы будут продолжать шуметь и дымить, то: «Сначала «положим зубы на полку» из-за почвенного Чернобыля, начнем угасать от химических продуктов и других индустриальных отрав, в смоговых нечистотах. А потом что? Потом экологическая смерть». И подобное словоблудие привлекало нашу интеллигенцию!

Никакого экономического смысла в уничтожении отечественных промышленных предприятий быть не может – даже если они в данный момент неконкурентоспособны. Это операция войны. Создать эти предприятия стоило стране огромных усилий, и решение в момент кризиса раскрыть страну для убийства ее промышленности иностранными конкурентами следует считать разновидностью государственной измены. Д.И. Менделеев ввиду подобной угрозы в конце XIX века предупреждал о необходимости защитить промышленное развитие народов России «против экономического порабощения их теми, которые уже успели развиться в промышленном отношении». Почему же в конце XX века верх взяли не мысли Менделеева, а Яковлева и Шмелева? Надо же отдать себе в этом отчет³³.

---

³³ Как раз когда в Москве в 1991 г. обсуждался закон о приватизации, в журнале «Форчун» был опубликован большой обзор о японской промышленной политике. Там сказано: «Японцы никогда не бросили бы нечто столь драгоценное, как их промышленная база, на произвол грубых рыночных сил. Чинов-

Хотя бы сегодня мы обязаны разобраться в этом моменте, ведь речь идет о глубоком болезненном срыве в мышлении значительной части высокообразованных людей. Заданная при этом срыве антирациональная структура мышления сохранилась, она воспроизводится как тяжелая болезнь. Ее надо изучать и лечить. Такое отношение к отечественной промышленности, к нашему национальному достоянию, поразило специалистов во всем мире. В докладе американских экспертов из группы Гэлбрейта, работавших в РФ в 1990-е годы, говорится: «Ни одна из революций не может похвастаться бережным и уважительным отношением к собственному прошлому, но самоотрицание, господствующее сейчас в России, не имеет исторических прецедентов. Равнодушно взирать на банкротство первоклассных предприятий и на упадок всемирно-известных лабораторий – значит смириться с ужасным несчастьем» [98].

Возьмем простой показатель и увидим, какой тип экономики организовали за 20 лет реформаторы и называют его сегодня «правильным» и «эффективным».

В 1986 г. продукция промышленности в СССР составила 836 млрд. руб., а экспорт 68,3 млрд. руб., в том числе в капиталистические страны 13,1 млрд. руб. То есть, экспорт на мировой рынок был равен в стоимостном выражении 1,6% от продукта промышленности. Экономика СЭВ была кооперирована с СССР, и экспорт в его страны – другое дело. Но даже если суммировать, то весь экспорт составил 8,2% продукта промышленности.

В 2008 г. продукция промышленности РФ составила 24,8 триллиона руб., а экспорт – 472 млрд. долларов или примерно 14 триллионов руб. Это 50% от продукции промышленности. При этом 70% экспорта – сырье. Это значит, что деиндустриализация реально произошла, и страна живет, распродавая невозобновляемые ресурсы, добываемые на месторождениях, разведанных и обустроенных в СССР. На сколько времени еще хватит добычи?³⁴ Ясно, насколько теперь зависит России от внешнего рынка.

ники и законодатели защищают промышленность, как насадка цыплят». Почувствуйте разницу.

³⁴ Кстати, авторы доктрины этой реформы взяли на вооружение порочный метод объяснять провалы и неудачи реформы в России наследием советского прошлого, следствием инерции тех систем, которые были созданы при советском строе. Перенимая этот прием, власть делает важную ошибку.

В этом плане Н.П. Шмелев в важной статье трактует экономические перспективы России так: «Наиболее важная экономическая проблема России – необходимость избавления от значительной части промышленного потенциала, которая, как оказалось, либо вообще не нужна стране, либо нежизнеспособна в нормальных, то есть конкурентных, условиях. Большинство экспертов сходятся во мнении, что речь идет о необходимости закрытия или радикальной модернизации от 1/3 до 2/3 промышленных мощностей...»

Если, по существующим оценкам, через 20 лет в наиболее развитой части мира в чисто материальном производстве будет занято не более 5% трудоспособного населения (2-3% в традиционной промышленности и 1-1,5% в сельском хозяйстве) – значит, это и наша перспектива» [79].

Давайте внимательно вчитаемся в каждое из этих утверждений. Во-первых, критерием «нормальности» экономики академик считает не степень удовлетворения жизненных потребностей населения и страны в целом, а наличие *конкуренции*. Это – поразительная вещь, ибо даже один из основателей концепции гражданского общества Гоббс признавал, что существуют два примерно равноценных принципа устройства хозяйства – на основе *конкуренции* и на основе *кооперации*, сотрудничества. Он пишет: «Хотя блага этой жизни могут быть увеличены благодаря взаимной помощи, они достигаются гораздо успешнее подавляя других, чем объединяясь с ними». Гоббс отдавал предпочтение конкуренции, но вовсе не считал этот принцип очевидно более эффективным. В своем выборе он исходил, скорее, из внеэкономических критериев.

На что же готов пойти Н.П. Шмелев ради приобретения такого блага, как «конкурентность»? На ликвидацию до 2/3 всей промышленной системы страны! Ну можно ли считать это рациональным утверждением ученого? Можно ли после этого оправдываться, как Черномырдин, что, мол, «хотели как лучше»? Ведь черным по белому писали реформаторы, что *деиндустриализация* – их цель, «наиболее важная экономическая проблема России»³⁵. Приняла ли элита роль пропагандиста этой цели по зрелом размышлении, сознательно ли она ее поддержала – или поленилась вникнуть в замыслы своих кураторов?

---

³⁵ Замечу, что к 1995 г. стало очевидно уже и из практического опыта, что ни о какой «радикальной модернизации» промышленности в реформе по программе МВФ и речи не идет – происходит именно ликвидация «от 1/3 до 2/3 промышленных мощностей». Даже напротив, в первую очередь ликвидируются самые современные производства.

Неосновательный, но все-таки не безумный довод в пользу деиндустриализации и ликвидации сельскохозяйственных предприятий (колхозов и совхозов) сводился к их якобы убыточности. А.Н. Яковлев, говоря о «тотальной люмпенизации общества», которое надо «депаразитировать», приводил такой довод: «Тьма убыточных предприятий, колхозов и совхозов, работники которых сами себя не кормят, следовательно, паразитируют на других»³⁶.

Вот мера академика-экономиста: убыточных предприятий, колхозов и совхозов в СССР – *тьма*. Притом, что было прекрасно известно и общее число предприятий и колхозов, и число убыточных, так что можно дать вполне определенное и абсолютное, и относительное число убыточных, а не прибегать к метафоре «тьма». Реальные величины таковы. В 1989 г. в СССР было 24720 колхозов. Они дали 21 млрд. руб. *прибыли*. Убыточных колхозов было на всю страну 275 (1% от общего числа), и все их *убытки* в сумме составили 49 млн. руб. – 0,2% от прибыли колхозной системы. Величина убытков несоизмерима с размерами прибыли. Колхозы и совхозы вовсе не «висели камнем на шее государства» – напротив, в отличие от Запада наше село всегда субсидировало город.

Так же обстояло дело и с промышленными предприятиями. Когда в 1991 г. начали внушать мысль о благодатном смысле приватизации, говорилось: «Необходимо приватизировать промышленность, ибо государство не может содержать убыточные предприятия, из-за которых у нас огромный дефицит бюджета».

Реальность же такова: за весь 1990 г. убытки нерентабельных промышленных предприятий СССР составили в сумме 2,5 млрд. руб., а валовой национальный продукт, произведенный всей совокупностью промышленных предприятий – 320 млрд. руб.! Убытки части системы составляют менее 1% произведенной ею добавленной стоимости – и такую систему предлагают приватизировать, аргументируя ее «нерентабельностью». Кстати, в 1991 г., когда был принят закон о приватизации, убыток от всех нерентабельных промышленных предприятий составил менее 1% от дефицита госбюджета, который взметнулся до 1000 млрд. руб.

Надо также вспомнить миф, который раскручивали академики-экономи-

---

³⁶ Отметим и здесь сбой логики: нелепо утверждать, что работники колхозов и совхозов – паразиты и «сами себя не кормят».

сты – о том, что советское хозяйство было истощено гонкой вооружений и по этой причине надо было разоружаться и идти с повинной головой к США – они нас простят и пригреют. Это – еще пункт в их черный послужной список.

Начиная с 1950 г. ЦРУ проделало огромную работу по определению реальной величины советских военных расходов. Согласно полученным таким образом оценкам, ЦРУ считало, что военные расходы СССР составляли 6-7% от ВВП. При этом доля военных расходов в ВВП СССР постоянно снижалась. Так, если в начале 50-х годов СССР тратил на военные цели 15% ВВП, в 1960 г. – 10%, то в 1975 г. всего 6%.

В 1976 г. военно-промышленное лобби США добилось пересмотра этих оценок в сторону увеличения. Была создана группа из 5 экспертов (“Команда Б”) под руководством Ричарда Пайпса, она признала оценки ЦРУ заниженными минимум вдвое. Как пишет В.В. Шлыков, «Команда Б после трехмесячной работы представила в декабре 1976 года свой доклад, положивший начало радикальному пересмотру американским руководством степени советской военной угрозы. Результатом такого пересмотра стал новый, несравненно более крутой виток в гонке вооружений между Востоком и Западом».

Как же оценивает уже после краха СССР руководство американской разведки новые величины военных расходов СССР (12-13% ВВП), которые легли в основу политики США? Видный российский эксперт по проблеме военных расходов В.В. Шлыков пишет: «Выводы “Команды Б” об огромных масштабах и агрессивном характере советских военных приготовлений выглядят абсурдно преувеличенными. Не удивительно, что ЦРУ всячески стремится теперь откеститься от этих выводов, на основе которых строилась в основном вся военная политика США с середины 70-х годов. В своем докладе на Принстонской конференции директор ЦРУ Дж. Тенет признает, в частности, что “все до одной Национальные разведывательные оценки (НРО), подготовленные с 1974 по 1986 годы, давали завышенные прогнозы темпов и масштабов модернизации Москвой своих стратегических сил”. Ричард Перл, бывший замминистра обороны США по международной безопасности, писал: “Остается загадкой, почему была допущена столь огромная ошибка, и почему она приоб-

рела хронический характер. Возможно, мы так и не узнаем истину» [99]³⁷.

Здесь давайте зафиксируем факт: величина военных расходов СССР в размере 12-13% ВВП признана в США *абсурдно завышенной*. Можем считать ее за верхний предел той величины, точно установить которую мы не можем. Исходя из структуры расходов на оборону выходит, что собственно на закупки вооружений до перестройки расходовалось в пределах 5-10% от уровня конечного потребления населения СССР. Таким образом, утверждение, будто «мы жили плохо из-за непосильной гонки вооружений» является ложным.

В.В. Шлыков пишет об этом в 2001 г.: «Сейчас уже трудно поверить, что немногим более десяти лет назад и политики, и экономисты, и средства массовой информации СССР объясняли все беды нашего хозяйствования непомерным бременем милитаризации советской экономики. 1989-1991 годы были периодом настоящего ажиотажа по поводу масштабов советских военных расходов. Печать и телевидение были переполнены высказываниями сотен экспертов, торопившихся дать свою количественную оценку реальному, по их мнению, бремени советской экономики...

Министр иностранных дел Шеварднадзе заявил в мае 1988 года, что военные расходы СССР составляют 19% от ВВП, в апреле 1990 г. Горбачев округлил эту цифру до 20%. В конце 1991 г. начальник Генерального штаба Лобов объявил, что военные расходы СССР составляют одну треть и даже более от ВВП (260 млрд. рублей в ценах 1988 года, то есть свыше 300 млрд. долларов). Хотя ни один из авторов вышеприведенных оценок никак их не обосновывал, эти оценки охотно принимались на веру общественностью... Надо сказать, что давая свои оценки военного бремени СССР, ни М.Горбачев, ни генерал В. Лобов, ни академики О. Богомолов и Ю. Рыжов никогда не приводили никаких доказательств и расчетов в подтверждение своих слов» [99].

Но разве кто-то пытался в это вникнуть? И разве кто-нибудь сегодня спросит с академиков Богомолова или Рыжова, из какого пальца они высосали свои данные о военных расходах СССР? А ведь стереотипное мнение, будто именно гонка вооружений разорила советскую экономику и сделала невыносимо низким уровень потребления граждан, стало в среде интеллигенции непре-

---

³⁷ Сенатор Д. Мойнихен даже требовал роспуска ЦРУ за завышение советских военных расходов, в результате чего США выбросили на ветер через гонку вооружений триллионы долларов.

рекаемым – и остается таким до сих пор!

В.В. Шлыков пишет, даже с некоторым удивлением: «Насколько изменилось отношение общества к проблеме военных расходов по сравнению с концом 80-х – началом 90-х годов. Если в те годы советские и российские политики и экономисты в своем стремлении показать неподъемное, по их мнению, бремя военных расходов апеллировали к мнению на сей счет прежде всего западных экспертов, то сейчас это мнение никого – ни власть, ни общество – не интересует».

Ничего тут нет удивительного – задача этой части «советских и российских политиков и экономистов» была подпилить еще одну опору государства СССР. Как только задача была решена, всякий интерес к проблеме военных расходов пропал, и деньги на эту кампанию никто не дает.

К мифу о том, что гонка вооружений оказалась непосильной ношей для советского хозяйства, примыкает более позднее и более общее утверждение, будто экономика СССР уже в начале 80-х годов практически развалилась и находилась на пороге коллапса. А.Н. Яковлев в интервью утверждал: «Если взять статистику, какова была обстановка перед перестройкой, – мы же стояли перед катастрофой. Прежде всего экономической. Она непременно случилась бы через год-два» [100].

Но вспомним важный тезис перестройки, высказанный А.Н.Яковлевым в 1988 г.: «Нужен поистине тектонический сдвиг в сторону производства предметов потребления... Мы можем это сделать, наша экономика, культура, образование, все общество давно уже вышли на необходимый исходный уровень» (выделено мною – С.К-М). Если он говорил это в тот момент, когда действительно Политбюро считало, что «мы стояли перед катастрофой. Прежде всего экономической», то он сознательный вредитель. Кризис на грани катастрофы – тяжелейшая болезнь экономики, и в этот момент устраивать в ней «тектонические сдвиги» значит сделать катастрофу неотвратимой. Это заявление, видимо, следует считать пропагандистской акцией академика от экономики.

зисе советской экономики, делались неоднократные попытки выяснить у экономистов в ранге от младшего научного сотрудника до академика, каковы эмпирические индикаторы и критерии, которые позволяют им сделать такой важный вывод. Эти вопросы задавались в профессиональной среде без всякой задней мысли. Ни разу не удалось услышать или прочитать разумный ответ на эти вопросы.

В табл. 1 показаны массивные, базовые показатели, определяющие устойчивость экономической основы страны. Никто в этих показателях не сомневался и не сомневается.

Таблица 1. Основные экономические показатели СССР за 1980—1990 гг. (данные ЦСУ СССР)

	1980	1985	1986	1987	1988	1990
Валовой национальный продукт (в фактически действовавших ценах), млрд. руб.	619	777	799	825	875	943
Производственные основные фонды всех отраслей народного хозяйства (в сопоставимых ценах 1973 г.), млрд. руб.	1150	1569	1651	1731	1809	1902
Продукция промышленности (в сопоставимых ценах 1982 г.), млрд. руб.	679	811	846	879	913	928
Продукция сельского хозяйства (в сопоставимых ценах 1983 г.), млрд. руб.	188	209	220	219	222	225
Ввод в действие жилых домов, млн. кв. м	105	113	120	131	132	129
Мощность электростанций, млн. кВт	267	315	322	332	339	341

Но таблица дает грубую, разрозненную картину. Приведем ряд показателей в динамике – или натуральных величин, или индексов их роста и падения.

График на рис. 3 представляет динамику объема капиталовложений (инвестиций) в народное хозяйство СССР в сопоставимых ценах. При первых

признаках кризиса форма кривой этого графика должна была бы резко измениться. Поскольку экономический эффект от инвестиций отложен на довольно длительный срок, при угрозе кризиса средства для его смягчения всегда изымаются именно из инвестиций. Они могут «потерпеть», а цепной процесс кризиса надо блокировать в ранней стадии (это наглядно продемонстрировал и кризис в РСФСР-РФ, начиная с 1991 года). Напротив, динамика инвестиций в СССР не обнаруживает никаких признаков кризиса, тем более катастрофы.

На рис. 4 показана динамика трех важных показателей с 1940 по 1990 год – индексов *инвестиций*, *национального дохода* и *розничного товарооборота* (относительно уровня 1940 года). Они вместе характеризуют процессы расширенного воспроизводства хозяйства, производства средств для жизнеобеспечения и развития, а также динамику потребления домашних хозяйств (населения).

На рис. 5 показана динамика валового объема промышленного и сельскохозяйственного производства СССР начиная с 1950 г., а также произведенного национального дохода (показателя, который употреблялся в статистике СССР до 1988 г. по аналогии с ВВП). Мы видим неуклонное развитие промышленности без каких бы то ни было признаков кризиса – вплоть до 1990 г.

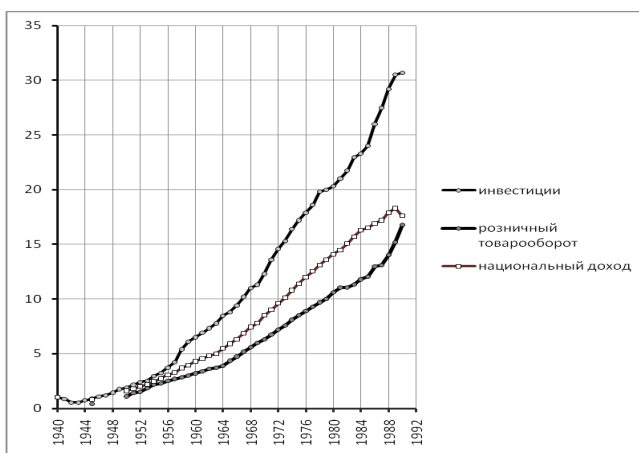

Рис. 3: Индексы инвестиций, национального дохода и розничного товарооборота в СССР, 1940 = 1

Сельское хозяйство гораздо сложнее поддается интенсификации, но и здесь колебания показателя связаны с неустойчивостью природных условий, а не с гипотетическим кризисом – о катастрофе и речи нет. За 33 года объем сельскохозяйственного производства вырос **в три раза**. Это очень неплохо, если учесть, что только за 1990-1998 г. объем сельскохозяйственного производства в РФ снизился **в два раза**, а за последующие 11 лет вышел только на уровень 1980 года. За двадцать лет реформ показатель упал на 25%.

Подробнее динамику примерно 300 показателей народного хозяйства с социальной сферы СССР можно посмотреть в [101].

Если академики – экономисты и социологи – обеспечивали интеллектуальную поддержку в высшем эшелоне власти и в СМИ, то обществоведы рангом ниже консультировали активистов прямо в гуще революционной деятельности. Вспомним, какой сильный удар по советской системе нанесли забастовки шахтеров 1989-1990 гг. Т. Авалиани, бывший в тот момент председателем стачкома Кузбасса, рассказывает, как экономисты из СО АН СССР срывали соглашение, достигнутое между комиссией Верховного Совета СССР и забастовщиками. Шахтеры требовали прибавки к зарплате в виде коэффициента и удовлетворялись его величиной 1,3. Это и было первым пунктом следующего соглашения о прекращении забастовки:

«1. Поясной коэффициент в связи с тяжелыми климатическими условиями, экологической обстановкой в регионе и резким увеличением поставки продуктов по договорным ценам установить временно 1,3 без ограничения и оговорок на всю заработную плату для всех трудящихся Кузбасса с 1 июля 1989

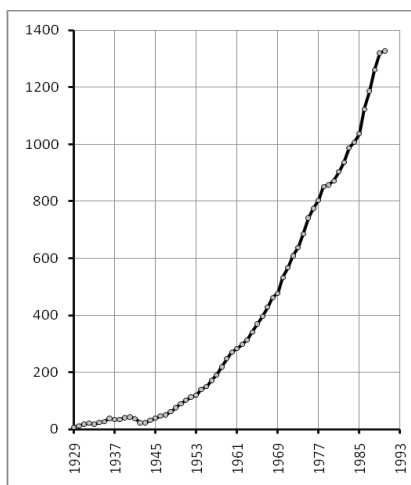
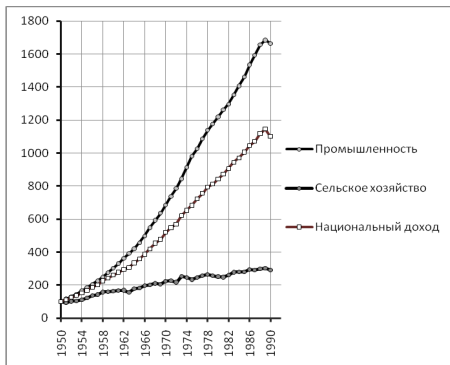

Рис. 4: Объем капитальных вложений по народному хозяйству СССР (в сопоставимых ценах на 1 июля 1955 г.)

года. Постоянный коэффициент должен быть согласован сторонами на основании разработок Сибирского отделения Академии наук СССР до 1 октября 1989 года и введен Советом министров СССР с 01.01.90. Средства на увеличение поясного коэффициента выделяются централизованно правительством СССР немедленно».

Т. Авалиани пишет: «Еще днем, рассматривая пункты соглашения, мы столкнулись с тем, что во многих случаях нет расчетов, а пункты об экономической самостоятельности и региональном хозрасчете вообще носят декларативный характер. И непонятно кем они внесены, хотя настойчиво проталкиваются делегатами от города Березовский. Догадываясь откуда дует ветер, я попросил первого секретаря обкома КПСС А.Г. Мельникова вызвать к утру д.э.н. Фридмана Юрия Абрамовича и его шефа Гранберга Александра Григорьевича – директора института экономики СО АН СССР – из Новосибирска с обоснованиями данных проектов, по которым они выступали в областной прессе с трескучими статьями уже более года. Оба явились утром 18 июля, но на мою просьбу дать текст, что они предлагают для включения в правительственные документы, дружно ответили, что у них ничего нет. В течение дня я видел их несколько раз в кругу членов Березовского забасткома М. Кислюка, В. Голикова и из Малиновки – А. Асланиди, которые протолкнули в конце концов два первых пункта протокола от 17-18 июля...

Вдруг появилось предложение – поясной коэффициент шахтерам поднять с 1,25 до 1,6! Все разом заговорили, а автора нет! Но коэффициент 1,6 был ранее проработан СО АН СССР и, видимо, подкинут моим товарищам А. Гранбергом. Вдруг кто-то подкинул предложение записать в протокол «предоста-

ис. 5: Индексы производства национального дохода, валовой продукции промышленности и сельского хозяйства в СССР (1950 = 100)

вить экономическую свободу всем цехам и участкам заводов и шахт”. И опять пошла буза» [106].

Хотелось бы узнать, на что рассчитывали экономисты Ю.А. Фридман и А.Г. Гранберг, советуя шахтерам добиться полной экономической независимости шахт от государства притом, что все эти шахты находились на дотации и стать рентабельными в рыночной экономике долго бы не смогли. Ведь эти квалифицированные экономисты выступили как провокаторы.

Особая часть нашей недавней истории – дискредитация советской хозяйственной системы под *экологическими* лозунгами. Здесь активность элитарных гуманитариев достигла высшей степени накала, достойно пера Достоевского.

Говоря об экологической тематике, влиятельные гуманитарии отходили от норм рациональности дерзко и радикально. Вот, о строительстве дамбы в Ленинграде высказывается академик Д.С. Лихачев: «Для меня несомненно, что строительство дамбы было ошибкой и даже преступлением» [102].

Разве это рациональное утверждение? ***Несомненно, что это преступление!*** Без суда, без следствия, без специальных знаний. Вот какое противопоставление предлагает академик Д.С. Лихачев: «Нас долгие годы обманывали: дамба строится во имя Ленинграда, предохранения его от стихии, но сейчас становится все очевиднее: дамба ухудшает экологическую обстановку».

Откуда следует, что «нас обманывали»? Ведь чтобы как-то обосновать этот тезис, надо было бы сказать, для чего в действительности строили дамбу обманщики-инженеры. Две части утверждения находятся в разных плоскостях и не могут быть связаны понятием *обман* и частицей *но*. Логичным могло бы быть утверждение такого типа: *нам говорили, что дамбу строят как защиту от наводнений, а на самом деле целью строительства было ухудшение экологической обстановки*. Кстати, когда строительство дамбы возобновилось (при участии международных финансовых организаций), поклонники академика Д.С. Лихачева что-то помалкивают. У них память как у Буратино – коротенькая.

Иррациональность усиливается привлечением нравственных обвинений, в принципе не поддающихся логике. Д.С. Лихачев пишет: «Рассказывают, что когда идет лед, то суда не могут войти в порт. В эти дни, по существу, закрывается “окно” в Европу. Понимаете, кроме экономического ущерба, я все больше задумываюсь над нравственным ущербом. Сейчас никто не знает, что с

дамбой делать. Не знаю, право, и я. Есть предложение дамбу разобрать, но не повлечет ли это ухудшение экологической обстановки? Ведь грязь распространится по всему Финскому заливу, засорит Балтийское море» [102, с. 196-197].

Окно в Европу, нравственный ущерб... Одна тут разумная мысль – сам Д.С.Лихачев *не знает* проблемы. Разобрать дамбу? Как бы не напустить русской грязи в Балтийское море, не огорчить немцев... «я, право, не знаю». Знать не знает, но судить берется.

Как известно, после суеты с приватизацией и межклановыми конфликтами, построенную в советское время на 70% дамбу достроили и в 2011 г. сдали в эксплуатацию без особой шумихи – стыдно было за ту кампанию. В прессе было сказано: «Открытие комплекса – самого крупного гидротехнического сооружения в России – Путин назвал "историческим событием". Он напомнил, что строительство началось в 1979 году и велось "ни шатко, ни валко". Построенный комплекс обезопасит Петербург от разрушительных наводнений и, после 30 лет строительства, замкнет периметр Петербургской кольцевой автодороги... В итоге в 2011 году вода в заливе перестала цвести, и петербуржцы предпочитают теперь купаться в морской воде, а не в бассейнах.

В проектировании и строительстве комплекса участвовали более 100 научно-исследовательских и проектных институтов, строительных и монтажных организаций, поставщиков материалов и оборудования».

Была дана и такая справка. КЗС (комплекс защитных сооружений) рассчитан на то, чтобы обеспечить защиту жителей Петербурга, стратегических объектов и инфраструктуры города от подъема воды до пяти метров. Подобные события в последние годы заметно участились: 25% всех невских наводнений за более чем 300-летнюю историю наблюдений пришлось на последние 15 лет. При этом многократно возросла частота зимних наводнений, крайне редких в предыдущие три века. По статистике в Петербурге происходит, в среднем, до 100 подъемов воды в год, из них от одного до десяти – с подтоплением территорий города. По расчетам городских властей, ущерб от таких наводнений может составлять от 3 до 50 миллиардов рублей.

Помимо своего основного предназначения – защиты города от наводнений, комплекс также замыкает периметр кольцевой автодороги, существенно улучшая транспортную обстановку в Санкт-Петербурге. Расчетная интенсивность движения автомобилей составляет до 30 тысяч единиц в сутки.

Приведем для примера небольшую, но красноречивую операцию, идеологическое обоснование было выработано группой видных обществоведов и деятелей культуры.

9. Операция «загрузка мусора». Case study: понятие «отчуждение»

Одним из следствий, а теперь и факторов углубления российского кризиса является деградация рациональной компоненты общественного сознания. Поскольку его самопроизвольного восстановления не происходит, требуется реконструкция «истории болезни». Надо обнаружить и распознать те «вирусы», которые вместе с мусором были загружены в программы рационального мышления. Большая операция была начата в конце 1980-х годов.

Непосредственной целью этой операции была дискредитация (подрыв легитимности) советского строя, но, видимо, произошла передозировка, и поражение общественного сознания приобрело характер цепного процесса. Агентом, который создавал «вирусы» и делал их инъекции в сознание «пациентов», была авторитетная часть профессионального сообщества специалистов в гуманитарных и социальных науках.

Здесь рассмотрим, в качестве учебной задачи, понятие *отчуждение*. В деформации мышления советской интеллигенции оно сыграло очень важную роль. Один демократически настроенный гуманитарий с удивлением писал в 1992 г.: «Начиная с горбачевского призыва строить социализм «с человеческим лицом», «отчуждение» стало входить в отечественный лексикон борьбы за лучшую советскую жизнь. Громом среди ясного неба прозвучали возгласы покончить с отчуждением, порожденным казарменным, тоталитарно-бюрократическим социализмом... Появились статьи, брошюры, в которых с усердием, с обилием цитат разъяснялось, что бюрократия — враг народа, а разгадка ее тайны — в отчуждении власти от простых людей, от народа, что общественная собственность — ничейная, собственность без хозяина, т.е. не принадлежит народу. Были и научные дискуссии, и постоянные семинары, даже провели конкурс на лучшую работу по проблеме отчуждения, а победители получили премии. Короче, колесо попало в наезженую колею — интеллектуалы засучили рукава, философы — в первую очередь.

Оказывается, десятилетиями мы копили деформации и вот столкнулись лицом к лицу с отчуждением, когда, как оказалось, созданное усилиями поколений общественное здание вовсе не «наш» дом, а тюрьма, задавившая инициативу, творчество, семью, нацию, гражданскую жизнь, наконец, свободу человека. Обязательно нужно преодолеть отчуждение — перестроить здание, избавить его от последствий дегуманизации, деперсонализации. Многое нужно преодолеть — отчуждение людей от труда, от продукта труда, от власти, от управления, от культуры, духовности, друг от друга» [112].

Выскажу и я свои впечатления. В 1968 г. я ушел из родной лаборатории в «гуманитарную науку». Там встретил много умных образованных людей. И время от времени, но регулярно, слышал от них, что самое главное открытие Маркса – «отчуждение». Это говорилось без всякого повода, как какой-то опознавательный крик типа: «Слушай!» В университете мы касались этой темы, но ничего внятного преподаватели нам не сказали, туманно намекнули, что это, мол, очень сложная тема, рано вам. Мне лично это было неприятно и тревожно, наука – открытое знание, там этого совершенно не было, даже в самых малоизученных областях. Когда я пытался выяснить у моих умных и образованных коллег, в чем смысл этого открытия Маркса, мне отвечали, что это очень сложная категория, плохо понятая. Становилось еще неприятнее...

Идол отчуждения не удалился и после ликвидации советского строя. Он дышит из текстов и выступлений множества обществоведов, включая «просвещенных левых». Представление отчуждения как таинственной сущности (и даже субстанции), объясняющей природу советского строя, опирается на раннего Маркса, который выводил из этой сущности свою концепцию грубого (уравнительного, «казарменного») коммунизма. Возможно также, что непосредственно идею использовать это понятие как средство подрыва легитимности СССР подал Троцкий.

В статье «Троцкий» в Новейшем философском словаре «Академик» сказано: «Осуществленный Т. анализ ряда существенных тенденций в эволюции советского общества... предвосхитил появление достаточно заметной обновленческой традиции в идеологии социалистического и коммунистического толка. Проблема отчуждения людей при социализме от продуктов собственного труда и от политической власти была не только легитимизирована для международной радикальной интеллигенции левой ориентации, но и приобрела

статус атрибутивно сопряженной с процедурами социально-философского и социологического планирования последствий революционно-утопических экспериментов» [113].

Во всяком случае, сам Горбачев, нагнетая ненависть к советскому государству, использовал старый троцкистский тезис об «отчуждении» советского работника от собственности: «Массы народа, отчужденные от собственности, от власти, от самостоятельности и творчества, превращались в пассивных исполнителей приказов сверху... Человеку отводилась роль пассивного винтика в этой страшной машине» [90].

Прежде чем перейти к исходным рассуждениям Маркса, обратимся к здравому смыслу и сначала вникнем в буквальное значение слова *отчуждение*. Профессиональный жаргон, конечно, далеко уходит от буквальных значений слов, но все же обычно не порывает с ними. В русском толковом словаре слово *отчуждение* означает *отделение, удаление, разрыв, отбирание*. В этом же смысле оно перешло из латыни (*alienatio*) в европейские языки, правда, с добавлением значения *беспамятство, психическое расстройство*. Не вдаваясь в психиатрию, заметим, что явление отделения и удаления – необходимая часть бытия и в неживой, и в живой природе, а тем более в обществе.

Само слово *особь* указывает на тот факт, что на определенной стадии эволюции живые организмы существуют в состоянии фундаментального отчуждения от себе подобных (в отличие от лишайников, полипов и кораллов). Биологическое отчуждение неизбежно сопровождается и *социальным*. Даже рой пчел или колония муравьев нуждаются в развитых системах коммуникации, чтобы особи могли собраться в *общество*. В человеческих общностях типы и механизмы социального отчуждения менялись в ходе развития, но без него невозможно было помыслить никакое общество. Например, Новое время на Западе ознаменовалось самоосознанием человека как *индивида* – атома, неделимой частицы. Это – радикальное отчуждение, которому Вебер посвятил свой главный труд «Протестантская этика и дух капитализма».

Еще в 60-е годы XX века, когда проблему отчуждения пытались поставить в повестку дня «шестидесятники», И. Кон предупреждал:

«Уже в «Экономическо-философских рукописях 1844 г.» и в позднейших работах Маркс связывает возникновение отчуждения с частной собственностью и антагонистическим разделением труда. Почему получается, что обще-

ственные силы людей становятся господствующими над ними? — спрашивает Маркс. И отвечает: причина этого — разделение труда... Разделение труда, дающее людям возможность проявить и развить свои индивидуальные способности, было предпосылкой становления индивидуальности и культуры... Таким образом, отчуждение — это объективное историческое явление, и третье значение понятия (отчужденность как психологический феномен) — лишь выражение этого основного факта» [114].

А когда во время перестройки начал нарастать поток откровений о том, что и советское общество основано на отчуждении, было подано несколько слабых голосов, которые пытались воззвать к здравому смыслу. Культурологи, например, писали (1990): «Каждый конкретный этап человеческой истории имеет свою форму социально-экономического и духовного отчуждения. Особая форма отчуждения культуры присуща и социализму. Мы исходим из того, что отчуждение при социализме так же естественно, как и при капитализме, и, впрочем, при первобытно-общинном строе. Это не аномалия, а нормальный, естественный процесс, свойственный развитию каждого общества и охватывает он не только сферу экономики, но и сферу духовности, культуры» [115].

На эти голоса внимания не обратили, да они и были слишком неуверенными - действовала тяжелая артиллерия и противостоять ей не решались. Как говорилось выше, академик Т.И. Заславская в марте 1990 г. сделала жесткое заявление: «Сотни миллионов обездоленных, полностью зависимых от государства [трудящихся] пролетаризированы, десятки миллионов — люмпенизированы, т.е. отчуждены не только от средств производства, но и от собственной истории, культуры, национальных и общечеловеческих ценностей» [24].

Такие суждения тогда заполнили общественное пространство. Вот примеры из гуманитарных трактатов: «При “реальном социализме” мы имели... эксплуатацию и отчуждение, по интенсивности и тотальности не уступавшие эксплуатации и отчуждению в капиталистических странах. ... Требование, которое Маркс предъявлял к общественной собственности – чтобы она одновременно была и индивидуальной. Без этого, по Марксу, невозможно преодоление отчуждения, не произойдет диалектического снятия частной собственности» [116].

Вот еще: «Распад СССР, крушение экономической и социальной систем в бывших социалистических странах Европы наряду с ярко выраженными субъ-

ективными причинами были обусловлены и объективными причинами – в первую очередь, экономическими. Важнейшей экономической причиной указанного распада является (как это ни странно может показаться) имевшее место в условиях социализма отчуждение непосредственных производителей (как и других членов социалистического общества) от собственности на средства производства и на продукты труда» [117].

Эти примеры можно множить.

Обратимся к источнику, из которого российские гуманитарии – от левых коммунистов до неолибералов – черпают идеи и вдохновение, чтобы превратить в пугало советскую реальность. Философ (тогда ведущий научный сотрудник Института социологии АН СССР, а позже профессор социологического факультета МГУ) А.И. Кравченко опубликовал в 1990 г. большую статью «Мир наизнанку» – так он квалифицировал советское общество. Он начинает статью так:

«Безо всякого преувеличения категория «социальная превращенная форма» обладает столь же мощным эвристическим потенциалом, как, например, категория “идеальный тип”, сформулированная и впервые широко апробированная в социологии Максом Вебером. Между тем, история распорядилась иначе: “идеальный тип”, который до Вебера использовался Марксом, прочно вошел в арсенал социологической науки. Этого, к сожалению, нельзя сказать о “социальной превращенной форме”. Видимо, причиной служит трудность понимания данной категории, окончательного разъяснения которой ее автор не оставил.

Насколько нам известно. Маркс употребил этот термин только один раз в жизни — во втором черновом варианте “Капитала”, т. е. в окончании экономической рукописи, созданной в период с августа 1861 по июль 1863 г...

Обращает на себя внимание тот факт, что понятия “социальная превращенная форма” и “отчуждение” используются Марксом как рядоположенные, но не обязательно как синонимы. Их парное употребление свидетельствует скорее о том, что оба понятия стоят среди важнейших, принципиальных по своей значимости экономико-социологических категорий... Категория “превращенная форма” относится не только к числу самых важных, но и самых ранних в учении Маркса» [118].

Итак, все упомянутые выше сущности, которыми объясняется природа

советского общества, выводятся из категории, которая «относится к числу самых важных в учении Маркса». Но, к сожалению, Маркс употребил термин, обозначающий эту категорию, «только один раз в жизни — во втором черновом варианте “Капитала”...». Отсюда «трудность понимания данной категории, окончательного разъяснения которой ее автор не оставил». Такое обращение с «самыми важными» категориями немисливо ни в какой упорядоченной системе рационального знания. И это называют общественной наукой!

Можно даже предположить, что и сам Маркс в этой категории не разобрался, потому и упомянул ее один раз в жизни во «втором черновике». Но советские философы за нее уцепились, вот что поразительно. И зачем? Чтобы доказать необходимость ликвидации СССР!

Мы категорию «социальная превращенная форма» упомянули здесь потому, что Маркс использует ее как рядоположенную с «отчуждением» или даже как его синоним («хотя и не обязательно»). Странно, впрочем, как может Маркс использовать эту категорию и так, и эдак, «употребив этот термин только один раз в жизни». Скорее всего, всё это примыслили за Маркса уже философы нашего времени.

А.И. Кравченко признает, что и советское обществоведение слабо разобралось в этой категории. Он пишет: «В советской литературе одно из самых ранних — и до сих пор, пожалуй, самых обстоятельных — исследований превращенной формы принадлежит М. Мамардашвили. Согласно его предположению, подобная форма, являясь результатом искажения внутренних связей социальной системы, скрывает их фактический характер, подменяет видимыми, или косвенными. Искаженные связи обретают настолько прочную самостоятельность, что начинают вести себя как отдельное, качественно новое и самостоятельное образование. В этом и состоит проблема превращенной формы: искаженные связи (черты, свойства, качества) настолько очевидны, что их можно фиксировать эмпирическим путем, напротив, о скрытых за ними реальных чертах приходится только догадываться. Превращенная форма выступает своеобразной субстанцией, носителем этой видимости» [118].

Рассмотрим эту конструкцию через призму здравого смысла. Итак, «превращенная форма есть своеобразная субстанция», то есть, сущность, вещество. Но какова познавательная ценность придания форме статуса субстанции, сущности? Все-таки форма и содержание обычно различаются. Далее.

Если превращенная форма «является результатом искажения внутренних связей социальной системы», то почему «искаженные связи очевидны, а о скрытых за ними реальных чертах приходится только догадываться»? Разве «искаженные связи» не стали именно реальными, а «бывшие» реальные связи, существовавшие до искажения, разве не превратились в воспоминание? В чем же иначе «результат искажения» как не в изменении реальности, пусть неприятном? Это рассуждение о мутации субстанции – откат к логике алхимиков.

Что же вытекает из этой конструкции? Допустим, работал человек инженером на заводе, но началась реформа и произошло «искажение внутренних связей социальной системы». В результате инженер стал челноком, а потом бомжем. Его превращенная форма как «результат искажения» – бомж? А «о реальных чертах [инженера?] приходится только догадываться»? Или, наоборот, превращенной формой была именно ипостась советского инженера, а его освобождение от тоталитаризма обнаружило его истинную сущность бомжа? Какого, однако, тумана напустили...

А.И. Кравченко далее цитирует М. Мамардашвили: «Особенность превращенной формы, отличающая ее от классического отношения формы и содержания, состоит в объективной устраненности здесь содержательных определений: форма проявления получает самостоятельное “сущностное” значение, обособляется, и содержание заменяется в явлении иным отношением, которое сливается со свойствами материального носителя (субстрата) самой формы (например, в случаях символизма) и становится на место действительного отношения. Эта видимая форма действительных отношений, отличная от их внутренней связи, играет вместе с тем... роль самостоятельного механизма в управлении реальными процессами на поверхности системы... Прямое отображение содержания в форме здесь исключается».

Вряд ли кто-нибудь смог бы это пересказать, не сверяя каждое слово с текстом. Да и трудно согласиться с этими мыслями. Ведь если «видимая форма действительных отношений играет роль самостоятельного механизма в управлении реальными процессами» и даже «становится на место действительного отношения», то она и должна изучаться как реальное социальное явление, без эпитета «видимое». Вводя подобные понятия и эпитеты, исследователь лишь создает себе возможность играть ими, ничего не объясняя.

Своими словами мысли Маркса и Мамардашвили А.И. Кравченко излага-

ет так: «Маркс описывает важнейшие признаки, отражающие суть явления и его теоретическую матрицу. Первый признак — замещение реальных отношений (между людьми или вещами) символическими (деньгами); второй — замещение явных отношений, которые эмпирически фиксируются либо переживаются, символическими, невидимыми, скрытыми; третий — доминирование символических и скрытых отношений; четвертый — отрыв такого рода иллюзорных (ненастоящих) отношений от нормальных (реальных) и превращение их в самостоятельную сущность, господствующую над людьми. Символические отношения, затаившиеся при нормальном ходе вещей на втором плане и вдруг выступившие на первый — это, по существу, абстрактные отношения. Нормальное отношение — это обмен товаров между людьми. Даже вторжение денег в качестве посредника еще не преворачивает первоначального отношения. Но вот когда деньги, символизирующие стоимость (которая и есть абстрактное отношение), начинают подчинять себе обычные человеческие отношения, т. е. когда человек становится рабом денег, тогда и только тогда можно говорить о превращенной форме. В качестве посредника могут выступать не только деньги, но и, например, документы» [118].

Ничего себе, теоретическая матрица... Нормальное отношение — это обмен товаров между людьми, а если вторгаются деньги, человек становится их рабом... Что за мистика!

А.И. Кравченко делает многозначительное заявление: «Определение превращенной формы, данное Марксом в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» [Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42], важно для нас во многих отношениях. Оно завершает начатый ранее анализ, доводит его до логического конца, до совершенной ясности».

В поисках «логического конца и совершенной ясности», я несколько раз провел поиск слов «превращен» и «форма» в машиночитаемом тексте «Экономическо-философских рукописей 1844 года», но словосочетания «превращенная форма» найти не удалось. Наверное, оно и вправду только один раз появилось, в другом черновике. Ничего, зато половина этих рукописей посвящена рядоположенной сущности – отчуждению. А.И. Кравченко тоже признает, что это «похожие категории»: «В отчуждении какое-то качество человека, черта межличностных или общественных (коллективных) отношений отрывается от носителя (субъекта) этих качеств или черт и становится чем-то

самостоятельным, а затем и господствующим над субъектом. Для Маркса было неважно, переживает как-то индивид состояние отчуждения или нет. Для него отчуждение — объективно существующее отношение коллективного бытия людей, независимое от их воли и сознания».

Тут, на мой взгляд, нет «совершенной ясности». Что значит, что «какое-то качество человека отрывается от него и становится чем-то самостоятельным»? Это уже в стиле Кафки.

А.И. Кравченко с уважением пишет о методологии Маркса: «Как правило, у Маркса не прослеживается одна-единственная трактовка проблемы, напротив, в его работах встречаются самые разные, едва ли не отрицающие друг друга оценки: отчуждение то разрастается у него до метафизического знака, под которым проходит развитие современной цивилизации, то сводится чуть ли не к технической операции, например, отделению (отчуждению) работников от управления. Нет единства у Маркса и в понимании превращенной формы. В одном случае она выражает результат технико-экономического по своей сути процесса обращения капитала, в другом разрастается до вселенских масштабов раздвоения мира. Маркс понимает превращение то как всецело позитивный процесс, то как однозначно негативный. Какой-то устоявшейся трактовки он не дал и, видимо, подобной цели не преследовал вовсе» [118].

Ну, не дал Маркс «какой-то устоявшейся трактовки», так зачем вы пристегиваете его к своим собственным трактовкам, тем более таким сырым и неубедительным? Если «Маркс понимает превращение то как всецело позитивный процесс, то как однозначно негативный», то какое у вас право ссылаться на Маркса, проклиная советский строй за его «превращенные формы»?

И уж совершенно нелогичным является довод, что для Маркса неважно, «переживает как-то индивид состояние отчуждения или нет». Представьте: жили себе люди, радовались жизни, работали на родном заводе, никакого отчуждения не переживали. Явились философы с социологами и начали убеждать, что этот завод и эта работа – фикция, превращенная форма, отчуждение. Людям стало стыдно, и они отдали завод Абрамовичу, перестали рожать детей и спились. А если кто-то из них просил философов объяснить, что это за отчуждение такое и как они его узрели, то его заставляли выучить пару абзацев из Мамардашвили. Результат - волна суицидов.

А что, если не искать невидимые субстанции, о которых «приходится

только догадываться», а принимать за реальность именно то, что мы можем наблюдать эмпирически? Иными словами, принимать за социальные отношения то, что люди «субъективно переживают». Не даст ли нам такой подход более достоверное знание? Возьмем родственное отчуждению явление – неравенство. Ведь социальный характер этому явлению придают именно субъективные переживания, представляющие собой исторически обусловленный продукт культуры.

Л.Г. Ионин пишет (1996): «Неравенство людей является эмпирическим фактом... О социальном неравенстве можно говорить только тогда, когда важность различий людей по какому-то из... параметров закреплена институционально и сделана базисным принципом классификации. Несмотря на наличие объективного неравенства, ... социальное неравенство не возникает, пока оно не осознано и не интерпретировано как таковое.

Обратимся к традиционному обществу. Здесь социальное неравенство не выглядит и не является проблемой, ибо объективное неравенство в этих обществах воспринимается как часть божественного порядка. Принцип вертикальной классификации интерпретируется как частное проявление идеи мирового порядка – божественной иерархии, воплотившейся в иерархии сословий и каст. Такая (или подобная) теория характерна для всех традиционных обществ, где бы они ни существовали, в частности же, она ярко проявилась в европейском средневековье.

Наиболее выразительные последствия социальная дифференциация имела в индийской кастовой системе, где объективно выражавшееся неравенство достигло максимума возможного. Но, парадоксальным образом, это неравенство не только не способствовало стремлению к социальному равенству, но даже затрудняло его: божественное происхождение неравенства затрудняло истолкование кастовой системы как выражения социального неравенства...

Переопределение ситуации произошло в XVIII веке с подъемом буржуазного класса. Вообще-то дело выглядело так, будто в этот период социальное неравенство было открыто, обнаружено, так сказать, как реальность, до того успешно скрывавшаяся от пытливого человеческого ума» [119].

Напрашивается аналогия: пока отчуждение не переживается индивидами, «пока оно не осознано и не интерпретировано как таковое», его не существует как социального. В советском обществе оно не таилось под маской превращен-

ной формы, а было изобретено усилиями философов и социологов, которые прочитали о нем у Маркса, а как поняли – до сих пор неизвестно. Возможно, они вообще не задумывались о смысле, а просто подыскивали идеологический инструмент для задуманной в 60-е годы перестройки. Во всяком случае, они успешно налили яду в ухо задремавшему советскому человеку.

Обратимся к тем положениям Маркса, из которых сварили этот яд элитарные советские философы. Вот эти положения из «Экономическо-философских рукописей 1844 года»:

«В чем же заключается отчуждение труда? Во-первых, в том, что труд является для рабочего чем-то внешним, не принадлежащим к его сущности; в том, что он в своем труде не утверждает себя, а отрицает, чувствует себя не счастливым, а несчастным, не развивает свободно свою физическую и духовную энергию, а изнуряет свою физическую природу и разрушает свои духовные силы. Поэтому рабочий только вне труда чувствует себя самим собой, а в процессе труда он чувствует себя оторванным от самого себя. У себя он тогда, когда он не работает; а когда он работает, он уже не у себя. В силу этого труд его не добровольный, а вынужденный; это — принудительный труд...

Отчужденность труда ясно сказывается в том, что, как только прекращается физическое или иное принуждение к труду, от труда бегут, как от чумы. Внешний труд, труд, в процессе которого человек себя отчуждает, есть принесение себя в жертву, самоистязание. И, наконец, внешний характер труда проявляется для рабочего в том, что этот труд принадлежит не ему, а другому, и сам он в процессе труда принадлежит не себе, а другому... Деятельность рабочего не есть его самостоятельность. Она принадлежит другому, она есть утрата рабочим самого себя.

В результате получается такое положение, что человек (рабочий) чувствует себя свободно действующим только при выполнении своих животных функций — при еде, питье, в половом акте, в лучшем случае еще расположась у себя в жилище, украшая себя и т. д., — а в своих человеческих функциях он чувствует себя только лишь животным. То, что присуще животному, становится уделом человека, а человеческое превращается в то, что присуще животному» [120, с. 90-91].

Прошу прощения у товарищей марксистов, но все это мне кажется плодом воображения молодого Маркса (а может, даже превращенной формой его

воображения). И эти фантазии он принимал за реальную сущность, а реального рабочего – хоть английского, хоть русского – за «превращенную форму». Ну можно ли всерьез принимать утверждения, что когда рабочий, «расположась у себя в жилище», садится с семьей за стол или обнимает любимую («совершает половой акт»), он «выполняет свои животные функции»? Неужели советские философы и социологи действительно включили этот гениальный бред в свою когнитивную матрицу – или они просто были ландскнехтами идеологической войны против СССР?

Парадоксальны и политэкономические обоснования деградации рабочего, которую Маркс провидел под маской превращенных форм:

«Согласно законам политической экономии, отчуждение рабочего в его предмете выражается в том, что чем больше рабочий производит, тем меньше он может потреблять; чем больше ценностей он создает, тем больше сам он обесценивается и лишается достоинства; чем лучше оформлен его продукт, тем более изуродован рабочий; чем культурнее созданная им вещь, тем более похож на варвара он сам; чем могущественнее труд, тем немощнее рабочий; чем замысловатее выполняемая им работа, тем большему умственному опустошению и тем большему закабалению природой подвергается сам рабочий» [120, с. 89].

Интересно, что на это сказал бы М. Мамардашвили? И что на это говорит А.И. Кравченко своим студентам в МГУ? Ведь надо разъяснять положения, которые кладутся в основу современной концепции.

Маркс подчеркивает, что отчуждение возникает не только в процессе производства, оно тотально, вплоть до *самоотчуждения*: «Мы рассмотрели акт отчуждения практической человеческой деятельности, труда, с двух сторон. Во-первых, отношение рабочего к продукту труда, как к предмету чуждому и над ним властвующему. Это отношение есть вместе с тем отношение к чувственному внешнему миру, к предметам природы, как к миру чуждому, ему враждебно противостоящему. Во-вторых, отношение труда к акту производства в самом процессе труда. Это отношение есть отношение рабочего к его собственной деятельности, как к чему-то чуждому, ему не принадлежащему. Деятельность выступает здесь как страдание, сила — как бессилие, зачатие — как оскопление, собственная физическая и духовная энергия рабочего, его личная жизнь (ибо что такое жизнь, если она не есть деятельность?) — как по-

вернутая против него самого, от него не зависящая, ему не принадлежащая деятельность. Это есть самоотчуждение, тогда как выше речь шла об отчуждении вещи» [120, с. 93].

Деятельность выступает как страдание, сила — как бессилие, зачатие — как окоспление! И на этой схоластике строится доктрина разрушения жизнеустройства огромной страны!

Надо вспомнить и представление Маркса об истоках отчуждения. Он пишет:

«Разделение труда есть экономическое выражение общественного характера труда в рамках отчуждения. Иначе говоря, так как труд есть лишь выражение человеческой деятельности в рамках отчуждения, проявление жизни как ее отчуждение, то и разделение труда есть не что иное, как отчужденное, полагание человеческой деятельности в качестве реальной родовой деятельности, или в качестве деятельности человека как родового существа» [120, с. 137].

А когда же возникло, по Марксу, разделение труда, а за ним частная собственность и отчуждение? Читаем в «Немецкой идеологии»:

«...Развивается и разделение труда, которое вначале было лишь разделением труда в половом акте... Следовательно, дана и собственность, зародыш и первоначальная форма которой имеется уже в семье, где жена и дети – рабы мужчины. Рабство в семье – правда, еще очень примитивное и скрытое – есть первая собственность, которая, впрочем, уже и в этой форме вполне соответствует определению современных экономистов, согласно которому собственностью есть распоряжение чужой рабочей силой. Впрочем, разделение труда и частная собственность, это – тождественные выражения» [121].

Но ведь это – модернистская версия ветхозаветной идеи первородного греха! Как можно было в конце XX века включать ее в методологическое основание рациональной социологии?

Как же видит Маркс светлое будущее, в котором будет устранено отчуждение? Вот как: «Упразднение всякого отчуждения, то есть, возвращение человека из религии, семьи, государства и т. д. к своему человеческому, т. е. общечеловеческому бытию» [120, с. 117].

Выходит, жить человеку в лоне семьи и государства (страны) – это отчуждение, превращенная форма, а «вернуться» к истинно человеческому бы-

тию – значит сбросить эти оковы. А что значит «вернуться»? Когда раньше человек был таким свободным – без семьи, без религии? Только до грехопадения. Обо всем этом во время перестройки наши философы разумно умалчивали. Видимо, понимали, что даже самые восторженные демократы от них отшатнутся.

Представление Маркса о будущем без отчуждения - это вывернутый наизнанку кальвинистский идеал индивида, который надеется быть причисленным к числу избранных. Вебер пишет: «Общение кальвиниста с его Богом происходило в атмосфере полного духовного одиночества... Каждый, кто хочет ощутить специфическое воздействие этой своеобразной атмосферы, может обратиться к книге Беньяна «Pilgrim's progress» {Путешествие пилигрима} получившей едва ли не самое широкое распространение из всех произведений пуританской литературы. В ней описывается, как некий «христианин», осознав, что он находится в «городе, осужденном на гибель», услышал голос, призывающий его немедленно совершить паломничество в град небесный. Жена и дети цеплялись за него, но он мчался, зажав уши, не разбирая дороги и восклицая: «Life, eternal life!» {Жизнь! Вечная жизнь!}... И только после того, как паломник почувствовал себя в безопасности, у него возникла мысль, что неплохо бы соединиться со своей семьей» [122].

Посмотрим, как понятие «отчуждения» применялось в подрыве легитимности советского строя. Вот уж, действительно, всесильное учение – самые туманные высказывания Маркса можно было трактовать совершенно произвольно, наши демократические гуманитарии и впрямь сумели сломать «механизмы торможения» в интеллектуальной сфере.

А.И. Кравченко даже дефицит представил как превращенную форму (видимо, он считает, что дефицит маскирует изобилие, о котором надо догадываться). Он пишет: «Трудовая деятельность человека, лишенная своей действительной общественной связи, выражаясь словами молодого Маркса, оказывается мукой, а “его собственное творение — чуждой ему силой, его богатство — его бедностью, сущностная связь, соединяющая его с другим человеком, — несущественной связью... его производство — производством его небытия, его власть над предметом оказывается властью предмета над ним”.

К примеру, постоянный дефицит товаров не только парализует социальную активность, создает напряженность в отношениях между людьми и

открывает широкие каналы для спекуляции и хищений. Выражаясь языком социологической теории, товарный дефицит при социализме — это такое положение дел, когда производство общественного богатства становится производством общественного небытия» [118].

Как это понять, товарищи марксисты? Как и почему при социализме «производство общественного богатства [например, колбасы или колготок] становится производством общественного небытия»? Что это за «социологическая теория», на языке которой написаны подобные законы общественного развития?!

Смысл всех этих парадоксов – представить советскую производственную систему «производством общественного небытия», а богатство советского человека — его бедностью... Ну, внушили людям эти фантомы – и что они видят? Витрины магазинов ломаются от «товарного изобилия», а веет общественным небытием. За ночным окном - туман...

В статье А.И. Кравченко после теоретического введения, со ссылками на Маркса, Вебера и Мамардашвили, следуют почти 20 страниц текста (по 1800 знаков) с перечнем дефектов советского бытия, якобы порожденных отчуждением. Начинается на высокой ноте – горнее, долнее...

Вот, для примера: «Признак социального паралича — глубоко зашедший процесс отчуждения. Отчужденная форма, которой подчиняются социальные отношения, переворачивает их “таким образом, что человек именно потому, что он есть существо сознательное, превращает свою жизнедеятельность, свою сущность только лишь в средство для поддержания своего существования” [Маркс]...

Превратить свою сущность в средство своего существования — значит принести горнее в жертву долнему, возвышенное — низменному. Унижая свое достоинство, человек дает администратору взятку (хотя это крайне противно ему делать) ради того, чтобы устроить в вуз сына, получить квартиру, продвинуться по службе, т. е. облегчить себе жизнь. Сущность (этические и нравственные принципы, за которые иной готов отдать жизнь) превращается в средство существования... Проводник выдает пассажиру несвежее, судя по всем признакам, использованное белье, провозит за определенную мзду безбилетника. Государственный вагон, доверенный ему в соответствии со служебными обязанностями, превращается в частную лавочку. Иной становится част-

ным кондуктором на государственной дороге, кладет считанную только им вырубку себе в карман... Человек привлечен к уголовной ответственности, а в суд идет положительная характеристика, принятая на общем собрании завода или цеха» [118].

Круто, ничего не скажешь. «Государственный вагон превращается в лавочку» - поистине превращенная форма. А «несвежее, судя по всем признакам, использованное белье» – это и есть «мир наизнанку»! И над всем этим должным советским миром летает дьявол, принявший превращенную форму мохнатой мзды.

Здесь мы не можем даже перечислить плотно упакованные в 20 страниц описания ужасов отчуждения в СССР, остановимся на одном. Это – нарастающие жалобы демократической интеллигенции на то, что рабочие в СССР слишком мало работают. Выходят после смены с завода, как огурчики – шутят, смеются. Да это «признак социального паралича — глубоко зашедший процесс отчуждения»! С 60-х годов плакали над этим на кухнях, а при Горбачеве – на страницах журналов «Коммунист» и «СОЦИС».

А.И. Кравченко пишет: «Будучи реальными потребителями (ибо получают всамделишную зарплату), они не являются никакими реальными производителями. Но не будучи производителями материальной продукции, как они могут получать деньги в качестве рабочих? Символические работники выполняют символический труд, но получают несимволические деньги» [80].

Это уже нечто, в учебниках не описанное. Бывало, что некультурный человек упрекнет философа в очках и шляпе, что он «не является реальным производителем материальной продукции», но такого человека окружающие мягко пожурят, и ему самому будет стыдно. Но чтобы философ бросил такое обвинение рабочим – это прямо-таки новое мышление!

Никаких эмпирических признаков того, что СССР заполонили «символические работники», социолог не называет. Объем продукции промышленности рос непрерывно по 1989 г. и в этот последний год советского хозяйства превысил уровень 1950 года в 16,8 раз. Замечу, что промышленность производит именно материальную продукцию. За те же 40 лет число промышленных рабочих выросло в СССР в 2,63 раза. Значит, один рабочий в среднем стал производить материальных ценностей в 6,4 раза больше. Завод (и даже цех) – сложная система, вычленив вклад каждого рабочего в создание любого изделия

невозможно, да такой нелепой задачи никто и не ставил. Почему же в головах советских социологов стал бродить этот странный призрак «дяди Васи, который ничего не производит, но получает всамделишную зарплату»? Ведь это — загадка нашей культуры. Мне кажется, просто дядя Вася им стал несимпатичен как антропологический тип. Ах, этот homo sovieticus!

В обоснование своего вывода А.И. Кравченко выдвигает целую концепцию: «Как известно, человеческий труд выступает, с одной стороны, как преобразование вещества природы по заранее составленному плану, а с другой — как затраты физических и умственных сил человека, напряжение тех органов, с помощью которых осуществляется трудовая деятельность. Можно ли представить себе такой труд, в котором присутствовала бы только одна его сторона, допустим, усилия затрачиваются, а никакого выпуска продукции не происходит?

Если судить с точки зрения здравого смысла, то, конечно, нет. Труд потому и называют производительным, что он добавляет нечто новое: новые автомобили, жилые здания, радиоприемники или инженерные разработки. Но представить себе затраты физических и умственных усилий, ничем не завершающиеся, как-то сложно. Тем не менее, такой “труд” существует и его можно назвать непроизводительным. Как и производительный, он имеет множество конкретных форм и разновидностей» [118].

Примечательно предупреждение, что эта концепция противоречит здравому смыслу. Казалось бы, нормы рациональности должны были заставить автора выявить и разрешить это противоречие, примирить свою концепцию с реальностью. Но нет, пренебрежение здравым смыслом в 1990 г. считалось признаком элитарности.

А.И. Кравченко пишет: «Нет ничего удивительного в том, что в одной плоскости социализма существуют реальные достижения (пусть весьма скромные) и явные извращения... Сюда же следует отнести отчуждение труда, которое якобы совсем не характерно для социализма, скрытую эксплуатацию труда со стороны государства, содержащего раздутый бюрократический аппарат именно на вычеты, изъятия прибавочной (и в значительной мере основной) СТОИМОСТИ продукта труда рабочих. В том же ряду условий, порождающих превращенные формы, т. е. двойной мир ценностей, стоят и такие категории, как товарный характер рабочей силы и наемный труд, безработица и принуди-

тельный характер труда — и все это как реальные, а не мнимые “достижения социализма”...

Другой показатель превращенной формы социальной организации – “работа с прохладцей”, но не на индивидуальном, а на коллективном уровне... Рабочие, объединенные в бригаду, стремятся сделать не больше, а как можно меньше за день. С этой целью они приостанавливают работу еще до окончания смены. Нормальная же организация труда побуждает индивида давать максимум, а не минимум продукции» [118].

Это – умозрительная конструкция с нарушением меры. И люди, и коллективы переживают неудачи, моменты недомогания, даже болезни – лечатся, ищут новые формы. Так везде. Другое дело, что сильные мира сего решили уничтожить советский строй как тип жизнеустройства, и для этого надо было заполнить разум и чувства людей философской схоластикой.

Вдумайтесь в логику аргументов А.И. Кравченко: «Превращенной формой безработицы на полном основании надо считать дефицит рабочей силы... Уничтожив безработицу, ... социализм породил совсем иное явление – “превращенную безработицу в форме избытка рабочих мест”... Рабочей силы не хватает именно потому, что на большинстве предприятий раздутые штаты, а это, в свою очередь, вызвано недостаточной квалификацией их труда. Там, где на зарубежном предприятии трудятся двое, у нас – пятеро (официальный уровень производительности труда в советской промышленности ниже американской в 2,5 раза)» [118].

Ну как можно дефицит рабочей силы назвать формой безработицы, причем «на полном основании»? Ведь в следующей строке сам автор пишет, что рабочей силы не хватает потому, что «там, где на зарубежном предприятии трудятся двое, у нас — пятеро». А это, в свою очередь, вызвано недостаточной квалификацией наших рабочих (точнее сказать, отставанием в технологии). Подумайте, можно ли компенсировать это отставание, просто уволив трех рабочих из пяти? Так, чтобы в США было два рабочих – и у нас два. Догнали США по производительности труда! Собственно, реформаторы так и поступили – выбросили из промышленности России половину рабочих и инженеров, продали станки на металлолом и закупили яхт. Теперь у нас нет превращенной формы безработицы, она стала истинной (глядишь, философы назовут ее горней).

А дальше рассуждения об отчуждении и впрямь идут уже в стиле Кафки:

«Зависимость от безличной рыночной стихии психологически переносится легче, чем зависимость от вполне реальной личности бюрократа, узурпировавшего право распоряжаться общественной собственностью. Если с превращенной формой оперируют как с реальной, это очевидный признак того, что она приобрела черты какой-то квазисубстанциональности – самостоятельной, хотя и ложной первоосновы вещей. Превращенная безработица увеличивалась как раз в те годы (60-е), когда в стране был пик экстенсивного развития экономики. Пустые рабочие места создавались путем строительства новых предприятий... Появление “мертвых душ” – не просто возникновение несуществующих людей, а как бы недееспособных» [118].

Пустые рабочие места, несуществующие люди, квазисубстанциональность... И это - о 1960-1970-х годах, когда было создано 80% промышленного потенциала страны, распродавая и проедаая который мы еще худо-бедно существуем.

С момента публикации той статьи прошло 23 года. Конечно, было бы гораздо лучше, если бы видные идеологи перестройки сами подвергли рефлексии собственные заявления и объяснили читателям методологические установки, которые привели их к тем выводам. Но это у нас не принято, и мы так и не знаем, как получилось, что влиятельная часть нашей гуманитарной элиты помогла толкнуть общество на тропу, которая привела общество к бедствию и массовым страданиям. Если же идеологи того поворота и сегодня считают те свои установки верными, результаты их рефлексии были бы вдвойне важными и интересными.

10. Ликвидация системы ирригации и мелиорации

В 2010 году лето принесло нам природное бедствие – жару и засуху. Это тяжелое испытание регулярно (примерно каждые 25 лет) посещает Россию. Жара и засуха – неотъемлемая часть той природной среды, в которой судьба определила нам жить. Мы обязаны к этой беде быть готовы и переживать ее сообща. Для этого мы имеем разум, опыт, науку и народное хозяйство. Уже 25 лет во всех этих защитных средствах происходят изменения.

Примерно пять поколений нашего народа, жившие в советское время, вы-

строили для России *национальную систему* защиты от засухи. Это строительство было большим делом, ради которого те поколения отказывались от большой доли личного потребления. Они создали большую техническую и социальную систему, соответствующую природным и ресурсным условиям России, и эта система была эффективной.

В последние четверть века эту систему осмеяли, оклеветали – и *разрушили*. И вот, когда это дело практически завершено, в Россию приходят жара и засуха. И оказывается, что систему защиты, которую наши нынешние поколения получили в наследство и уничтожили, *ничем не заменили*.

Разум, опыт и наука уже в XIX веке определили, что жару и засуху как фактор нашего климата можно смягчить лишь изменяя «*микроклимат*» в зонах, где дуют суховеи и случаются засушливые годы. Для этого надо принимать лесо- и водоохранные меры, а также более крупные программы строительства каналов, водохранилищ и оросительных систем, мелиорации земель.

Крупномасштабная программа была начата в 1948 году (это называлось «Сталинский план преобразования природы»). Ее концепция вытекала из трудов почвоведов и аграриев – В.В. Докучаева, П.А. Костычева и других. Первая лесополоса (более тысячи километров) пролегла от Урала до Каспийского моря. Общая протяжённость крупных государственных полезащитных полос превышала 5 300 км, в них было посажено 2,3 млн га леса. Позже в РСФСР только за 1965-1980 гг. было посажено 12,4 млн га леса.

Одновременно начали строить оросительные системы. В СССР было создано около 4 тыс. водохранилищ, вмещающих 1200 куб. км воды. Они позволили улучшить окружающую среду, создать большую систему водных путей, урегулировать сток множества рек, получать большое количество дешевой электроэнергии, использовать накопленную воду для орошения полей и садов. В 1960 году площадь орошаемых земель составляла в РСФСР 1,3 млн га, а к 1980 году выросла до 5 млн га, а в 1990 году – 6,2 млн га орошаемых земель. При этом степень использования оборудованных для орошения земель в 80-е годы составляла 95%.

Как эта программа оценивалась той авторитетной группой обществоведов, которая стала доминировать в годы перестройки? Эта программа была представлена как коллективный враг народа. Началась идеологическая подготовка к ликвидации ирригационной системы России. Многие академики и про-

фессора утверждали, что строительство в СССР водохранилищ и стоящих на них ГЭС было следствием абсурдности плановой экономики и нанесло огромный ущерб России. Само слово «мелиорация» было превращено в 80-е годы в пугало³⁸.

Н.П. Шмелев, депутат Верховного Совета, ответственный работник ЦК КПСС, ныне академик, пишет в программной книге «На переломе: перестройка экономики в СССР» (1989): «Рукотворные моря, возникшие на месте прежних поселений, полей и пастбищ, поглотили миллионы гектаров плодороднейших земель».

Шмелеву рукоплескали, хотя, чтобы увидеть нелепость этого утверждения, достаточно было протянуть руку и взять справочник. При строительстве водохранилищ в СССР было затоплено 0,8 млн га пашни из имевшихся 227 млн га – 0,35% всей пашни. Водоохранилища позволили оросить 7 млн га засушливых земель.

Во время реформы лесовосстановительные работы были свернуты, гибель лесонасаждений стала намного превышать объем посадок (в 2005 году в пять раз). Лесополосы стали интенсивно вырубаться под коттеджную застройку или с целью получения древесины. Ввод в действие орошаемых земель прекратился, прекратились также работы по ремонту и реконструкции имевшихся ирригационных сооружений. Система стала разрушаться и выводиться из строя. Что мы потеряли, бросив эти системы на произвол судьбы, видно на примере наводнений и гибели людей на Северном Кавказе в 2002 и 2012 гг.

В 1984 году российские села получили для орошения и хозяйственных нужд 27 куб. км воды. С 2004 года снабжение сельского хозяйства водой колеблется на уровне около 8 куб. км. После 1997 года Росстат перестал публиковать данные о площади орошаемых земель. Другим показателем деградации ирригационного хозяйства России служит динамика парка поливных и дождевальных машин. Парк этих машин за годы реформы сократился почти в 15 раз и продолжает неуклонно сокращаться. В 2009 году на всю РФ было приобрете-

---

³⁸ Отставание России от мирового уровня в использовании водохозяйственного потенциала было колоссально, но общество легко приняло ложь о том, что водное хозяйство приобрело у нас безумные масштабы – ну как не поверить слову ученых! Когда велась кампания против водохранилищ, в США было 702 больших водохранилища, а в России 104. А больших плотин (высотой более 15 м) было в 2000 г. в Китае 24 119, в США 6 389, в Канаде 820, в Турции 427 и в России 62 [107].

но 55 дождевальных машин и установок (а списано 305). Российские поля оказались беззащитными перед засухой.

Кампания 1980-90-х годов против мелиорации и ирригации, против строительства водохранилищ, ГЭС и каналов – большая культурная программа, основанная на мифотворчестве. В ней приняли участие видные обществоведы и гуманитарии. Они подрядились как идеологические кадры для дискредитации всей водохозяйственной политики СССР под экологическими лозунгами.

Сейчас, когда результат их усилий налицо – дали они хоть какое-нибудь объяснение своей позиции коллегам? Никакого! Как же они могут продолжать носить свои научные титулы? Как им можно и дальше верить и поручать писать всякие «стратегии»? Ведь диверсант, уйдя на пенсию, должен тихо сидеть в своем коттедже, выращивать розы и не высовываться.

Летом 2010 года в засушливых областях России стали служить молебны. 7 июля «Известия» сообщали: «В Нижегородской области, где установилась аномальная жара, в храмах прихожане и священнослужители молятся о ниспослании дождя. В пресс-службе Нижегородской православной епархии сегодня сообщили, что молебны о дожде проходят ежедневно во всех приходах области».

И власти, и их идеологическая рать, видимо, довольны – конфликт исчерпан, люди не думают о восстановлении ирригационных систем, о производстве и поставках дождевальных машин и доступности электрической энергии. Они молятся о ниспослании дождя.

10. Почему антисоветская революция перерастает в перманентную?

Опыт антисоветского проекта, начиная с конца 50-х годов, наводит на такой вопрос. Почему значительная часть советских гуманитариев, начав свою миссию с экзальтированного марксизма, плавно сдвинулись к антисоветизму, затем антикоммунизму, проникнутому революционной страстью, а одержав победу, не увлеклись строительством буржуазного общества, а направили революционный пыл на их же собственную «либеральную» власть? Напрашивается два объяснения. Первое: это особая субкультура, которая отвергает лю-

бую совместимую с размеренной жизнью политическую систему – бунтари с мессианскими заскоками. Второе: Эта их революционная ненависть направлена не на какой-то социальный строй или политическую систему, а именно на Россию и ее государственность как имманентное зло. Как бы ни утряслась жизнь в России, хотя бы для передышки людей, ее надо сломать, даже если никакого внятного положительного проекта у них нет. Если они кого-то и уважают (или даже любят), то только Ельцина, как явно деструктивного лидера.

В любом случае очень странно, что подобные люди сумели собраться в сообщество и, подталкивая друг друга, подняться в элиту и даже получить очень заманчивые титулы. Сейчас, после тяжелейших тридцати лет, можно предположить, что организованное сообщество таких людей, влияющее на государственную власть, весьма опасно для страны и нации. Лучше бы им давать привилегированные позиции, но подальше от власти. Что-то подобное пережил после революции Бонапарт. Во Франции «властители дум» образовали сплоченное сообщество, в нем довольно быстро возникло самосознание и началась теоретическая работа. Здесь впервые и появилось слово *идеология* и была создана влиятельная организация – *Институт*, в котором заправляли идеологи [108]³⁹. Они создавали «науку о мыслях людей», хотя в категорию *мысли* они включали также чувства, желания и воспоминания.

В декабре 1797 г. идеологи приняли в члены своего очень узкого кружка («Института») поднимающегося к власти Наполеона. В свою очередь и он правильно оценивал важность этого союза, так что даже будучи уже членом Директории, подписывался «генерал Наполеон Бонапарт, главнокомандующий, член Института». Позже, когда Наполеон стал Первым консулом, а идеологи продолжали претендовать на слишком большое участие во власти, он велел поставить их на место, дав необычно большое жалованье (он сказал о директоре Института и одном из основателей клуба якобинцев Э.Ж. Сьейесе: «Что касается денег, он реагирует очень положительно. За достаточно большую сумму забывает о своих конституционных мечтаниях»). Кое-кто из Института оказался, однако, строптивым – жалованье взял, но воду продолжал мутить. Тогда Наполеон опубликовал в газете блестящую, великолепную статью против идеологов – тех, кто «дуриет людям голову». Опубликовал анонимно, но так,

---

³⁹ Впрочем, сами себя они называли «идеологисты», а идеологами их потом стал презрительно называть Наполеон.

что все знали, кто действительный автор. Звезда тех идеологов закатилась, но дело продолжало жить, и место идеологов во власти определилось четко – получать большое жалование, но быть в тени. Кстати, унеся ноги из России, 20 декабря 1812 г. на заседании Государственного Совета Наполеон возложил вину за поражение именно на идеологов, которые, мол, навязывали народу свои туманные хитроумные концепции, вместо того, чтобы изучать уроки истории. Жаль, что наши идеологи не читают Наполеона.

Классическим примером перманентного революционера можно считать А.И. Солженицына. Он отверг и советский строй, и совершенно антисоветский режим Ельцина – начал его порицать сразу, явившись в Россию. Из этого сообщества выпадает А.А. Зиновьев: он хоть и готовил покушение на Сталина и писал едкие антиутопии на советский строй, но, повидав постсоветскую Россию, он стал искренним приверженцем СССР и назвал Сталина самым великим политиком. Иными словами, он разумно искал *положительный* идеал и после сравнения альтернатив рационально остановился на возможной и осуществленной системе – пусть и после ее гибели.

Но пройдем по следам академика А.Н. Яковлева. Выше приведены его квалификации советскому строю, высказанные публично, когда это стало возможным. Но что дальше? Вроде все прекрасно, можно сеять доброе, вечное. Но как будто морда зверя или беса глядит на него из каждого куста: «Опрокинута система ленинско-сталинского фашизма, положено начало построению гражданского общества социального либерализма. Но только начало. Социалистическая номенклатура, дождавшись своего часа, снова пытается вернуть общество в стадо с его привычной рабской психологией» [39, с. 632].

Но это – пока что мягкий упрек тем, кто увлекся «построением гражданского общества социального либерализма» и утратил бдительность. Приходится прямо указать на логово зла и возвать «К оружию, граждане!»: «Форсированная бюрократизация демократии может привести к ее падению без всяких мятежей и бунтов. И решающую роль в переходе к масштабному авторитаризму сыграет чиновничья номенклатура. Если народы России хотят быть свободными гражданами и хозяевами, они должны начать настоящую освободительную борьбу против диктатуры чиновничества и воровского бизнеса, которые намертво связаны между собой» [39, с. 654].

Его поддерживает молодая смена – еще не академик, но опытный практик

и директор Института (почти как яkobинец Сьейес) – Е.Т. Гайдар. Он представляет всю историю России как сплошное «красное колесо»: «В центре этого круга всегда был громадный магнит бюрократического государства. Именно оно определяло траекторию российской истории... Необходимо вынуть из живого тела страны стальной осколок старой системы. Эта система называлась по-разному – самодержавие, интернационал-коммунизм, национал-большевизм, сегодня примеривает название «державность». Но сущность всегда была одна – корыстный хищнический произвол бюрократии, прикрытый демагогией» [109].

И это пишет премьер-министр, только-только покинувший свой кабинет (1994 г.)!

А.Н. Яковлеву и Е.Т. Гайдару в их ненависти к чиновникам вторит Е.Г. Ясин. Для него бюрократы и государственники – враги, антиподы либералов. Их укрепление он трактует как «полицейское государство» (а кое-кто из этой «партии» прямо говорит о «фашистском государстве»). Ясин заявил в обращении к «демократам»: «События вокруг ЮКОСа – это шаг к победе бюрократии над бизнесом... Это шаг от управляемой демократии к полицейскому государству... До недавнего времени казалось, что президент стоит над схваткой, что ему для равновесия нужны две стороны – либералы и государственники. Теперь стало ясно, что это не так, по крайней мере, в данный момент. И выбор его очевиден» [104].

Ясин угрожает В.В. Путину мобилизацией всего «класса» новых собственников и экономическим саботажем: «Владельцы компаний всех размеров формируют единый фронт для защиты своих интересов... И так, позиция президента ясна и менять ее он не собирается. Получается, на события могут повлиять только бизнесмены: замедление экономического роста, сопровождаемое бегством капиталов...» [104].

Экономист рангом пониже, хоть и член-корр. АН СССР, П. Бунич тоже подал слабый клич: «Мы одной крови, вы и я!». Сразу после разгрома ГКЧП он признался: «Моя позиция была известна всей сознательной жизнью, непрерывной борьбой с государственным монстром» (как говорится, сохраним стиль автора). Человек выучился на экономиста и нанялся к «государственному монстру» работать ради улучшения его экономики. Получал хорошую зарплату, премии и ласки – а оказывается, все это время неустанно стремился на-

нести своему работодателю вред, тайно боролся с ним!

После «Норд-Оста» и Беслана число граждан, которые сомневались в способности правительства защитить их от терроризма, увеличилось в полтора раза – с 50 до 75%. А.Н. Яковлева спрашивают: «Не жалеете, что в свое время с Горбачевым силовиков не разогнали?» И он подливает масла в огонь: «Я думаю, это наша ошибка. Что касается монстра, я бы его ликвидировал... Кстати, по моей записке КГБ был разделен на несколько частей» [110].

Сколько крови и слез стоили нашим людям эти его дела! Но под дудочку этих «архитекторов» еще долго будут доламывать и так уже израненные структуры государства – эта субкультура живуча.

Но все же главный враг А.Н. Яковлева – госаппарат как явление. В одном из своих последних интервью («Независимая газета», 19 апреля 2005 г.) он просто из себя выходит: «Меня тревожит наше чиновничество. Оно жадное, ленивое и лживое, не хочет ничего знать, кроме служения собственным интересам. Ненавидящее людей. Оно, как ненасытный крокодил, проглатывает любые законы, любые инициативы людей, оно ненавидит свободу человека... Я уверен: если у нас и произойдет поворот к тоталитаризму, произволу, то локомотивом будет чиновничество. Распустившееся донельзя, жадное, наглое, некомпетентное, безграмотное сборище хамов, ненавидящих людей» [110].

Казалось бы, это заявление слишком общо. Где же тут конкретный враг народа? Ведь нельзя же совсем без чиновников. Поэтому чуть ниже, вскользь, даются более определенные ориентиры цели: «“Единая Россия” – это некая секта, искусственно созданная чиновничья организация. Я не знаю, сколько у них там рядовых членов, но знаю, что на 90% она состоит из чиновников» [110].

«Единая Россия», разумеется, сама по себе не может быть никому ни врагом, ни другом. Суть в том, что в тот момент это была партия В.В. Путина.

А.Н. Яковлев в унисон с американской прессой бросает В.В. Путину едва ли не главное обвинение: «Создается впечатление, что в то время, как уголовщина ленинско-сталинского режима уходит в прошлое, вой мотора корабля власти остается старым, советским». Вскользь он бросает и «черную метку» фашизма: «Россия больна вождизмом. Это традиционно. Царистское государство, князья, генеральные секретари, председатели колхозов и так далее. Мы боимся свободы и не знаем, что с ней делать. Я понимаю, что тысячу лет жить

в нищенстве и бесправии – другого менталитета не создашь. Отсюда и появляются у нас фашистские группировки. “Идущие вместе”... Завтрашние штурмовики» [110].

Так же вскользь затрагивает и другой больной вопрос, в точности повторяя обвинение Запада: «Или чеченцы... Кто мы такие, чтобы судить-то их? Это они должны нас судить, а не мы. Это перевернутое имперское сознание! И виновата в этом власть. Власть как система, как феномен» [110].

Вот это и есть суть перманентной революции Троцкого: враг – «власть как система, как феномен». Идеал – хаос, который может контролировать только глобальная элита.

Вот, Г.Х. Попов накануне десятилетия Победы «объясняет» гражданам мотивы, по которым власть стала отмечать этот праздник: «Я понимаю, что все это не случайно. Оказавшись почти что у разбитых корыт в Чечне и Беслане, в обещаниях увеличить ВВП и прочих начинаниях, не имея за душой ничего такого, что могло бы вдохновить всех нас, наши лидеры однопартийного разлива собираются ухватиться за шинель Сталина и даже влезть в его сапоги» [111].

И этот человек обучает российских студентов! Ведь он полон ненависти и к государству, и к населению. Таковы и недавние заявления Г.Х. Попова.

Он пишет: «Обозначу сугубо тезисно главные проблемы. Их мы обсуждали в Международном союзе экономистов, и они, надеюсь, будут полезны всем, в том числе участникам встречи двадцати ведущих стран мира...»

Необходимо изъять из национальной компетенции и передать под международный контроль ядерное оружие, ядерную энергетику и всю ракетно-космическую технику. Нужна передача под глобальный контроль всего человечества всех богатств недр нашей планеты. Прежде всего — запасы углеводородного сырья» [55].

Главное для хозяев мира, по его мнению, срочно очистить генофонд человечества посредством массовой выбраковки неплатежеспособных зародышей, запретить плодиться нищим, а число бюллетеней при выборах в Госдуму выдавать в одни руки согласно доходу избирателя. Ну и, на всякий случай, изъять у России ядерное оружие (намек на неполное доверие российским правителям).

Вся эта гвардия стареющих шестидесятников, занимая 30-40 лет ко-

мандные высоты в образовании и учреждениях общественных наук, имела возможность отобрать и воспитать в духе своей парадигмы когорту молодых обществоведов и гуманитариев. В основном они и сидят за рычагами нынешней идеологической машины. Это делает наш кризис почти неизбежным.

Заключение

С конца XX века Россия погрузилась в *системный кризис*. Тяжесть и продолжительность этого кризиса во многом обусловлены тем, что как раз к его началу в СССР «отказало» обществоведение, общественные науки. Отказало в целом, как особая система знания (об отдельных блестящих талантах и коллективах не говорим, не они в эти годы определяли общий фон).

Индустриальное общество не поддается верному описанию в рамках традиционного и обыденного знания; ядро знания об обществе должно быть рациональным, научного типа. Российское обществоведение, в отличие от западного, выросло не из науки, а из русской классической литературы и немецкой романтической философии. В советское время оно было дополнено марксизмом – учением с сильной компонентой романтической философии. Советское обществоведение, которое в методологическом плане ближе к натурфилософии, чем к науке, потерпело полное фиаско.

Как и у всякой науки, главная функция общественных наук заключается в том, чтобы *формулировать запреты* - предупреждать о том, *чего делать нельзя*. Обществоведение обязано выявлять те опасности, которые таятся в самом обществе людей – указывать, чего нельзя делать, чтобы не превратить массу людей в разрушительную силу. Этой функции наше обществоведение не выполнило. Более того, элита сообщества обществоведов большей части перешла в 80-е годы на антисоветские позиции и стала ударной силой идеологической войны против СССР. Произошел отход от основных норм научного познания, отброшена беспристрастность и ориентация на истину, целью стало уничтожение «империи зла» и советского строя.

В результате была деформирована когнитивная (познавательная) структура российского обществоведения, и его сообщество распалось. Постсоветская Россия, погружавшаяся в кризис, осталась без опоры на достоверное знание о драматических и необычных общественных процессах, которые разыгрались в Евразии. Это усугубило массовые страдания населения, ускорило дезинтеграцию общества и народа, резко ослабило государство.

Перед нами явление крупного масштаба: на огромном пространстве при участии влиятельной интеллектуальной группировки искусственно создана хо-

зйственной, социальной и культурная катастрофа. Ее интенсивность и продолжительность не имеют прецедента в индустриальном обществе Нового времени. А научное сообщество, обязанное изучить и объяснить эти процессы, недееспособно. Его элита, в ходе антисоветского похода погрузившись в мир идеологических мифов и призраков, стала деструктивной сектой с мессианскими видениями. Заняв столичные кафедры и факультеты, она парализует молодежь, которая испытывает чрезвычайную потребность в достоверном и беспристрастном знании.

Силой авторитета и административной власти большей части гуманитарной интеллигенции навязана аномальная методологическая парадигма. В ней стали господствовать не нормы научной рациональности, а корпоративные и клановые интересы. На языке этой парадигмы, с ее логикой и мерой стала мыслить и изъясняться основная масса преподавателей, подготовленных ими дипломированных специалистов, а затем и политики, бизнес-элита, СМИ.

Сборка нового сообщества обществоведов на адекватной нынешним проблемам и процессам методологической основе – срочная и чрезвычайная задача в национальной повестке дня России. Для этого требуется деликатно ограничить монополию в обществоведении элиты, погрязшей в своей перманентной революции.

Именно это мотивировало написание этой неприятной книжки. Расчистка хоть небольшой площадки для возникновения (точнее, целенаправленного создания) ячеек обществоведения научного типа, добывающего достоверное знание о реальности, стала чрезвычайной и актуальной задачей для *любой* мало-мальски патриотической власти России – будь то демократы, коммунисты, диктатор или король. Это уже вопрос выживания страны даже в ее самом приращенном состоянии.

Если бы не это – забыть бы тлен и распад перестройки и тупой бандитизм 1990-х годов и просто дожить, что кому осталось, понемногу восстанавливая условия для жизни внуков и правнуков. Но кроющаяся способность гноя, произведенного антисоветской революцией, беспрецедентна – все забрызгано, негде собраться людям, которые бы могли сосредоточиться на беспристрастном обсуждении объекта, условно называемом «российское общество». Он как будто заколдован – тронь его, и перед глазами мечутся какие-то фантомы и призраки, скалятся идола площади, рынка и театра. Благообразный профессор посту-

кивает хвостом по кафедре, проповедник на площади притоптывает копытцем.

Как можно преподавать студентам, чего от них можно требовать? Студент-политолог боится прикоснуться к политике, даже к самому безобидному ее проявлению, социолог бежит от социального факта – им уже вбили в голову: чем угодно занимайтесь, но не касайтесь российской реальности, ни-ни. Ну как можно к чему-то касаться, если власть поручает готовить программу развития России учреждениям, зная, что они напишут совершенно противоположное тому, что намечает и обещает сама власть! Перманентная революция и есть хаос, к которому честный и деятельный человек в принципе не может приспособиться. Ему нет места ни с властью, ни с оппозицией. И то, и другое – маски. И сколько их, неизвестно. Когда в тебя стреляют из пистолета, ты хоть считаешь выстрелы – после восьмого будет передышка и можно куда-то переползти. А тут маски нарождаются с любой скоростью.

Конечно, антисоветская революция пожрать своих детей не может – подавится. Но и оставлять это дело на самотек государство не должно. Поколение за поколением наших обществоведов обучают в такой уродливой парадигме, что уже не стоит вопроса ни об истине, ни об идеологии, все смешано в кашу – ризому⁴⁰.

На наш взгляд, 10-15 небольших книжек, делающих проходы в этой ризоме, позволят расчистить и продержат поляну, чтобы устроить и засеять грядки новой, пусть срочной и минимальной, методологией кризисного обществоведения для актуальной России. Если будут всходы и мы сможем их защитить до созревания, то эта методология начнет развиваться и обогащаться знанием. Монополия двуличия и спектакля будет слегка надломлена.

---

⁴⁰ «У ризомы нельзя выделить ни начала, ни конца, ни центра, ни центрирующего принципа («генетической оси»), ни единого кода».

Литература

1. Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров). Аналитический доклад. М.: Институт социологии РАН. 2011.
2. Есть мнение (ред. Ю.А. Левада). М.: Прогресс. 1990.
3. Батыгин Г.С. «Социальные ученые» в условиях кризиса: структурные изменения в дисциплинарной организации и тематическом репертуаре социальных наук // В кн. «Социальные науки в постсоветской России». М.: Академический проект, 2005.
4. Качанов Ю.Л., Шматко Н.А. Как возможна социальная группа (к проблеме реальности в социологии) // СОЦИС, 1996, № 12.
5. Воронков В.М. Проект «шестидесятников»: движение протеста в СССР // Отцы и дети. Поколенческий анализ современной России. М.: Новое литературное обозрение. 2005. С. 168-200.
6. Кара-Мурза С. Крах СССР: история и версия объяснения. М.: Алгоритм. 2013.
7. Степанова О.К. Понятие «интеллигенция»: судьба в символическом пространстве и во времени // СОЦИС, 2003, № 1.
8. Воронков В. Первый путь к диссидентству – друзья // АИФ Восточной Сибири, 2009, № 46, <http://www.irk.aif.ru/society/article/9300>.
9. Центр независимых социологических исследований: <http://www.cisr.ru/history.html>.
10. Грушин Б.А. Горький вкус не востребованности // Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999.
11. Мамардашвили М.К. Мой опыт нетипичен // Независимая газета, 29 февраля 1992 г.
12. Митрохин Л.Н. Тернистые пути отечественной социологии // В кн. «Социология и власть». М.: Наука. 2008.
13. Гудков Л., Дубин Б. Молодые «культурологи» на подступах к современности // Новое литературное обозрение. 2001. № 4 (50).
14. Кара-Мурза С. Маркс против русской революции. М.: Язуа. 2008.
15. Ципко А. Магия и мания катастрофы. Как мы боролись с советским

наследием // Независимая газета, 2000, 17 мая.

16. А.С. Ципко. Драма перестройки: кризис национального сознания // В кн. «Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние». М.: ИЭ РАН. 2008. С. 84.

17. Фокин С.Л. Что такое русская философия против политики сегодня // <http://credonew.ru/content/view/1112/67/>.

18. Пуцаев Ю.В. Политическое мышление Мамардашвили // <http://www.russ.ru/pole/Politicheskoe-myshlenie-Mamardashvili>.

19. Сенокосов Ю. Воспоминания о Мамардашвили // Общая газета, № 37 (113), 14 сентября 1995 г.

20. Мамардашвили М. Сознание и цивилизация. Тексты и беседы. М.: Логос, 2004.

21. Мамардашвили М.К. Мысль под запретом (Беседы с А. Эпельбауэн) // Вопросы философии. 1992, № 5.

22. Заславская Т.И. О стратегии социального управления перестройкой // Иного не дано. М.: Прогресс. 1988, с. 40-41.

23. Заславская Т.И. О совершенствовании социалистических производственных отношений и задачах экономической социологии // http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/zaslavskaya_manifest.html.

24. Заславская Т.И. Социализм, перестройка и общественное мнение // СОЦИС, 1991, № 8.

25. Перестройка: 20 лет спустя. М.: Горбачев-фонд. 2005 – http://www.gorby.ru/rubrs.asp?rubr_id=470&art_id=24026 \t "blank".

26. Заславская Т.И. Россия в поисках будущего // СОЦИС, 1996, № 3.

27. Заславская Т.И. О социальном механизме посткоммунистических преобразований в России // СОЦИС, 2002, № 8.

28. Попов Г.Х. Перспективы и реалии. О стратегии и тактике демократических сил на современном этапе // Огонек. 1990, №№ 50-51.

29. Радаев В.В., Шкаратан О.И. Власть и собственность // СОЦИС, 1991, № 1.

30. Батыгин Г.С. «Никакого другого пути я даже помыслить не мог...» // Социологический журнал. 2003, № 2.

31. Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление. М.: Изд-во политической литературы. 1988.

32. Перестройка глазами россиян: 20 лет спустя // СОЦИС, 2005, № 9.
33. РИА Новости // <http://ria.ru/society/20121229/916738237.html>.
34. Амосов Н. Революция у нас или нет? // Литературная газета. 1990, № 45.
35. Праздаскас А. СНГ как постколониальное пространство // Независимая газета, 7.02.1992.
36. Нуйкин А. Считайте меня китайцем // Российская газета, 2.04.1992.
37. Широнин В. Под колпаком контрразведки. М.: Палая. 1996. С. 256-257.
38. Клигер С.А. Рейтинг популярности публицистов // Экслибрис: научно-информационный бюллетень. Вып. 1. М.: Книжная палата, 1989. С. 21.
39. Яковлев А.Н. Сумерки. М.: Материк. 2005.
40. Мэтлок Д.Ф. Смерть империи. Взгляд американского посла на распад Советского Союза. М.: Рудомино, 2003. С. 55.
41. Островский А.В. Глупость или измена? Расследование гибели СССР. М.: Форум, Крымский мост-9Д. 2011 // reeed.ru/lib/books/glupost_ili_izmena_rassledovanie_gibeli_sssr/.
42. Яковлев А. О перестройке, демократии и «стабильности» // Независимая газета. 2003, 2 декабря.
43. Горбачев М. Демократизация – суть перестройки, суть социализма // «Правда», 1988, 13 янв.
44. Яковлев А.Н. Большевизм – социальная болезнь XX века // Черная книга коммунизма. Преступления, террор, репрессии / Куртуа С. и др. М.: «Три века истории». 2001.
45. Крючков В.А. Личное дело. Ч. 1. М.: Олимп. 1997. С. 257.
46. Яковлев А.Н. Муки прочтения бытия. Перестройка: надежды и реальности. М.: Новости. 1991.
47. «Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год десятый». Петроград, 1917. С. 114–116.
48. Фишер С., Дорнбуш Р., Шмалензи Р. Экономика. М., 1993. С. 358.
49. Aganbeguyan A. La perestroika económica: una revolución en marcha. Barcelona: Grijalbo, 1989. P. 77.
50. Межуев В.М. Национальная культура и современная цивилизация //

Освобождение духа. М.: Политиздат. 1991.

51. Амосов Н.М. Мое мировоззрение // Вопросы философии, 1992, № 6.

52. Ясин Е.Г. // Элита России о настоящем и будущем страны. М.: ИСИ РАН. 3 декабря 1993 г. Интервьюер Кульницкая С.Б.

53. Аганбегян А.Г. // Элита России о настоящем и будущем страны. М.: ИСИ РАН. 26 ноября 1993 г. Интервьюер – к.ф.н. Филатова И.П.

54. Попов Г.Х. Тупики тоталитарного социализма и перспективы развития // Независимая газета, 13 марта 1992 г.

55. Попов Г.Х. <http://www.mk.ru/blogs/idmk/2009/03/25/mk-daily/401208>.

56. Яковлев А.Н. Перестройка и нравственность // Советская культура. 1987, 21 июля.

57. Тишков В.А. // Элита России о настоящем и будущем страны. М.: ИСИ РАН. 25 января 1994 г. Интервьюер к.ф.н. Филатова И.П.

58. Бердяев Н. Русская идея // Вопросы философии. 1990, № 1.

59. Амосов Н. Реальности, идеалы и модели. «Литературная газета», 1988, 6 окт.

60. Заславская Т.И. Перестройка и социализм // В кн.: Постигание. Перестройка: гласность, демократия, социализм. М.: Прогресс. 1989. С. 217-240.

61. Келле В.Ж., Ковальзон М.Я. Общественная наука и практика. // Вопросы философии. 1990, № 12.

62. Кордонский С. Социальная реальность современной России. – www.POLIT.ru/lectures/2004/05/11/kordon.html.

63. Найшуль В.А. Откуда суть пошла реформаторы – bilingua.ogi.ru/lectures/2004/04/21/vaucher.html.

64. Ципко А. Можно ли изменить природу человека? // В кн. «Освобождение духа». М.: Политиздат. 1991.

65. Смирнов Г.Л. Революционная суть перестройки // Правда, 13 марта 1987.

66. Ципко А. // «Московские новости», № 24, 1990.

67. Ципко А. // В кн. «Освобождение духа». М.: Политиздат. 1991. С. 345.

68. Феретти М. Расстройство памяти: Россия и сталинизм // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены, № 5, 2002.

69. Буровский А.М. После человека. // Постчеловек. М.: Алгоритм, 2008, с. 208.

70. Иноземцев В. On modern inequality. Социобиологическая природа противоречий XXI века. // «Постчеловечество». М.: Алгоритм, 2007, с. 71.
71. Столяров А.М. Розовое и голубое. – «Постчеловек». М.: Алгоритм, 2008, с. 26, 31.
72. Любимов Л. Право на безделье // Ведомости, 2010, № 171, 13 сент., http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/245506/pravo_na_bezdele#ixzz1VJlyikZc.
73. Социальная сфера: политическое и духовное развитие общества. М.: Наука. 1991.
74. Яковлев А. Достижение качественно нового состояния советского общества и общественные науки // «Коммунист». 1987. № 8.
75. Горшков М.К. Социальные факторы модернизации российского общества с позиций социологической науки // СОЦИС, 2010, № 12.
76. Максимов Б.И. Состояние и динамика социального положения рабочих в условиях трансформации // СОЦИС, 2008, № 12.
77. Максимов Б.И. Рабочий класс, социология и статистика // СОЦИС. 2003, № 1.
78. Шмелев Н. Авансы и долги // «Новый мир», 1987, № 6.
79. Шмелев Н.П. Экономические перспективы России // СОЦИС. 1995, № 3.
80. Межуев В.М. Национальная культура и современная цивилизация // В кн. Освобождение духа. М.: Политиздат. 1991.
81. Lévi-Strauss C. Antropología estructural: Mito, sociedad, humanidades. México: Siglo XXI Eds. 1990.
82. Ракитов А.И. Цивилизация, культура, технология и рынок // Вопросы философии. 1992, № 5.
83. Ципко А. Замороженная душа // Независимая газета. 12.11.2008.
84. Яковлев А.Н. Куда качнется интеллигенция // Российская газета, 8 июня 1996 г.
85. Шмелев Н.П. Экономика и здравый смысл // «Знамя». 1988, № 7.
86. Лакшин В. Берега культуры. // Свободная мысль. 1993, № 9.
87. Маркс К. Капитал. Соч., т. 23., с. 772-773.
88. Ильенков Э.В. Философия и культура. М.: Политиздат. 1991. – <http://caute.net.ru/ilyenkov/texts/phc/marxww.html>.

89. Нерсесянц В.С. «Декларация прав человека и гражданина» в истории идей о правах человека // СОЦИС. 1990, № 1.
90. Горбачев М. Декабрь-91. Моя позиция. М.: Изд-во «Новости», 1992.
91. Красильщиков В.А. Модернизация и Россия на пороге XXI века. // Вопросы философии. 1993, № 7.
92. Гэлбрейт Дж. Прочему правые неправы // Известия, 1990, 29 янв.
93. Кардозу Ф.Э., Карной М., Кастельс М., Коэн С., Турен А. Пути развития России // Мир России. 2010, № 2.
94. Яковлев А.Н. // «Поиск». 1992, № 7.
95. Шмелев Н. Новые тревоги и надежды. // «Новый мир». 1988, № 4.
96. Аганбегян А.Г. Социально-экономическое развитие России – www.econom.nsc.ru/eco/arhiv/ReadStatiy/2004_01/Aganbegian.htm.
97. Шмелев Н.П. // «Московская среда», № 4, 2003.
98. Эмсден А., М. Интрилигейтор, Р. Макинтайр, Л. Тейлор. Стратегия эффективного перехода и шоковые методы реформирования российской экономики // Шансы российской экономики. Анализ фундаментальных оснований реформирования и развития. Вып. 1. М.: Ассоциация «Гуманитарное знание». 1996. С. 65-85.
99. Шлыков В.В. Что погубило Советский Союз? Американская разведка о советских военных расходах. – Военный вестник МФИТ. 2001, № 8.
100. Яковлев А.Н. Советский строй можно было взорвать только изнутри // Литературная газета, № 41, 10-16 октября 2001 г.
101. Кара-Мурза С.Г. Народное хозяйство СССР. М.: Алгоритм. 2012.
102. Лихачев Д.. Я вспоминаю. М.: Прогресс. 1991.
103. Тихонова Н.Н. Особенности нормативно-ценностной системы российского общества – www.liberal.ru/articles/5188.
104. Ясин Е. Демократы, на выход! // «Московские новости», 2003. № 44, 18 ноября.
105. Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции. М.: Мысль. 2003. С. 194.
106. Авалиани Т. Из истории рабочего движения Кузбасса (к 15-летию шахтерской забастовки 1989 года). – <http://vorkuta-rkrp.narod.ru/avaliani>.
107. Беляков А.А. Стратегические проекты России в условиях кризиса // «Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование».

2009, т. 2, вып. 3.

108. Fernández Cepedal, J.M. Ideología «brumarista» y Napoleon Bonapart // El Basilisco, 2 Época, 1994, № 17, pp. 37-44.

109. Гайдар Е.Т. Власть и собственность: Смуты и институты. Государство и эволюция. СПб.: Норма, 2009. С. 328.

110. Яковлев А. Родоначальник гласности о контрреформах // Независимая газета. № 79, 19.04.2005.

111. Попов Г.Х. Пора перестать бездумно бить поклоны // Московский комсомолец. 07.02.2005.

112. Малышев А.В. В мире фантомов // СОЦИС, 1992, № 12.

113. http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_new_philosophy/1253/.

114. Кон И. Личность и общество (Возвращаясь к проблеме отчуждения) // «Иностранная литература», 1966, № 5. (http://scepsis.ru/library/id_1113.html).

115. Орлов В.Н., Карпухин О.И. Культура и отчуждение // СОЦИС, 1990, № 8.

116. Тарасов А. Суперэтатизм и социализм // http://scepsis.ru/library/id_102.html.

117. Волович В.Н. Отчуждение как условие формирования нового рабочего класса в постсоветской России // Проблемы современной экономики, № 4 (28), 2008.

118. Кравченко А.И. «Мир наизнанку»: методология превращенной формы // СОЦИС, 1990, № 12.

119. Ионин Л.Г. Культура и социальная структура // СОЦИС, 1996, № 2.

120. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42.

121. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. Соч., т. 3, с. 30, 31.

122. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. - В кн.: М. Вебер. Избранные произведения. М.: Прогресс. 1990. С. 144-145.

123. Павловский Г. Война так война // Век XX и мир. 1991, № 6.